Т.Н. Минникова.

Вычеркнутые из памяти

Советские военнопленные в Ленинградской области: Тосненский район

3-е издание, дополненное и переработанное

2016

ББК…

Минникова Т.Н.
Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные в Ленинградской области: Тосненский район. – СПб.:, 2016. – 174 с., илл.

В книге показывается преступная политика Третьего рейха в отношении советских военнопленных. На богатом краеведческом материале автор раскрывает механизм уничтожения наших солдат и офицеров, оказавшихся в немецком плену на территории Тосненского и близлежащих районов. Особое внимание уделяется психологической составляющей поведения узников в экстремальных условиях плена. В заключении делается попытка осмысления проблемы советских военнопленных в немецкой и отечественной истории.

Минникова Татьяна Николаевна – историк, публицист, член Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева.

Автор выражает признательность

Ющенко Наталье Александровне, директору Тосненского историко-краеведческого музея;

Тихомировой Раисе Васильевне, библиографу, заведующей краеведческим отделом Тосненской Центральной районной библиотеки;

Княжевой Ирине Михайловне, председателю Региональной общественной организации «Центр женских инициатив» в г. Тосно;

Васильевой Валентине Александровне, заведующей Любанской городской библиотекой;

Соколову Юрию Васильевичу, депутату Законодательного собрания Ленинградской области;

Тищенко Яну Юрьевичу, предпринимателю.

В оформлении обложки использована фотография:
«Колонна советских военнопленных в Новоржеве, Псковская область (в годы войны – Ленинградская область), 1941 год. На заднем плане – церковь Николая Чудотворца» – URL: http: //waralbum/ru [14.05.2014]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Т.Н. Минниковой

Уважаемая Татьяна Николаевна!

Примите слова искренней благодарности за участие в конкурсе на соискание Литературной премии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Ваш литературный труд вносит огромный вклад в сохранение памяти о Великой Отечественной войне, в патриотическое воспитание молодежи. Ваши книги, ваши воспоминания это нравственный ориентир, который служит сплочению нашего общества.

От имени депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга желаю Вам здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

В.С. Макаров

Санкт-Петербург
2016 г.

РЕЦЕНЗИЯ

На фоне современных тенденций пересмотра итогов Второй Мировой и принижении вклада Советского Союза в достижении общей победы над нацистской угрозой, крайне актуальными являются исследования, раскрывающие истинные события тяжёлой военной поры.

При этом поиск исторической правды о событиях Великой Отечественной войны состоит не только в героизации подвига советского народа, но и в сохранении памяти о тяготах и лишениях, пережитых советскими людьми на фронте и в тылу. Обращение к трагическим событиям военной повседневности позволяет глубже взглянуть на весь ужас войны, где человек быстро теряет свой морально-нравственный облик.

В этой связи, исследование Т.Н. Минниковой является ценным вкладом в раскрытии малоизученных страниц Великой Отечественной войны. Автор, опираясь на солидную источниковую базу исследования, отразила одну из трагических реалий периода немецко-фашистской оккупации на территории Тосненского района Ленинградской области. К интересным авторским находкам в содержании монографии следует отнести то обстоятельство, что все зафиксированные факты территориально соотносятся с современными объектами и географическими точками на территории района.

В целом структура монографии не вызывает нареканий, представленный автором материал написан живым и доступным языком, и будет интересен для широкой читательской аудитории. С учётом вышесказанного, монографию Т.Н. Минниковой можно рекомендовать к публикации.

А.Л. Никифоров,
кандидат исторических наук
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

Посвящается памяти
одного из первых исследователей
темы фашистских концлагерей
на территории Тосненского района –
краеведа Германа Фёдоровича Чекура

ПЛЕННЫЕ

Бесконечным потоком струится
Грязно-серая вереница.
Как одно, утомлённые лица.
Пленные.

Уроженцы Москвы и Тамбова,
Запорожья, Баку, Могилёва, –
Безымянные, сжатые словом:
Пленные.

Их согнули побои и холод,
Истощили и жажда и голод.
Не поймёшь, кто тут стар, а кто молод.
Пленные.

Мелкий дождь, как сквозь частое сито.
Что под этой безликостью скрыто?
Неужели душа в них убита?
Пленные.

Кто отстал, – пристрелили. В канавах –
Трупы, трупы и слева и справа.
Где тут право? Где бранная слава?
Пленные.

Всё идут и идут. Как их много!
Не пустеет большая дорога.
Поднимите глаза, ради Бога,
Пленные.

Вы ль в долгу неоплатном пред теми,
Что вершили в жестокое время?
Чьей вины же несёте вы бремя,
Пленные?

Обожжённые яростью боя,
Были, есть и меж вами герои.
Кто ж в ответе теперь за такое?
Пленные…

А.Клейн

Из всего того, что приходилось слышать или читать о Великой Отечественной войне, наиболее жестокой видится судьба советских военнослужащих, оказавшихся в фашистском плену. Кадры немецкой кино- и фотохроники запечатлели многотысячные колонны измученных, оборванных, истощённых людей, бредущих куда-то на запад под прицелами автоматов и лай овчарок.

А эти страшные сборные пункты! Лагеря под открытым небом, где отсутствуют самые элементарные коммунальные удобства, но зато есть многокилометровые ряды колючей проволоки, ограждающей несчастных от остального мира... Палки и плётки надзирателей, дистрофия, вши, грязь, голодные поносы, тиф, холод, издевательства охраны, каторжный труд, расстрелы и ... смерть... смерть... смерть... МИЛЛИОНОВ!

Эта апокалипсическая картина чудовищна в какой-то своей запредельной абсурдности. Она не поддаётся здравому пониманию, потому что здесь буквально в одночасье вся история человеческой цивилизации обратилась вспять. Словно вновь наступила кровожадная эпоха «раннего железа», когда пленных убивали, женщин и детей уводили в рабство, а покорённое населении заставляли повиноваться с помощью террора. Но даже с учётом исторической «обратной перспективы» можно утверждать, что история войн всё-таки не знала примеров столь жестоких массовых преступлений, совершённых воюющей стороной в отношении захваченных в плен солдат противника, какие имели место в ситуации с советскими военнопленными. Психологическому состоянию людей, оказавшихся в подобном положении, и посвящена данная работа.

«Их было слишком много!»

Согласно последним исследованиям, из 5.7 млн. захваченных военнослужащих к концу войны в живых осталось не более 2.4 млн. человек: остальные 3.3 млн. (около 60%) умерли или погибли в плену, причём примерно 2 млн. – в первые полгода войны (до 1 февраля 1942 года)[1]. Однако, скорее всего, эти цифры занижены, т.к. данные о военнопленных, особенно в первые месяцы войны, были очень приблизительными.

В связи с этим резонно задаться вопросом: почему в немецком плену советских солдат и офицеров погибло более половины, т.е. несоизмеримо больше, чем пленных других, воевавших с Германией стран? – (американских пленных погибло 2%, поляков – 4%)[2]. Почему из всех многочисленных противников Третьего рейха именно советские военнопленные «котировались» ниже всех?

На это сами немцы, воевавшие на Восточном фронте, отвечали просто: «Их было слишком много!» И действительно, уже в первые недели войны счёт сдавшихся в плен шёл на сотни тысяч, а несколько первых

1. Шеренга пленных красноармейцев сразу после сдачи в плен, 1941 г.

месяцев дали уже миллионы. Некоторые немецкие авторы объясняют это тем, что в советских войсках в данный период господствовали пораженческие настроения. Красная Армия была деморализована, военнослужащие в своём большинстве не были готовы сражаться и потому *легко* сдавались в плен. Но история свидетельствует, что если данное

обстоятельство и имело место, то лишь отчасти, и отнюдь не этим объясняется массовое пленение наших солдат и офицеров.

На самом деле, основу сложившейся в начале войны катастрофической ситуации составляли, прежде всего, военные причины: немцы на тот момент умели воевать лучше всех в мире, и не было силы, способной их тогда остановить.

Но даже с учётом этого обстоятельства следует иметь в виду и то, что сама по себе Красная Армия к войне была подготовлена *плохо*.

Безусловно, в Кремле прекрасно понимали, что столкновение с рейхом неизбежно, и Советский Союз к войне готовился. Активно осуществлялась индустриализация народного хозяйства, перевод его на военные рельсы; ужесточалась трудовая дисциплина; выпускались новые образцы вооружения; проводилась дополнительная («скрытая») мобилизация военнообязанных; велось масштабное реформирование Вооружённых Сил. И, тем не менее, в 41-м враг за короткое время оказался у стен Москвы и Ленинграда. Как подобное могло случиться?

В советской историографии в качестве главной причины всегда называлась внезапность нападения фашистской Германии на Советский Союз. Однако сейчас уже хорошо известно, что советская разведка активно информировала правительство СССР о готовящейся агрессии. Проблема заключалась в том, что ни Сталину, ни его ближайшему окружению не приходила в голову мысль о том, что начало войны может быть вероломным, то есть не обусловленным предварительными дипломатическими переговорами. Внезапность в данном случае была спровоцирована самим Сталиным, опасавшимся дать Германии повод к нападению и в результате не позволившим привести войска в надлежащую боевую готовность.

Гитлер планировал осуществить разгром Советских Вооружённых Сил в самые короткие сроки – 5-6 месяцев. Известно, что тактика «блицкрига» отрабатывалась в Европе, где она показала свою эффективность. Но почему эта тактика должна была видеться немецкому генералитету столь же успешной и в России – стране необъятных просторов, неиссякаемых природных богатств и огромных человеческих ресурсов? Руководство вермахта не могло не осознавать, что все выше перечисленные условия являются базой для ведения затяжной войны, которую Германии выиграть было бы сложно.

Причина применения «блицкрига» в данном случае обосновывалась просто: на тот момент СССР обладал чрезвычайно слабой армией. Известно, что сила любой армии заключается в грамотном и опытном офицерском корпусе, дисциплинированных и хорошо обученных солдатах, качественном техническом оснащении и вооружении. А главное – в её боевом духе, в её воле к победе. Ни один из этих пунктов не удовлетворял в РККА необходимым требованиям. Можно назвать множество причин, по которым это происходило: реорганизовывавшаяся РККА увеличивалась в первую очередь количественно (личным составом), и в таких условиях возникали трудности с одновременным комплектованием новых соединений материальной частью. Советские солдаты и командиры были малограмотны – в 1939 году только 7,7% жителей СССР

имели семь и более классов образования (в Германии – 100%), а высшее – только 0,7%. Это не могло не сказываться на уровне их подготовки, освоении новой техники, а также сознательности поведения в боевой обстановке[3]. В этом смысле, настоящим бичом РККА являлись проблемы с дисциплиной (чего не скажешь о немецкой армии).

Точно также и качественное состояние вооружения в частях Красной армии серьёзно уступало немецкому. Оружия, танков, артустановок было произведено много, но они зачастую были устаревших образцов или имели недостаточно высокие тактико-технические характеристики, а кроме того, нередко нуждались в капитальном и среднем ремонте. Одновременно не хватало боеприпасов, запчастей, горюче-смазочных материалов. Особенно в этом отношении страдали танковые и механизированные корпуса и дивизии. При этом танки перспективных моделей (Т-34) почти не эксплуатировались, а выучка их экипажей оставляла желать лучшего.

Важнейшей составной частью боеспособности вооружённых сил является качество командного состава. Советские военные кадры опытом управления в боевых условиях почти не обладали. Более 55% командиров перед войной находились на своих должностях менее полгода, 25% – около года. Такое положение с кадрами сложилось, во-первых, из-за того, что с 1939 года численность РККА возросла в два раза. Из-за необходимости назначать на вакантные должности большого количества командиров, многие из них занимали посты, особенно в тактическом звене, не имея военного образования (13,6%)[4].

А во-вторых, урон военным кадрам нанесли репрессии 1937-1939 гг. Согласно архивным источникам, только с 27 февраля 1937 по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина и других членов политбюро санкции на репрессирование 38 679 военнослужащих[5]. Это примерно 7% от всей численности командно-политического и технического состава Красной армии[6]. Казалось бы немного. Но какие это были семь процентов! По распоряжению Сталина были расстреляны 8 лучших (по мнению немцев) военачальников. Множество опытнейших командиров либо подверглось той же участи, либо погибло в застенках в ходе следствия, либо лишилось здоровья в лагерях и тюрьмах. И лишь небольшая их часть была реабилитирована перед войной или в начале войны и отправлена в войска.

Но самое печальное заключалось в том, что был подорван морально-боевой дух армии. Несмотря на массовый подъём патриотических чувств, который в целом наблюдался в советском обществе накануне войны, результаты воздействия сталинской системы на общественное бытие не могли не отразиться на состоянии Вооружённых Сил. Это выразилось в том, что солдаты не доверяли командирам, командиры – друг другу. «Большой террор» привёл к тому, что в РККА сложилась атмосфера всеобщей подозрительности и страха. А она в свою очередь породила пассивность и безынициативность командного и рядового состава. Всё это крайне пагубно сказалось на будущем ходе военных действий.

По существу, репрессивная политика советского государств и в особенности «Большой террор» способствовал росту общей некомпетентности на всех этажах власти в СССР, и в первую очередь – в армии, где подбор кадров (как и везде) осуществлялся не на основе реальных достижений, а по социально-классовому принципу, преданности партии и лояльности вышестоящему начальству. В итоге многие генералы и даже маршалы имели лишь начальное образование, «усиленное» краткосрочными военными курсами.

Когда генералы вермахта решали применять в России тактику «блицкрига», они вполне отдавали себе отчёт в том, с какой армией им предстоит иметь дело. Они были абсолютно уверены в успехе, ведь это был, по их мнению, «колосс на глиняных ногах»: «Никто из участников нашего похода не может сомневаться в том, что русские сильны и выносливы. Однако они необразованны, и их командование никуда не годится»[7].

Тактика «блицкрига» в таких условиях была абсолютно логична: никакая система, даже обладающая мощным энергетическим и материальным ресурсом, но с нарушенным внутрисистемным взаимодействием, то есть *грамотной системой управления,* не в силах противостоять внешнему разрушающему воздействию. Искажение внутренних информационных процессов делает её беспомощной перед врагом. Активное внешнее вмешательство неизбежно вводит её в ступор. Собственно, это и произошло летом 1941-го года.

Несмотря на все попытки подготовиться к грядущей войне Красная армия фактически оказалась к ней не готова. Она собиралась воевать только на чужой территории малой кровью. Она предполагала только наступать, но никак не обороняться. Реальность оказалась слишком неожиданной для всех – и для руководства страны, и для армии, и для народа. В этом смысле, сокрушительное поражение Красной армии в начале Великой Отечественной войны явилось закономерным итогом общей обстановки в стране, а более конкретно, – результатом волюнтаристской политики её руководства в сфере комплектования кадров на всех уровнях управления государством снизу доверху. Ни в техническом, ни в оперативно-тактическом, ни в морально-психологическом плане советские войска не могли на тот момент достойно противостоять своему мощному противнику.

Запланированное преступление

Безусловно, колоссальное число захваченных в плен красноармейцев создавало для немецкого командования серьёзные проблемы. Людей надо было охранять, перемещать и, главное, – кормить. У немцев же необходимых ресурсов (по их словам) едва хватало лишь для обеспечения нужд собственной армии. В результате вся вина за бедственное положение наших солдат перекладывалась на советскую сторону – «надо было лучше воевать!».

Однако, как бы ни «жалко» было бедных немцев, оказавшихся «заложниками ситуации», правда заключается в том, что именно Германия, а не СССР развязала преступную войну; именно нацисты в ходе этой войны уничтожили миллионы людей. Вот почему цинично выглядят попытки поменять местами агрессора и жертву. Такая позиция, по меньшей мере, вызывает недоумение, тем более, что она созвучна и позиции главного нацистского преступника – Адольфа Гитлера, заявившего в ноябре 1941 года буквально следующее: «Вина за войну, и, тем самым, за те невзгоды, которые вынуждены переносить военнопленные, ложится на московских правителей...»[8].

Да, немецкая сторона объясняла массовую смертность советских военнопленных «непреодолимыми обстоятельствами»: не ожидав такого их количества, она якобы не имела возможности организовать их нормальный быт и достойное снабжение продовольствием. Однако подобные заявления не могут служить серьёзным аргументом, потому что сама структура планировавшейся на востоке компании изначально предусматривала появление большого числа пленных, и этого не могли не понимать военные специалисты вермахта.

Технология блицкрига предполагала активное взламывание обороны противника с использованием авиации, артиллерии и танковых сил. Последние, образуя «клинья», охватывали с двух сторон беспорядочно отступавшие силы противника (как бы «клещами») и заключали их в кольцо («котёл»). Затем их должна была добивать подоспевшая пехота, что и происходило, если в «котлах» оказывалось сравнительно немного людей, и брала в плен, если их оставалось слишком много.

При такой тактике ведения войны (организации больших «котлов») пленных заведомо не могло быть мало. Вот почему отказ немецкого военного руководства заботиться должным образом о пленных говорит не столько о реальной невозможности, сколько о преднамеренном нежелании это делать.

И этот момент принципиален, т.к. является косвенным доказательством того, что нацистами изначально вынашивался проект массового уничтожения будущих советских военнопленных. И средством для этого должны были стать следующие два фактора: создание невыносимых условий их содержания и организация искусственного голода. В *феврале 1941 года* Верховное командование вермахта (ОКВ) заявило, что не существует никаких обязательств по обеспечению продовольствием населения (и военнопленных) в занятых областях[9]. А генерал-лейтенант Рейнеке – начальник Управления по делам военнопленных при ставке Верховного главнокомандования – на секретном совещании в Берлине в *марте 1941 года*, инструктируя своих подчинённых, подчёркивал, что лагеря для советских военнопленных рекомендуется устраивать под открытым небом[10].

Женевская конвенция

25 ноября 1941 года всем послам государств, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения, была передана нота НКИД, в которой говорилось о стремлении нацистов к массовому истреблению советских военнопленных. Нота наглядно иллюстрировала данное утверждение ссылкой на установленные для них нормы питания: «600 гр хлеба и 400 гр мяса на человека в месяц». В документе сказано, что для советских военнопленных установлен особый, отличный от содержания военнопленных других стран, «зверский режим», включающий пытки, истязания и убийства. Следствием этого режима стало огромное количество уничтоженных людей[11].

Однако ответственность за творящееся на глазах всего мира гуманитарное преступление нацистская верхушка откровенно перекладывала на Советы, лицемерно ссылаясь на то, что Советский Союз, дескать, не подписал в 1929 году Женевскую конвенцию о статусе военнопленных. Однако ссылки на это не могут служить оправданием действиям нацистов, и вот почему: в основу конвенции 1929 года (а также соответствующих предписаний Красного Креста) легли положения Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. В ней (ст. 4-20, Дополнения) регламентировалось гуманное отношение к захваченным в плен солдатам противника. К этой-то конвенции и присоединилась Советская Россия в 1918 году, как основополагающей и юридически правомочной.

Кроме того, в ст. 82 Раздел VIII Женевской конвенции *специально оговаривалось*, что в вопросе об отношении к военнопленным для стран, не подписавших указанную конвенцию, действуют те же нормы, что и для стран, её подписавших: «Положения настоящей конвенции должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах. Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших»[12].

Германия была обязана соблюдать эту статью, потому что она подписала конвенцию. Так что в данном случае ситуация с подписанием-неподписанием явилась всего лишь формальным поводом, позволявшим гитлеровцам творить над советскими военнослужащими любой произвол: «Большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской конвенцией» (приложение №1 к оперативному приказу №14 начальника полиции безопасности и СД)[13]. Иными словами, открыто нарушая статью 82 данной конвенции, Германия принципиально отказывалась её соблюдать относительно граждан СССР – страны её не подписавшей, и не имела ничего против её соблюдения относительно граждан стран, её подписавших. Чем обоснована подобная избирательность?

«Особая» война на Востоке

В основе её лежала установка, данная Гитлером 30 марта 1941 года на совещании высшего генералитета вермахта, где он прямо заявил, что «война на Востоке будет резко отличаться от войны на Западе»; что война против Советского Союза будет вестись «на уничтожение, это будет истребительная война в полном смысле этого слова»[14].

Подготовка к ней включала в себя, помимо всего прочего, и создание соответствующих документов. Штабом ОКВ 13 марта 1941 г. была подготовлена специальная инструкция «Об особых областях» к директиве № 21 (план «Барбаросса»), в которой были обозначены специальные акции по установлению жёсткого оккупационного режима[15]. В дополнение к этому документу 13 мая 1941 г. была издана директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск»; 19 мая 1941г. – директива «О поведении войск в России»; 1 июня 1941 г. – «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращении с русскими».

Все эти документы возводили зверства по отношению к гражданам СССР в ранг государственной политики. Так, согласно приказу «О военной подсудности в районе «Барбаросса»» каждый (!) отдельный офицер получал полномочия приводить в исполнение казни советских граждан без проведения формального судебного процесса. Достаточно было подозрения на любую форму сопротивления (активную или пассивную). Одновременно указ гарантировал немецким солдатам и служащим вспомогательных подразделений вермахта почти полную безнаказанность[16].

Особый документ в этом ряду – «Директива по обращению с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 года. Политработников в ней предписывалось не считать военнопленными и уничтожать на месте. Никогда ещё немецкие вооружённые силы не обязывались в приказном порядке так систематически нарушать международное право. Война на уничтожение требовала иных представлений о «законности». Но почему такая война должна была вестись именно против СССР?

Генеральный план «Ост»

Общая идея на этот счёт была высказана Гитлером чуть ли не на следующий день после того, как он стал рейхсканцлером Германии. В своей программной речи перед офицерами вермахта 3 февраля 1933 года он указал на главную задачу, стоящую перед страной: «захват жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация»[17]. К 1940-му году эта идея обрела свои конкретные очертания. На завоёванных славянских территориях планировалось проведение политики геноцида, которая включала бы в себя: истребление больших масс людей как непосредственно физическими методами, так и сокращения людей путём: преднамеренной организации голода, организованного уменьшения

рождаемости, ликвидации медицинского и гигиенического обслуживания. Особо подчёркивалась необходимость уничтожения интеллигенции. В России не должно было остаться образованных людей. В этом смысле показательно высказывание рейхсфюрера СС Г. Гиммлера: «Принципиальная линия для нас абсолютно ясна: этому народу (советскому) не надо давать культуру. Я хочу повторить здесь слово в слово то, что сказал мне фюрер. Вполне достаточно, во-первых, чтобы дети в школах запоминали дорожные знаки; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25-ти; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо»[18].

Главным документом, в котором окончательно были оформлены человеконенавистнические цели нацистов относительно СССР, стал Генеральный план «Ост». В самых общих чертах этот документ предусматривал уничтожение Советского государства, физическое истребление не менее 30 миллионов человек и перемещение оставшегося населения (не подлежащего «онемечиванию») в Сибирь – в концлагеря и резервации на медленную гибель. Освободившиеся территории предполагалось заселить немецкими колонистами (примерно 8-10 миллионов человек). Расчёт остающегося «онемеченного» населения строился на простой арифметике: на одного германского господина планировалось два славянских раба. Оставшееся население считалось избыточным и подлежало выселению, причём под термином «выселение» здесь подразумевалось его уничтожение – быстрое или медленное. (Гиммлер неоднократно заявлял, что в перспективе население России должно сократиться до 30 млн. человек).

Расовая теория Гитлера

Для того, чтобы эти безумные планы начали реально работать, необходим был мощный мотивирующий принцип, который бы даже не на уровне сознания, а в обход него – буквально на религиозно-эмоциональном уровне – оправдывал бы любые действия нацистов против человечности. Этот принцип должен был позиционировать «зло» как «добро» и иметь такую силу убедительности, чтобы вся нация в единодушном порыве одобрила бы его и отдалась бы ему без долгих размышлений. Таким базовым принципом стала расовая теория Гитлера.

Суть ей заключалась в следующем утверждении: идеальные качества народа передаются не с культурой, а с генами, то есть по наследству. Отсюда, по мнению Гитлера, было важно *на фоне деградирующего человечества* вывести «чистую» породу людей, у которых правильной («арийской») внешности соответствовал бы правильный («нордический») характер. Нельзя допускать смешения генов, чтобы не испортить расу: «результатом каждого скрещивания рас является:

а) снижение уровня более высокой расы;

б) физический и умственный регресс, тем самым и начало, хотя и медленного, но систематического вырождения»[19].

Расовая теория возводила готовящиеся преступления в ранг религиозного служения Высшей Цели и рождала в душах немцев чувства мессианской значимости и эволюционной осмысленности всего того, что им предстояло совершить. Задача ставилась – не больше, не меньше, как очистить мир от расово-неполноценных «полукровок». И первыми в этом ряду стояли евреи, цыгане и душевно больные люди.

Известна патологическая ненависть Гитлера к еврейскому народу. В мировом еврействе он видел источник всех земных бед. Массовое уничтожение евреев в Европе – это гибель 6 млн. человек. К ним, в соответствии с расовой теорией, нацисты относились как к паразитам, вшам или червям, уничтожение которых, безусловно, воспринималось как справедливое, благое дело.

На одну ступень выше евреев в расовом отношении стояли славяне, русские. Эти были не просто людьми второго сорта, а представителями животного мира, чем-то вроде кроликов, способных лишь к быстрому, неконтролируемому размножению и удовлетворению физических нужд. По этому поводу Гитлер вещал: «Одна из главных задач немецкой государственной деятельности на всё время – предупредить всеми имеющимися средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живыми существам не только завоёвывать врагов, но и уничтожать их»[20].

Мировоззренческая война – война нового типа

Согласно нацистской доктрине, фактически все народы СССР попадали под категорию «унтерменшен» (недочеловек). В рассуждениях о советских людях в ход пускались такие выражения, как «славяно-татарская гидра с еврейскими головами», «гуннские орды с раскосыми глазами» и т.п. И всё же не только одним расистским фанатизмом объясняется крайняя жестокость фашистов по отношению к гражданам СССР. Их расистская теория приобрела чудовищную разрушительную силу в момент слияния её с доведённым до крайности идеологическим пренебрежением, которое питали гитлеровцы к марксистским идеям. Они считали, что только расово-неполноценные, тупые народы способны следовать большевистской идеологии (символу «стадности», всяческой «азиатчины» и «нецивилизованности»).

По их мнению наибольшую угрозу европейской цивилизации представляли два фактора: «восстание масс» (идеология марксизма) и мировое еврейство («паразитический еврейский капитал»). Соответственно, нацистский миф последовательно соединил в себе оба эти «угрожающие фактора» в одно неразделимое целое – «жидовский большевизм»: «Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и её мёртвый вес. Марксизм отрицает ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает, таким образом, у человечества предпосылки его существования и культуры», – так писал Гитлер в «Моей борьбе»[21].

Вот почему главный враг религиозно-мессианского стремления немцев «спасти мир» посредством улучшения человеческой «породы» виделся им там, где проповедовался марксизм, то есть в СССР. Можно сказать, что здесь была задействована не просто идеология, но религиозный фанатизм, который во все времена отличался крайней нетерпимостью по отношению к тем, кто не вписывался в установленную доктрину: «Мы давно мечтали поддать этим большевикам как следует. И нами руководила не ненависть, нет, скорее брезгливое презрение. Приятно всё-таки столкнуть в сточную канаву эту большевистскую мразь, где ей самое место» (лейтенант Гейнц Кноке)[22].

Именно по этой причине война против Советского Союза замышлялась как «война на уничтожение»: это была война нового типа – война *мировоззренческая*, в которой хороши были любые средства. И самый простой и малозатратный способ уничтожения враждебного мировоззрения, по мнению идеологов нацизма, заключался в *физическом устранении его непосредственных носителей*. Именно поэтому Советский Союз, в отличие от других европейских стран (в том числе и славянских) в полной мере ощутил на себе нацистскую политику «обезлюживания»: «после планируемого поражения СССР должно последовать истребление славянского населения в таких размерах, что физическое уничтожение евреев необходимо рассматривать как эксперимент для подобных компаний в будущем» (из речи Гитлера 7 октября 1939 г.)[23].

«Другой холокост»*

Таким образом, бедственное положение советских военнопленных следует рассматривать в одном ряду с заранее спланированной стратегией «обезлюживания» занятых фашистами территорий. Именно по этой, а не по какой-либо иной причине немецкая армия обращалась с нашими пленными столь равнодушно-варварским образом: её действия определялись логикой поставленных в этой войне целей. Так что, политика Германии в отношении пленённых бойцов Красной Армии должна рассматриваться именно как часть её общей политики истребления значительных групп населения.

При этом пленные красноармейцы представляли собой всё же особый контингент для уничтожения – гитлеровское руководство находило экономически невыгодным оставление в живых «лишних людей неполноценной расы», да к тому же ещё и заражённых «иудо-большевистской» идеологией.

В этом смысле, участь советского солдата, попавшего в плен, была заранее предрешена. В нём видели не только «недочеловека» (тупого, нецивилизованного варвара), но и идейного врага, одним фактом своего

* «Холокост» в широком смысле – преследование и массовое уничтожение нацистами представителей различных этнических и социальных групп в период существования фашистской Германии. «Холокост» в узком смысле – массовое уничтожение нацистами еврейского народа в годы Второй мировой войны.

2. Пленные красноармейцы, захваченные в бою в районе Мги.

существования покушавшегося на основополагающий религиозный миф нацистского государства. Вот почему его невозможно было уравнять в правах с военнопленными других, воевавших с Германией стран; вот почему с ним можно было обращаться хуже, чем со скотиной: «Длинная серо-бурая колонна, напоминающая гигантское пресмыкающееся, монотонно гудя, медленно тянулась по дороге... Конца этой колонне видно не было. Стоило нам приблизиться, как в нос ударила жуткая вонь, кое-кого даже вытошнило...» (пехотинец Бенно Цайзер)[24] – «Тут не увидишь мало-мальски привлекательного лица. Сплошь дичь, забитость, ни дать ни взять – дебилы. И вот эта мразь под предводительством жидов и уголовников намеревалась подмять под себя Европу и весь остальной мир!» (танкист Карл Фукс)[25].

По данным современных исследований советские военнопленные представляют собой вторую по величине (после евреев) группу жертв преступлений против человечества, совершённых фашистской Германией. Известно, что одна их часть содержалась на оккупированной территории СССР, а другая – в Германии и в ряде подвластных и союзных ей стран (Франции, Бельгии, Норвегии, Польше, Югославии, Венгрии, Голландии и др.). Можно считать установленным, что общее число советских бойцов, погибших и умерших на захваченной территории СССР, определяется величиной примерно в 2.3 млн. человек[26].

Тосненский район в годы войны

Рассказывая об их трагической судьбе, обратимся к материалам, освещающим военную историю Ленинградской области и в частности – Тосненского района.

Этот район расположен к юго-востоку от Санкт-Петербурга. Его райцентр – город Тосно (а годы войны – посёлок Тосно) – находится от него в 50-ти километрах. Территорию района пересекают две значимые для страны транспортные магистрали – железнодорожная и шоссейная, соединяющие между собой две российские столицы, что придаёт Тосненскому району важное стратегическое значение.

Во время войны этот его стратегический статус был неоднократно подтверждён фактом неустанного внимания к нему как со стороны нашего командования, так и со стороны сил противника. В сентябре 1941 года здесь велись упорнейшие бои, остановившие продвижение немецких войск к Ленинграду по Московскому шоссе. Здесь же разворачивались и две серьёзные (хотя и неудачные) военные операции, имевшие своей целью освобождение Ленинграда от фашистской блокады: Любанская наступательная операция (январь-июнь 1942 г.) и Красноборская наступательная операция (февраль-март 1943 г.).

Тосненский район являлся районом, полностью оккупированным немецкими войсками. Его оккупация началась 25 августа 1941 года, продолжилась 2 года и 5 месяцев и окончилась 31 января 1944 года.

По своему местоположению он по преимуществу попадал в зону действия 18-й армии группы армий «Север» и лишь частично – 16-й армии. Здесь шло непрерывное накопление сил врага, происходило перемещение немецких войск, двигавшихся в сторону фронта (к Красному Бору, к Никольскому, через Шапки к ж/д линии Кириши-Погостье-Мга, через Саблино к Ивановской) и обратно для восстановления сил и пополнения резервов.

Наступательный поход вдоль железнодорожной линии под Каменкой, май 1942 г.

3. Каменка – населённый пункт Тосненского района.

Транспортные узлы – Тосно, Саблино, Новолисино, Любань – служили местами приёма и перевалки военных грузов, техники и живой силы. В ряде населённых пунктов Тосненского района располагались военные склады, было много лазаретов и госпиталей, стояла и ремонтировалась военная техника, имелось много конюшен, так как в условиях бездорожья немцами активно использовалась конная тяга.

Район был достаточно хорошо укреплён, особенно его важнейшие транспортные точки – Тосно и Саблино. Всюду были построены дзоты, установлены проволочные заграждения, минные поля, вырыты противотанковые рвы. Немецкое командование считало этот плацдарм неприступным. В то же время, многие объекты его военной инфраструктуры подвергались регулярным налётам советской авиации. Среди

её главных целей были транспортные развязки, склады. В этом отношении посёлок Тосно являлся одним из важнейших таких объектов, так как через эту станцию проходил один из путей снабжения 18-й немецкой армии.

4. Немецкие подводы на шоссе Тосно-Чудово

Кроме того, регулярным артиллерийским обстрелам подвергались и находившиеся вблизи линии фронта населённые пункты: Красный Бор, Степаново, Феклистово, Чернышево, Мишкино, Поркузи, Никольское, Покровское. Особенно доставалось посёлку Красный Бор. В силу того, что он расположен на господствующей высоте, с которой было удобно вести огонь по Колпину, Понтонному, Усть-Тосно, немцы сосредоточили здесь массу артиллерийских и миномётных орудий. Отсюда же они обстреливали и южные предместья Ленинграда. Всё это объясняет, почему Тосненский район считался районом *прифронтовым.* На северо-западной его границе располагались войска Ленинградского фронта, а на северо-восточной – Волховского.

В то же время, хотя он и был нашпигован немецкими войсками, он входил в третью партизанскую зону (Гатчина-Луга-Новгород-Кириши-Тосно). И так как эта территория охранялась с особой тщательностью

(наряду с полевыми войсками здесь действовали различные военно-карательные организации и команды), здесь могли находиться лишь небольшие по численности, манёвренные группы партизан. Их боевая деятельность в основном сводилась к диверсиям на шоссейных и железных дорогах (уничтожение мостов, машин и эшелонов)[27].

Указ № 270

Прифронтовое положение Тосненского района делало неизбежным появление на его территории лагерей для советских военнослужащих, захваченных в плен в ходе боевых действий. Судьба их, как правило, была горька. Каждый из них понимал. Что для солдата Красной Армии сдача в плен даже будучи раненым, больным, до предела изнурённым голодом, жаждой и другими лишениями в СССР приравнивалась к воинским преступлениям: «Положением о воинских преступлениях», утверждённым в 1927 году, устанавливалось равенство понятий «сдача в плен» и «добровольный переход на сторону противника», что каралось расстрелом с конфискацией имущества (п. 22).

Историкам хорошо известен Указ № 270 от 16 августа 1941 года за подписью И.Сталина «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия»[28], фактически приравнивавший сам факт попадания в плен к измене родине. Своим остриём он был направлен в первую очередь на командиров и политработников, которые не умели или не желали сражаться до конца, не стремились вывести вверенные им подразделения из окружения, а также на красноармейцев, согласных с такими действиями своих командиров.

Но так как обстановка на фронтах была тяжёлой, то действие данного Указа содержало в себе заведомую двусмысленность: его положения можно было трактовать любым образом – и это при том, что немецкой тактике организации больших и малых «котлов» советская армия реально на тот момент ничего не могла противопоставить.

С другой стороны, появление этого документа имело и свои причины: оно стало в каком-то смысле реакцией на психологический шок, который испытали наши войска в начальный период войны. Интересно в этом плане свидетельство рядового С.И. Шилова (письмо, написанное им в госпитале «лично товарищу Сталину»): «На Эстонском участке фронта боевые действия проходят в паническом настроении. Большая часть командиров убегает с передовой линии в тыл. Бойцы посмотрят: нет командира роты и командира взвода – и в панике отступают. Командование рот и взводов отойдут от передовой линии огня метров на 600-700, и когда бойцы за ними кинутся бежать и дойдут до них, то командиры приказывают бойцам вернуться, а сами бойцов не ведут вперёд. Командиры взводов в это время производят массовые расстрелы бойцов, а противник этим моментом пользуется...»[29].

Очевидно, что Указ № 270 был вызван крупными неудачами, которые терпела советская армия летом 1941 года: «Наши отступали на всех фронтах. Драпали, бросали пушки, пулемёты, снаряды, машины...

Отступать Красную Армию не учили. Так, чтобы отойти до того, как тебя окружили, увезти орудия, спасти матчасть. Арьергардные бои, второй эшелон, запасные позиции – ничего такого толком не умели и знать не полагалось. Нам полагалось воевать на чужой земле, двигаться только вперёд, только наступать. Армия наша была машиной без заднего хода» (Д. Гранин)[30].

5. Оружие сдавшихся в плен.

Психологическое состояние бойцов Красной Армии в первые месяцы войны.

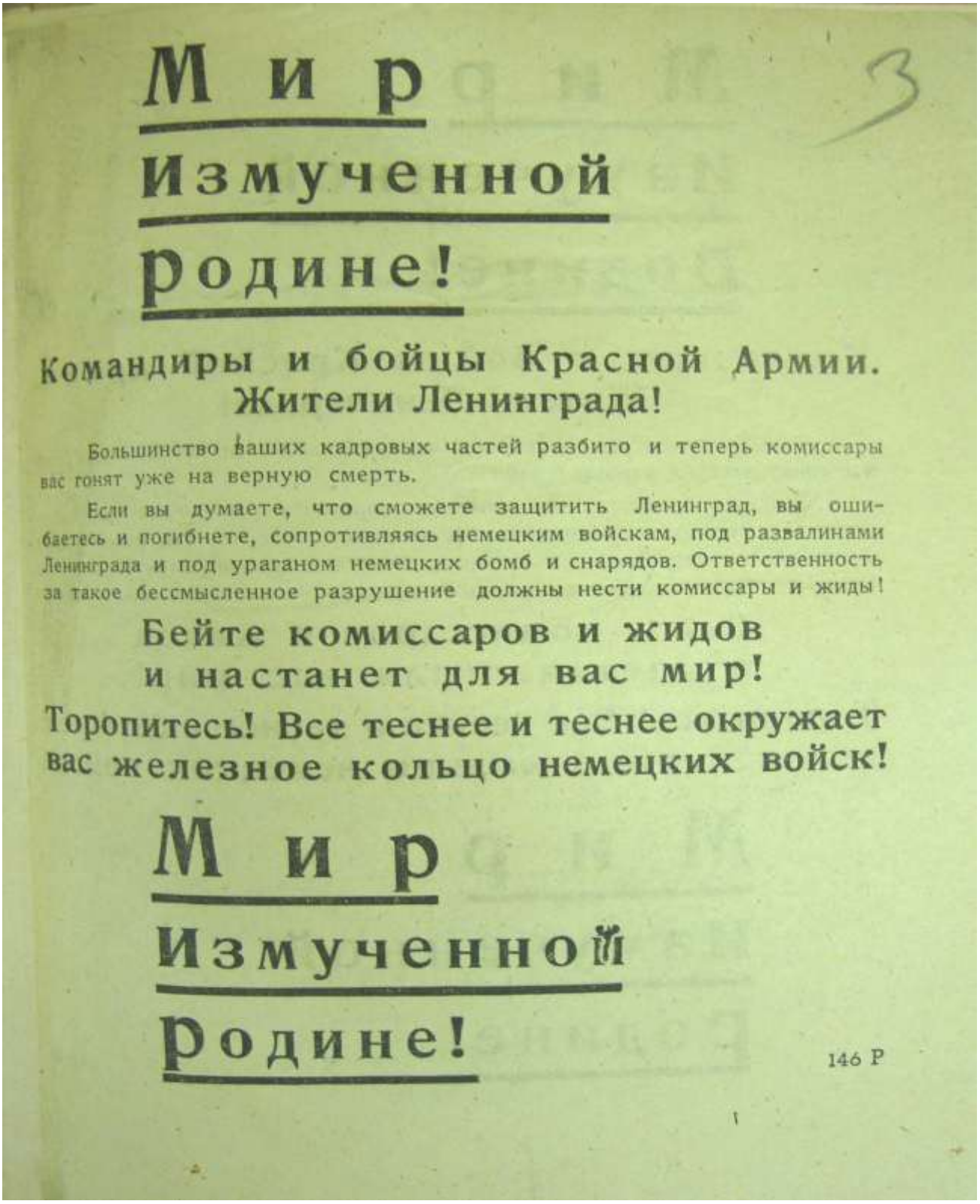
Превосходство немецкой армии и наше головотяпство порождали в войсках откровенное уныние и депрессию: «Преимущество немцев было настолько очевидно, что даже политруки избегали говорить на эту тему» (рядовой Р. Мохов)[31]; «В первые месяцы войны немецкие солдаты в своих касках, зелёных шинелях, со своими автоматами, танками, господством в небе внушали страх. Они казались неодолимыми. Отступление во многом объяснялось этим чувством. У них было превосходство оружия, но ещё и ореол воина-профессионала» (Д.Гранин)[32].

Наше же собственное неумение воевать вызывало у красноармейцев не только чувство горечи или досады, но и серьёзного недоверия по

6. Немецкий боевой расчёт.

отношению к своим командирам: «Никто не сомневался: враги народа, измена – понятия известные, ярость повернулась на органы, – говнюки, каратели, сажали, а что толку? Не тех стреляли» (Д. Гранин)[33]– «И мы убеждались, что те, которые твердили об измене, правы: нас предали. Где наши самолёты и танки? Где сила, которая так блистала на парадах, славилась в песнях? Где «малая кровь», «война только на чужой территории», «могучий удар»?» (А. Клейн)[34]. По мнению Героя Советского Союза генерала А.В. Горбатова[35], солдаты считали, что ими командуют не подлинные командиры РККА, а враги народа, то есть заведомые предатели родины. Всё это не способствовало повышению боевого духа в войсках.

Пессимистическое настроение советских солдат активно использовала в своих целях и вражеская пропаганда. На наши позиции сбрасывались тысячи листовок следующего содержания: «Бойцы! Командиры! Решайтесь: хотите вы умереть или жить? У нас вы будете жить!» – «Стать хозяином или калекой? Что лучше? Выбирай!»[36]



Мир Измученной родине!

Командиры и бойцы Красной Армии. Жители Ленинграда!

Большинство ваших кадровых частей разбито и теперь комиссары вас гонят уже на верную смерть.

Если вы думаете, что сможете защитить Ленинград, вы ошибаетесь и погибнете, сопротивляясь немецким войскам, под развалинами Ленинграда и под ураганом немецких бомб и снарядов. Ответственность за такое бессмысленное разрушение должны нести комиссары и жиды!

Бейте комиссаров и жидов и настанет для вас мир!

Торопитесь! Все теснее и теснее окружает вас железное кольцо немецких войск!

Мир Измученной родине!

146 Р

Листовка №1.

«Немцы с самолётов засыпали нас пропагандистскими листовками. Каждая имела отрывной талон с паролем «Штык в землю!» – пропуск при сдаче в плен. Потом следовало четверостишие, глупее которого невозможно себе представить: «Бей жида-большевика, морда просит кирпича!» Далее шло повествование о некоем солдате Ванечке, которого ждёт любящая жена, и если он вернётся, им дадут корову или денег на хозяйство. И так одно и то же изо дня в день, на плотной бумаге кремового цвета…»[37]

Листовка № 2.

Безусловно, всё это давало определённые результаты, особенно на фоне плохого снабжения наших войск оружием, продовольствием и грубого отношении командиров к своим подчинённым. Вот почему неверно было бы утверждать, что в условиях фронта не имели места такие воинские проступки, как измена, переход на сторону противника, пораженческие и откровенно антисоветские настроения. В качестве примера можно привести следующий случай, описанный в книге историка Н. Ломагина «Ленинград в блокаде»: «5 октября 1941 г. Военный совет Ленфронта издал специальный приказ по поводу «братания» и перехода к врагу ряда военнослужащих второй роты 289-го артиллерийско-пулемётного батальона 168-й стрелковой дивизии (Слуцко-Колпинский укрепрайон). В приказе подробно описывалось произошедшее 19 сентября: к линии обороны названной роты подошли переодетые в солдатскую форму немецкие офицеры и предложили группе красноармейцев сдаться в плен. «Вместо того, чтобы употребить власть и немедленно захватить немецких агитаторов или уничтожить их на месте, – говорилось в приказе, – командиры взводов и помощник комвзвода допустили фашистов к переднему краю обороны и совместно с некоторыми красноармейцами вступили с ними в переговоры, начали предательское «братание», после чего 5 бойцов перешло к врагу. 20 сентября двое красноармейцев посетили немецкие окопы, где им было сказано, что перебежчики сами не хотят возвращаться. После этого «визита» дезертировало ещё 5 человек...»[38].

Вероятно о тех же событиях повествует и хроника немецкой 122-й пехотной дивизии: «15 сентября 409-й пехотный полк провёл последнее наступление, продвинувшись по Московскому шоссе до реки Ижора, преодолел её и встал. Внезапно наступила тишина. Казалось, что обе стороны не имеют сил на дальнейшие боевые действия. Неожиданно в расположении полка появились русские перебежчики, после чего на переговоры к русским отправились представители полка. По завершении переговоров с ними дезертировали ещё несколько русских солдат. Это странное состояние продолжалось около двух часов, после чего вновь разгорелся бой»[39].

Трудно сказать, у какой стороны – немецкой или советской, здесь сделана ошибка в датах и трактовке событий. Впрочем, это не столь и важно. Ясно одно: создалась ситуация, при которой не только простые бойцы, но и их командиры готовы были сдаться врагу. Видимо, причиной тому являлась их неуверенность в том, что удастся удержать занимаемые позиции.

Интересно в этом смысле воспоминание жительницы Тосно Т. Астафьевой: «Ночью (27 августа) я проснулась, потому что кто-то ходил по комнате. Это были два молодых красноармейца. Я их накормила и указала дорогу на Шапки. Они мне крикнули на прощанье: «Мы скоро вернёмся. Победа будет за нами!». А двадцать пожилых красноармейцев, побросав винтовки, с белой тряпкой пошли к Балашову мосту сдаваться в плен. Не все верили в победу»[40].

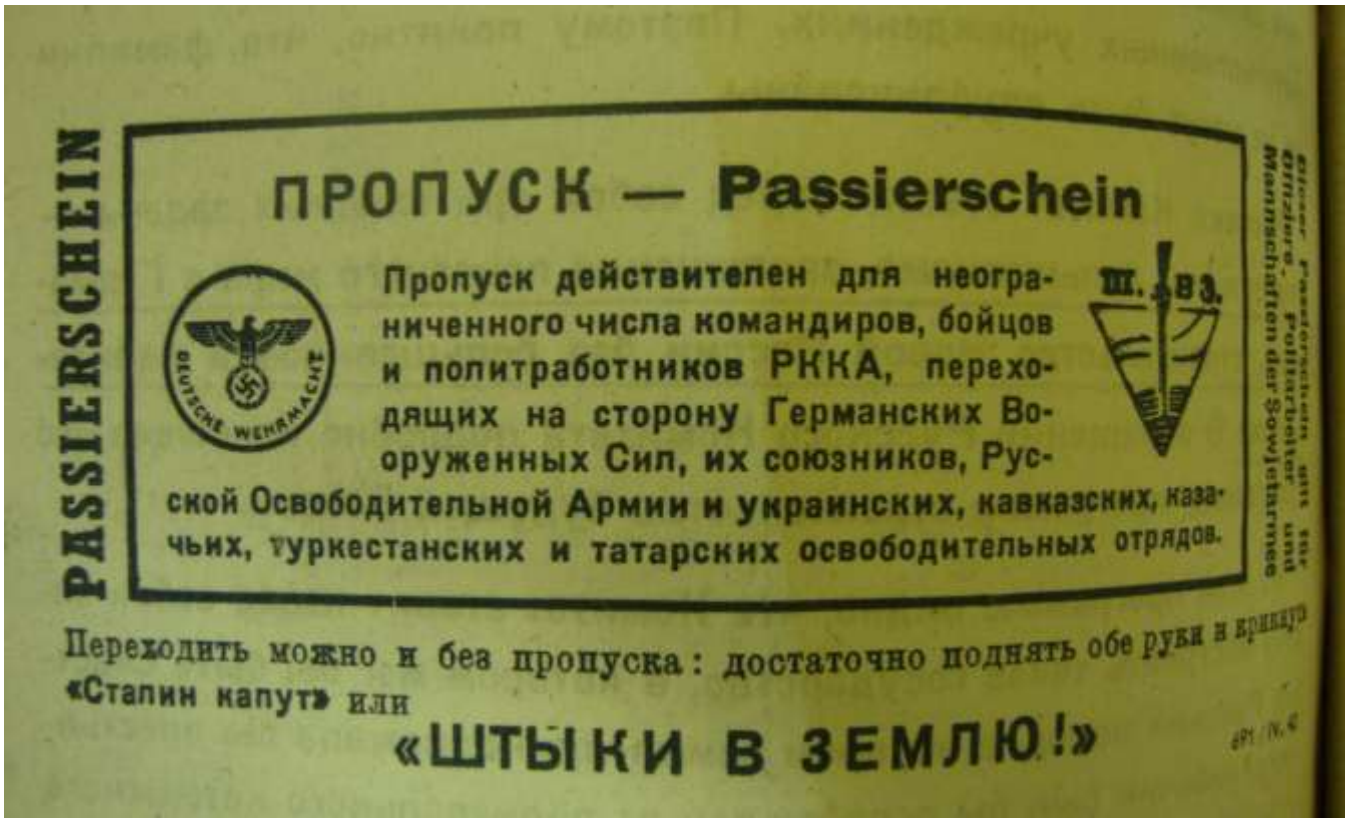
«В октябре 1941 г. в частях Ленфронта было зафиксировано 967 случаев измен, в то время как по данным военной разведки противника только с 11 по 20 октября 1941 г. в плен было взято 4802 человека»[41].

Однако тех, кто добровольно сдавался в плен, ждало разочарование. Как вспоминал генерал А.В. Горбатов «до сведения солдат был доведён рассказ убежавшего из плена красноармейца Фролова о зверском обращении немцев с нашими пленными, об изнурительных работах и голодном пайке. В числе пленных Фролов видел и тех, кто сдался добровольно, и к ним отношение было таким же зверским. И они сильно ругали себя, за то, что, поверив пропаганде противника, сдались в плен»[42]: «лучше погибнуть со своими, чем сдохнуть тут безвестными»[43].

Причина, по которой происходила добровольная сдача в плен во многом объяснялась «психологическим шоком», вызванным разительным контрастом между довоенными представлениями наших граждан о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на них посреди мирной жизни. Кроме того, на психологическое состояние бойцов сложившегося социального тупика, тем более, что и немцы в своих листовках обещали им сытую жизнь *свободного* европейского человека: «Русский народ – равноправный член семьи свободных народов Новой Европы!»[44].

7. Обыск советских солдат в момент пленения, 1941 г.

Накопившаяся обида на Советскую власть побуждала часть красноармейцев прислушиваться к вражеской агитации. Известная листовка «Штык в землю!» (на солдатском лексиконе – «ШВЗ») являлась пропуском в плен для любого перебежчика.



Листовка № 3.

Следует отметить, что основной контингент перебежчиков составляли не только лица, обиженные на власть, но и представители малограмотной крестьянской массы, а также жители степных и среднеазиатских регионов, которые очень смутно представляли себе, в какой ситуации они оказались, и с которыми, фактически, не велась никакая организационная работа. Это были абсолютно необученные люди, которых буквально «с колёс» бросали в бой. Растерянные, напуганные, озлобленные – они искали для себя лишь один, как им казалось, приемлемый выход в ситуации заведомой гибели – *немецкий плен.*

При этом сдача в руки противника в СССР воспринималась даже не столько как предательство Родины, сколько как предательство идей коммунизма, ибо, безусловно, подобное поведение бросало тень на их предполагаемое мировое торжество. Здесь был силён в первую очередь идеологический аспект проблемы. Вот почему о бойцах, попавших в плен, командиры, как правило, подавали сведения как о «пропавших без вести». Тему плена не слишком жаловали. В донесениях периода войны число попавших в плен определялось всего лишь 36 тысячами[45] (затем это число увеличили примерно в три раза). «Уже после войны нас убеждали, что среди без вести пропавших могли быть перебежчики, уходившие к немцам. Сама возможность такого подозрения уже зачисляла исчезнувших в изменники, предполагала наказание задним числом,

даже после войны. Их и наказывали – беспамятством и лишением послежизненных прав» (Д. Гранин)[46].

Gefangene in der Wolchow-Stellung beim ersten Verhör 1942

Пленные Волховской позиции на первом допросе - 1942 г.

8. Пленные-перебежчики.

Однако перебежчики ли определяли общую картину того жестокого времени? А если и были среди пропавших без вести таковые, то всегда ли и во всём ли была их *прямая* вина? – «Одиннадцать веков стоит Русь, много знала врагов и много вела войн. А – предателей много было на Руси? *Толпы* предателей вышли из неё? Как будто нет. Как будто и враги не обвиняли русский характер в предательстве, в перемётничестве, в неверности. Но вот наступила самая справедливая война при самом справедливом строе – и вдруг обнажил наш народ десятки и сотни тысяч *предателей*. Откуда они? Почему?.. Да ведь страшно рот раззявить, а может быть, дело всё-таки в государственном строе?..» (А.И. Солженицын)[47].

Странная ситуация

9. Винтовки сдавшихся в плен красноармейцев

Ясно, что обстановка первых военных месяцев была сложной. И всё же это отнюдь не означает, что стремление добровольно сдаться в плен, дезертировать или нарушить присягу в среде красноармейцев было преобладающим. Скорее наоборот: «в истории того мучительного стыдного лета, первого лета войны, движение немецких колонн натыкалось на непредвиденное. Не имеющие танков, авиации, тяжёлой артиллерии солдаты, казалось бы устрашённые, раздавленные немецким превосходством, вдруг поднимались из земли, рушили блестяще продуманный ход бронированных колонн вермахта» (Д. Гранин)[48].

На взгляд немцев всё это было чистое безумие, которое, между тем, повторялось повсеместно: «28 августа немцы вошли в Ульяновку. Посёлок был сдан практически без сопротивления. Бой слышался только на Московском шоссе в районе Саблинского лесничества. Вражескую мотопехоту встретила горстка наших бойцов, вооружённых стрелковым оружием. Естественно, все они были расстреляны из миномётов и крупнокалиберных пулемётов. 18 комсомольцев (у всех на гимнастёрках были КИМ-овские значки) закопали тут же, в противотанковом рву» (из воспоминаний жительницы пос. Ульяновка М.С. Дмитриевой)[49].

Подобные инциденты оставляли в душе привыкших мыслить рациональными категориями немцев весьма неприятное чувство. Они плохо понимали, с чем им пришлось столкнуться. Ветераны, участвовавшие в Западной компании, хорошо знали, что неприятель, оказываясь в безвыходном положении, сразу же – «зачем напрасные жертвы?» – предпочитал сдаваться. Здесь же всё было как-то иначе.

10. Убитый красноармеец и разбитая 76-мм пушка.

Этому искали объяснений: «Военные и гражданские перебежчики, пленные и агенты в один голос говорят, что русский солдат не хочет воевать (подчёркнуто в документе), поскольку он понимает безнадёжность положения. В этих условиях отсутствие слишком большого числа перебежчиков объясняется тем, что Советы укрепили свои ряды, находящиеся на передовой, надёжными людьми (прежде всего комсомольцами), сзади находятся специальные заградительные отряды и вообще проводится политика жёсткого террора, который с самого начала делает невозможным любое активное действие забитых и апатичных русских» (Документ № 31: «Сводка о событиях в СССР № 130. Айнзатцгруппа А. Красногвардейск (Гатчина. – *Авт.*). 7 ноября 1941 г.)[50].

Налицо была парадоксальная ситуация: с одной стороны, – беспорядочное, паническое отступление наших войск, с другой, – их ожесточённое сопротивление. И немцы искренне недоумевали: «Какими всё же твердолобыми оказались эти русские! Трудно их понять. Сегодня они готовы умереть, а завтра тысячами сдаются в плен!» (штабной офицер

вермахта)[51] – «Поведение русских даже в первом бою разительно отличалось от поведения поляков и союзников, потерпевших поражение на Западном фронте. Даже оказавшись в кольце окружения, русские стойко оборонялись» (генерал Гюнтер Блюментритт)[52] – «Никого не видел злее этих русских. Настоящие цепные псы! Никогда не знаешь, что от них ожидать» (унтер-офицер Вильгельм Прюллер)[53].

А русские и сами не очень-то понимали, что им ожидать от самих себя. Проблема заключалась в общей психологической нестабильности сражавшихся. К тому же и сами боевые действия в силу неумелого управления боем и войсками осуществлялись нестабильно: «В первые дни войны немецкая армия наступала очень быстрыми темпами. У нас шок затянулся, и надолго... На Северо-Западном фронте разведку вели специальные подразделения, но они не выясняли, где находятся немцы, нет. Они искали местоположение собственных войск!» (капитан Анатолий Кружин)[54].

Что можно было испытывать в подобной обстановке? – «Они весьма напоминают стадных животных, стоит только где-нибудь в таком стаде возникнуть очагу паники, как он мгновенно перекидывается на его оставшуюся часть, что приводит к хаосу. Но что именно способно посеять эту панику, неизвестно» (генерал танковых войск Герман Бальк)[55].

Объяснение находим у Даниила Гранина: «Страх окружения возникал спонтанно. Треск немецких автоматов в тылу, крик «окружили!» – и могло начаться бегство. Бежали в тыл, мчались, не разбирая дороги, лишь бы выбраться из окружения. Невозможно было удержаться и невозможно было удержать бегущих. Массовый страх парализует мысль. Во время боя, когда нервы так напряжены, одного крика, одного труса хватало, чтобы вызвать всеобщую панику»[56].

Хорошо известны слова Сталина: «У нас нет военнопленных, а есть предатели». Эти слова, по мнению историков, документально не подтверждены, но они настолько точно отражают политику советского государства в отношении своих солдат, попавших в плен, что даже если они и являются мифом, то в сознании большинства этот миф давно уже занял место наиреальнейшей реальности.

Да, Сталин и Советская власть в целом негативно относились к своим военнопленным. Но глубокая, корневая причина такого отношения кроется не в том, что все они заведомо признавались дезертирами. На самом деле фактор пленения превращал их в «изменников родины» лишь потому, что только таким способом – переводом «стрелок» с виновных на пострадавших – можно было снять с себя ответственность за произошедшую в 1941 году катастрофу. «Я не могу осуждать тех, кто прятался в лесах, спасался самострелами, даже тех, кто сдавался в плен. За что их осуждать, за что – присягу нарушили? Не они присягу нарушили, нарушили те, кто подставил нас под огонь, кто уступил небо «юнкерсам», нашу землю – немецким танкам» (Д. Гранин)[57].

Горькая правда

Подлинная правда о той трагедии не подлежала разглашению, так как бросала довольно мрачную тень на советское военное руководство. Некомпетентность, преступная халатность, бессмысленное упорство и просто заурядное разгильдяйство сверху донизу стоили жизни и свободы миллионам бойцов Красной Армии: «Через несколько дней мы оказались в «мешке», нас полностью окружили, для прохода в свой тыл оставалась только одна лесная дорога. У нас подходили к концу боеприпасы, закончилось продовольствие. Вдруг исчез весь комсостав от командиров рот и выше, они бросили своих солдат в окружении. Только взводные остались на позициях... Мы понимали, что приближается трагическая развязка. У нас на винтовку оставалось по пять патронов и одна неполная лента на пулемёт «Максим», который был у меня во взводе. Приказ на отход или на прорыв нам никто не давал, и никто не предпринимал попыток прорваться к нам на помощь. Просто некому было приказывать, командиры нас бросили!.. Нас «сдали», предали...

Утром, пятнадцатого числа, на нас пошли немцы. Их было много, гораздо больше, чем нас. Шли они медленно.

А когда огонь с нашей стороны ослаб, то немцы поднялись в полный рост, а с трёх сторон по нам непрерывно били со всех стволов. Я посмотрел на поле боя, и мне стало страшно, такое ощущение, что волосы дыбом встали...

Вся наша линия обороны замолчала, патроны у всех закончились, а немцы стояли в полусотне метров от наших окопов и кричали, что-то вроде: «Русские! Сдавайтесь!». Никто не бросился на немцев в штыки...

11. Момент взятия в плен

Стало тихо, стрельба прекратилась... И тогда бойцы стали вылезать из траншей и стояли толпой, в большинстве своём, не поднимая руки вверх. Остатки двух полков, свыше 800 человек попали в плен в это проклятое утро» (лейтенант А.А. Фрайман, район боевых действий ж/д Мга-Кириши)[58].

В такой же «мешок» попали и части Лужской Оборонительной Группировки. С 25 августа, после оставления Луги, они вынуждены были пробиваться на восток и на север, разделившись на небольшие группы по 5-10 человек. Те, кто двинулся на восток, выходил в район Чудово и Любани. Среди них были и ополченцы – бойцы 1-й ДНО: «...Сколько нас шло через эти русские деревни, убогие до невероятности? Но почти из каждой избы выходили женщины, и, не дожидаясь просьб, выносили, что могли – картошку, молоко, хлеб...

А шли тысячи и тысячи ..., голодные и растерянные – где же, наконец, фронт?! Где наши? Почему среди выходящих из окружения так мало командиров?»(А. Клейн)[59].

Измученные, истощённые, раненые и контуженые пробирались они (без карт!) по дремучим заболоченным чащобам новгородских лесов к Ленинграду. С августа по ноябрь 1941 года тосненскими партизанами было выведено из окружения свыше 3500 советских воинов[60] . И всё-таки это были «единицы» – большинство было выловлено немцами и помещено в концентрационные лагеря на территории Тосненского и Чудовского районов: « ... по ночам из леса выходили усталые, заросшие окруженцы, спрашивали что-нибудь поесть и где им лучше перейти линию фронта, чтобы попасть к своим. Все они были с оружием в руках, но без единого патрона. К сожалению, только единицы пробились к своим. Основная же масса окруженцев попала в Саблинский лагерь для военнопленных» (М.С. Дмитриева)[61] – «3 сентября 1941 года к нам вышли из окружения 8 человек из-под Новгорода. Мы их накормили, и я указал им, как пройти на Ленинград. 4 сентября пришли ещё 7 красноармейцев, с винтовками. Мы дали им кое-что из еды, и они сразу ушли. Но по дороге они попали в плен. Немцы взяли две подводы, нагрузили продуктов и вместе с пленными поехали в Шапки» (А.Г. Малышев)[62]– «... мы, теперь уже пленные, топали под конвоем... Нас окружали человек десять. Перегоняя друг друга, и покрикивая, чтоб мы быстрее двигались, они вели нас по просёлочной дороге. С любопытством я оглядывал конвоиров. На их красных петлицах серебрились маленькие металлические птички. Одеты все были в знакомые нам серо-зелёные кители, в сапогах с маленьким подъёмом и широченных наверху под коленом» (А.Клейн)[63].

Итак, что же ждало наших солдат в немецком плену? Читаем документ[64]:

Приложение к распоряжению ОКВ/АВА 8. 09. 1941
Отдел военнопленных, № 3058/41
(не секретно)

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОХРАНЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Большевизм – смертельный враг национал-социалистической Германии

Первый раз в ходе этой войны немецкому солдату противостоит противник, обученный не только военному делу, но и политике, который видит в коммунизме свой идеал, а в
национал-социализме – самого опасного врага. В борьбе против национал-социализма он пользуется любыми средствами и прибегает к засадам, бандитизму, диверсиям, поджогам, подрывной пропаганде, убийствам. Даже оказавшись в плену, советский солдат, как бы безобидно он внешне не выглядел, воспользуется любой возможностью, чтобы реализовать свою ненависть против всего немецкого. Следует исходить из того, что военнопленные получили соответствующее указание относительно своей деятельности в плену. Поэтому главное в обращении с ними – это максимальная бдительность, величайшая осторожность и глубочайшее недоверие.

1. При малейших признаках сопротивления и неподчинения необходимо принимать самые решительные меры!

Для подавления сопротивления необходимо безжалостно использовать оружие. По совершающим побег военнопленным открывать прицельный огонь немедленно (без предупреждения).

2. Строго запрещаются любые разговоры с военнопленными, в том числе во время следования к месту работы и обратно, если на это нет указания, вызванного абсолютной служебной необходимостью.

Во время следования к месту работы и обратно, а также во время работы курение строго запрещено.

Любые разговоры военнопленных с гражданскими лицами следует также предотвращать, при необходимости с применением оружия, в том числе против гражданских лиц.

3. На рабочем месте также необходимо осуществлять постоянный строгий контроль со стороны немецких конвоиров. Каждый конвоир должен постоянно находиться на таком расстоянии от военнопленных, чтобы он мог в любой момент без промедления применить оружие. Запрещается поворачиваться к военнопленным спиной!

4. Мягкотелость недопустима и по отношению к желающим работать и послушным военнопленным. Иначе военнопленный воспримет это как слабость и сделает свои выводы.

5. При всей строгости и жестокости, необходимых для решительного осуществления отданных приказов, немецким солдатам запрещается вершить произвол или прибегать к жестокому обращению и, в первую очередь, использовать дубинки, кнуты и т.п. Это несовместимо с достоинством немецкого воина.

6. Кажущаяся безобидность большевистских военнопленных ни в коем случае не может служить основанием для нарушений данных указаний.

Reinhard Otto. Das Stalag 326 (VI K) Senne-ein Kriegsgefangtnenlager in Westfalen. Munster, 2000.

12. Захваченные под Ленинградом военнопленные, 1941

Концентрационные лагеря для советских военнопленных на территории Тосненского района по данным архивов

В период Второй мировой войны немецкое руководство создало широкую сеть различного типа лагерей для содержания военнопленных. Эти лагеря делились на пять категорий: сборные пункты, пересыльные лагеря, постоянные лагеря, основные рабочие лагеря, малые рабочие лагеря. Лагеря первой категории (сборные пункты) создавались в непосредственной близости к линии фронта или в районе проводившейся операции. Здесь шло окончательное разоружение пленных, составлялись первые учётные документы. Собой они представляли территорию, огороженную колючей проволокой. В этих лагерях была крайне высокая смертность, так как пленных в них фактически не кормили, медицинская помощь не оказывалась.

Следующим этапом движения пленных были пересыльные лагеря – дулаги, обычно располагавшиеся вблизи железнодорожных станций. Пленные могли находиться здесь как в приспособленных помещениях – складах, овощехранилищах и сараях, так и на открытом воздухе. После первичной сортировки их отправляли в лагеря, расположенные в тылу, вдали от военных действий: шталаги – для рядового и сержантского состава, офлаги – для офицерского.

Лагеря типа «шталаг» были базой для сети основных рабочих лагерей. Шталаги располагались в тылу с большим количеством пленных (десятки тысяч). Людей размещали также в приспособленных помещениях складов, конюшен, скотных дворов и т.п.

Основные рабочие лагеря были в подчинении «шталагов» и находились уже в глубоком тылу. Они были рассчитаны на несколько тысяч узников. Малые рабочие лагеря, как структурные ответвления основных, содержали от нескольких десятков до нескольких сотен заключённых.

Кроме того, в районе боевых действий создавались, так называемые, рабочие команды, которые обслуживали непосредственно подразделения вермахта.

С начала оккупации на территории захваченных северо-западных областей были созданы лагеря, в которых содержалось от 1 до 10 тысяч пленных солдат и офицеров. В сентябре-октябре 1941 г. создавались наиболее крупные лагеря, с числом военнопленных более 10 тысяч. Одновременно организовывались и десятки более мелких пунктов заключения военнопленных, в которых содержалось от нескольких десятков до нескольких сотен солдат.

На территории Тосненского района находились сборные пункты, пересыльные лагеря, а также рабочие команды. Согласно архивным документам[65] здесь было создано **9** концентрационных лагерей для советских военнопленных:

г. Любань – 3 (ГА РФ, ЛОГАВ, ЦГА СПб)
г. Тосно – 2 (ГА РФ, ЦГА СПб)
п. Лисино-Корпус – 1 (ГА РФ)
п. Шапки – 1 (ЦГА СПб)
с. Покровское – 1 (ГА РФ)
п. Ульяновка (Саблино) – 1 (ГА РФ),

где

ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации, г. Москва

ЦГА СПб – Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга

ЛОГАВ – Ленинградский Областной Государственный Архив в г. Выборге.

Кроме того, имеются и дополнительные сведения, указывающие на численность узников и номера некоторых лагерей:

г. Тосно –№ XXI-B, пересыльный для военнопленных и гражданских лиц, командование из Нарвы (Тапс) [архивная справка ЦГА СПб];

г. Тосно – № 332, стационарный, для военнопленных и гражданских лиц, командование из Нарвы (Феллин) [архивная справка ЦГА СПб];

п. Шапки, для военнопленных и гражданских лиц [архивная справка ЦГА СПб].

г. Любань – армейский № 17 – на 10 000 человек [ЦГА СПб. Ф. 9421.Оп.1. Д. 239. Л.3-об.][66]

с. Покровское (в 1942 году) – № 121

[ЦГА СПб. Спецфонд. Оп.1. Д. 29. Л. 18, 23][67];

пос. Лисино (в мае 1942 года) – на 1777 человек

[ЦГА СПб. Спецфонд. Оп. 6. Д. 2. Л. 101-102.][68].

И ещё имеется дополнительная информация, связанная с обозначениями этих лагерей : это – Дулаг-134 (Саблино), Дулаг-121 (Покровское), Дулаг-17 (Любань), Шталаг-332 (Тосно), Шталаг-381 (XXI-B) (Тосно)[69]. Лагеря в Тосно, хотя и были обозначены как стационарные, на самом деле выполняли функцию пересыльных лагерей. Их название «шталаг» указывает на то, что они являлись филиалами соответствующих лагерей в тылу (Эстония) – Шталаг-332 (Феллин – Вильянди), а Шталаг-381 (XXI-B) (Тапс – Тапа).

Учитывая время проведения опросов местных жителей (октябрь-декабрь 1944 года), когда сведения о преступлениях и злодеяниях фашистов на оккупированных территориях поступали в архивы, можно с уверенностью сказать, что эти материалы не могут быть полными, потому что часть населения данного региона ещё только начинала возвращаться из Прибалтики, а большинство в это время всё ещё находилось в Германии. По воспоминаниям же очевидцев, собранным в более позднее время, концлагерей для советских военнопленных на территории Тосненского района было гораздо больше. Кроме того, эти воспоминания позволяют установить и примерное их местоположение.

Тосно

Есть свидетельства о пяти (а не о двух, как это указано в архивной справке ЦГА СПб) концлагерях для военнопленных в Тосно. О первом лагере сохранилось больше всего воспоминаний, вероятно потому, что он располагался в центре посёлка около железнодорожного вокзала:

13. Вокзал в Тосно, 1944 г.

«В бывшем овощехранилище на откосе железной дороги (вблизи нынешнего пешеходного моста) находился лагерь русских военнопленных. Там, за высоким забором из колючей проволоки, содержались голодные, до предела истощённые люди. Общаться с ними запрещалось, но однажды мне всё же удалось бросить им хлеб, чему они были несказанно рады. Я пришла домой с одним пакетиком в руках и призналась детям, что хлеб отдала пленным, так как они совсем голодные, и в лагере нет даже травы. Дети со мной согласились. Однажды ночью пленные исчезли. Видимо их куда-то увезли» (Е.К Корчагина)[70] – «На том месте, где грузили несчастных пленных, в наше время садимся на электричку в Ленинград (3-я платформа)» (Е.М. Громова)[71] – «Вдоль железной дороги, где сейчас автовокзал, там был лагерь» (В.П. Кондакова)[72].

О четырёх других лагерях сведения более скудные: «Концлагерь для советских военнопленных находился за железнодорожной линией на Гатчину (у развилки, в районе нынешней котельной), где до войны были склады, а потом они стояли пустые. Вот в этих складах и устроили немцы лагерь. Но туда местных никого не подпускали. Помню, там очень много пленных было. Сотни две, наверное, или больше. Кормили их одной баландой – варёной брюквой. Бывало, кто несёт корочку хлеба, то им и бросит. Но это вообще была проблема, что-то им дать или

что-то бросить – немцы так и ходили кругом. Там повсюду колючая проволока была. Пленных на работу гоняли, сидеть-то им не давали... Они и дрова складывали, и лес пилили. Они и на дороге тоже работали – восстанавливали то, что было разрушено. Многие из них умирали...» (Г.Н. Солдатова)[73].

А вот рассказ о другом тосненском лагере: «У нас был аэродром на Лётной улице (ул. Ани Алексеевой. – *Авт.*). Там, где сейчас парк, в этом месте до войны был аэродром. Лётная поэтому так и называлась. До войны там проходили увеселительные мероприятия, а во время войны – лагерь для военнопленных. Это был как бы пересыльный пункт. Их было много. Жили они не в бараках, а под открытым небом, за колючей проволокой. И везде стояла охрана с собаками. Их практически не кормили. Местные жители носили, кто, что мог, хотя и сами голодали. Кидали им через проволоку овощи, траву (лебеду и щавель)» (З.М. Смолина)[74].

И ещё есть сведения, предоставленные О. П. Захаровой[75] о прерсыльном пункте, находившемся где-то в районе «Резани» примерно на пересечении улиц Культуры и Социалистической. Здесь было около сотни военнопленных. Содержали их также под открытым небом за колючей проволокой. Лагерь работал осенью 1941 года. К зиме пленных куда-то вывезли.

А вот свидетельство Л.М. Планина: «Пленных наших было много. У Красной школы (сейчас – отель «Тосно». – *Авт.*) был до войны детский сад. И сейчас стоит это здание одноэтажное. Там немцы разместили пленных. Человек 30-40. Их работать куда-то гоняли – где надо было выполнять какую-то трудную работу, туда их и ведут. Немцы их строго охраняли, чтобы не сбежали. Мы их не кормили – самим нечего было есть. Конечно, пленные умирали от голода. Но где их хоронили, не могу сказать»[76].

Любань

Старожилы Любани также рассказывают о большем количестве концлагерей, чем это было зафиксировано членами Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по Тосненскому району. Сами жители Любани говорили о пяти таких лагерях.

Один из них размещался не очень далеко от Московского шоссе, по левой стороне улицы Ленина (если идти в сторону вокзала), напротив Больничной улицы (примерно в районе Пожарного переулка). До войны здесь находился пожарный водоём. За ним-то, в глубине участка и располагался этот лагерь. Вот его описание, данное бывшим ополченцем (1-я ДНО) Александром Клейном: «Примерно посередине посёлка чуть в сторонке от шоссе мы увидели низкий забор. Он ограждал довольно большой квадрат. Внутри его шевелилась беспокойная серая масса. Это был пересыльный лагерь для военнопленных. Внутри этого квадрата яблоку было негде упасть, как на знаменитой базарной толкучке, где впритык друг к другу и продают, и покупают, и обворовывают.

Мы влились в колышущееся людское озеро. Нас сразу окружили пленные, стали выспрашивать, кто из какой части, где и когда попал. Наша четвёрка оказалась самая «свежая». Многие мёрзнут здесь под открытым небом уже больше недели, а то и две. Все ждут отправки в Германию. Там, обещают немцы, их пристроят у бауэров (крестьян), будут хорошо кормить, хорошо содержать. А здесь хлеба вовсе не дают. Кормёжка страшная...

Оглядевшись, я заметил, что внутри толкучки можно походить, даже при желании прилечь, правда, в грязь, в лужу, но можно... А самое милое дело, когда зябнут ноги, топтаться на месте. Так делают все. Топчись и ты...

Иногда калитка отворялась, и в этот кораль вливалась вернувшаяся с работы колонна пленных; иногда к забору подходили конвойные, окликали знакомых красноармейцев и уводили на работу.

В загоне этом дымило несколько костров. Нос ловил запах печёного картофеля. Посреди толкучки шёл бойкий обмен. Меняли кирзовые сапоги на ботинки с добавлением махорки или жмыха, портянки на ножичек и так далее. Некоторые торговали шинелями, касками (они служили вместо котелков для баланды), сапогами»[77].

Deutscher Muni-Transport bombardiert und ausgebrannt

Бомбардированный и выгоревший немецкий воинский эшелон с боеприпасами.

14. Вокзал в Любани, зима 1941-1942 гг.

Такой же пересыльный лагерь под открытым небом находился на участке между железной дорогой и улицей Карла Маркса – за Любанским Домом Культуры. По воспоминаниям жительницы Любани Н.М. Дудкиной этот лагерь существовал в 1942 году. Здесь находились бойцы 2-й Ударной армии. Пленные сильно голодали. Местные жители пытались их по возможности подкармливать, хотя и самим им приходилось туго. Еду они просовывали в дырки между проволокой. Немцы, если замечали, то их отгоняли.

Пленные были очень истощены. Многие умирали. Их увозили к ручью (за Ручейной улицей) и там закапывали в большие ямы. «Их не хоронили, их просто кидали в ямы. Наша последняя улица была Ручейная. Улица заканчивалась – там был ручеёк, а дальше – совхоз и такой пригорочек, после ручья, налево. На бугорке и закапывали. Красноармейцев в лагере было очень много. Но они в основном сидели или лежали. Кто – раздет, кто – разут»[78].

И ещё: «Помню концлагерь за железнодорожным полотном. Лагерь был огорожен забором с колючей проволокой. Пленные всё время просили что-нибудь поесть» (М.А. Максимова)[79] – «Из этого концлагеря немцы собирали команду из 10-15 человек и вели её по Загородному проспекту на улицу Ручейную. Там, за этой улицей в штабелях лежали умершие пленные. Их закапывали за ручьём, и немцы снова уводили команду в лагерь» (житель Любани)[80].

Такой же лагерь был оборудован в районе кирпичного завода (ныне разрушенного) за улицей Кирпичной (до войны – Кирпичстрой): «Недалеко от Кирпичстроя, на большой поляне, в центре которой стоял заброшенный барак, немцы устроили перевалочный лагерь для советских военнопленных. Поляну обнесли колючей проволокой. Местных к лагерю не подпускали.

Однако бывало, когда небольшими группами пленных гнали через Любань, раздавалась команда «разойтись», и русские солдаты спешили в близлежащие дома. Большинство солдат помогало оставшимся без кормильцев женщинам по хозяйству. Умельцы мастерили игрушки из дерева. От местных жителей пленные получали за свою работу скромное пропитание и одежду. Вечером под строгим наблюдением полицаев и караульных они возвращались в лагерь»[81]. В карьерах этого кирпичного завода устраивались расстрелы совершавших попытки побега пленных[82].

Имеется информация о существовании концентрационного лагеря в Любанском депо. Однако речь идёт не о том историческом депо, которое сохранилось до сегодняшнего дня. Существовало ещё одно депо, расположенное прямо напротив вокзала (сейчас на этом месте находится одна из платформ на Санкт-Петербург). Здание его не сохранилось. По некоторым данным здесь содержалась одна тысяча военнопленных.

И ещё один лагерь находился в районе, прилегающем к Забалканской улице, на её стыке с улицами Чкалова, Калинина и Широкой[83]. Умерших в этом лагере также хоронили за Ручейной улицей. «Пленные все-

гда кричали и просили что-нибудь поесть. Но подходить близко не разрешалось, да и было боязно» (З. Хохлачёва)[84].

15. Развалины кирпичного завода. За ними – карьер. Фото 2012 г.

16. Август 1941 г. Слева – депо, в котором был устроен концлагерь.

Но кроме этих пяти лагерей существовали, видимо, ещё и небольшие пункты размещения военнопленных. Из воспоминаний Александра Клейна: «Вечерело, и нас погнали обратно. Разговаривали мало и отрывисто... Все продрогли. На ночь загнали в большие сараи. Разводить огонь не разрешили. Всё же в единственной печке ухитрились разложить маленький костёр. Но к нему было не протиснуться. Кое-как примостились на земляном полу, подложив плащ-палатку и шинель. Легли мы вчетвером. Поворачивались по команде. Накрылись тремя шинелями... Дрожа, забылись подобием сна»[85].

Возможно, пленных разместили в мастерских МТС, находившихся рядом с «загоном» (мастерские не сохранились), но, может быть, речь идёт о каком-то другом помещении.

Есть ещё и такое свидетельство: «... просёлочной дорогой нас погнали на Любань. Когда вышли из леса, я оглянулся. Вереница пленных казалась бесконечной... Добрались до Любани, переночевали в подвале овощехранилища» (лейтенант Н.А. Лешуков, Волховский фронт)[86]. Овощехранилище находилось так же, как и пересыльный лагерь, по левой стороне улицы Ленина, в глубине участка за вторым пожарным прудом (пруд не сохранился). Ориентировочно – это угол пересечения Коммунальной улицы с переулком, соединяющим эту улицу с улицей Ленина.

Саблино (Ульяновка)

Кроме Тосно и Любани концлагеря располагались и в других населённых пунктах района, например, в посёлке Ульяновка (Саблино): « На следующий день нас повезли по железной дороге в Саблино. Пригнали на площадь, огороженную колючей проволокой. Дождь, грязь, ни травинки на голой земле... Работает немецкая кухня. Нам дают по полкотелка жидкой болтушки два раза в день. Посуда есть не у всех, но люди умирают ежедневно, и котелки остаются. В стороне – изба, тоже за проволокой. Там тиф...» (Н.А. Лешуков)[87].

Саблинский лагерь начал «работать» во второй половине сентября 1941 года. Из части домов были выселены местные жители. Освободившаяся территория была обнесена колючей проволокой, а по периметру расставлены вышки с часовыми[88]. «В районе улиц Ульяновская дорожка, Карла Маркса, Юного Ленинца и Ульяновского шоссе был размещён лагерь военнопленных. В доме, где бывал В.И. Ленин (дом Елизаровых), разместили комендатуру лагеря. Сначала заключённых было немного, но постепенно их количество возросло. Фасад лагеря выходил на Ульяновское шоссе, в те ворота вводили пленных. Тыльная сторона лагеря выходила на низкий луг в полукилометре от Ульяновского шоссе. Там тоже были ворота, но небольшие. Через них вывозили трупы узников» (М.С. Дмитриева)[89]. Жители Ульяновки называли этот лагерь «тифозным», видимо там постоянно наблюдались вспышки тифа.

Уже в наши дни в Ульяновке силами подвижников – бывших учителей Ульяновской СОШ № 1 – Дмитриевой М.С. и Винницкого А.М., а

также Коченкина А.П. в память о погибших узниках Саблинского концлагеря установлен мемориальный знак (на ул. Комсомола). На нём надпись: «Советским воинам, погибшим в плену. 1941-1944».

17. Мемориальный знак в п. Ульяновка (ул. Комсомола)

По поводу Саблинского лагеря довольно долго существовали разночтения. В комплексе документов Чрезвычайной Государственной Комиссии … (ЧГК) по Тосненскому району, хранящемуся в ГА РФ в «Акте № 18 о зверствах немецко-фашистских захватчиков и причинённом ими ущербе гражданам, колхозам, государственным предприятиям и общественным организациям на территории Тосненского района Ленинградской области» от 29 декабря 1944 года содержатся сведения только о тосненских и любанских концлагерях для советских военнопленных, и ни слова – о Саблинском.

Зато документально подтверждённые сведения об этом лагере появляются в материалах ЧГК по Гатчинскому району, в акте, составленном не позднее 10 декабря 1944 года. В результате Саблинский лагерь долгие годы числился на территории Гатчинского, а не Тосненского района. И только в мае 2012 года данное недоразумение было устранено: «…Неоднозначность в определении административно-территориальной принадлежности населённого пункта Саблино вызвано не совсем корректным цитированием заявления бывшего военнопленного врача Ро-

зенберга Александра Павловича в «Акте «специальной чрезвычайной комиссии Гатчинского района» о злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в гатчинском районе Ленинградской области за период временной оккупации». Поскольку Розенберг А.П. был допрошен в качестве свидетеля комиссией Гатчинского района, его показания были процитированы в акте данной комиссии, а протокол отложился в составе материалов ЧКК по Гатчинскому району, что послужило в дальнейшем причиной для возникновения разночтений в определении административно-территориальной принадлежности населённого пункта Саблино»[90].

Итак, сведения о Саблинском лагере, фиксировавшиеся до этого только в воспоминаниях очевидцев, наконец-то, обрели документальную основу. Однако не только об этом лагере вспоминают ныне саблинцы. Есть указания, что кроме него в данном посёлке имелись ещё и две рабочие команды численностью несколько десятков человек. Одна из них размещалась на Речной улице (в районе психиатрической больницы). Здесь во время войны стояли склады с боеприпасами. Военнопленные использовались для погрузочно-разгрузочных работ.

Другая рабочая команда находилась в районе посёлка «Юношество». Здесь пленные были задействованы на строительстве дороги (из воспоминаний жителя пос. Ульяновка Б.И. Колосова)[91].

Видимо об этом же пункте содержания советских военнопленных сообщает и газета «Ленинградский университет» от 7 ноября 1944 года: «На ст. Саблино Октябрьской жел. дороги находится научная станция нашего университета, где отрабатывали практику студенты географы, геологи и биологи. Станция имела большое хозяйство, жилые дома, помещение для приёма студентов, метеорологическую станцию, лаборатории с оборудованием, помещение для камеральной обработки полевых исследований («чертёжку») и т.д. Два с половиной года хозяйничали немцы на станции, и на каждом шагу видны следы их пребывания. Отступая под стремительным натиском Красной Армии, немцы не успели сжечь зданий, хотя всё к этому подготовили (все помещения наполнены соломой, стружками, сосновыми ветками и прочим горючим материалом); но они разграбили и переломали всё оборудование станции, часть приборов разбросали по траве. Помещение станции были использованы для других целей. Большое помещение для приезжающих студентов обнесено высокой стеной колючей проволоки – это лагерь, где содержали советских людей. Внутри сняты все перегородки. И вместо уютных небольших комнат получился огромный сарай, который заполнили двухэтажными нарами, некоторые до 15 метров в длину. Вместо постелей – стружки и солома; на всё здание одна небольшая печь. Везде обрывки одежды, обуви, осколки посуды, мусор. Кто томился за колючей проволокой этого лагеря? Какова их судьба? Новое помещение «чертёжки» обращено в конюшню, под конюшню пошли и некоторые жилые дома. Научной станции фактически нет. Предстоит большая работа по её восстановлению. Предстоит и другая работа – работа по составлению счёта фашистским вандалам как за разрушенную станцию. Так и за страдания

советских людей, пережитые ими за колючей проволокой саблинского лагеря»[92].

Имеется ещё одно свидетельство, из которого следует, что помимо пересыльного лагеря (Дулаг-134) на Ульяновской дорожке существовал ещё один лагерь, возможно связанный с ним административно. Он располагался непосредственно у железнодорожного полотна рядом со станцией: «Два лагеря военнопленных было в Саблино за мостом справа. Мы их видели, когда мимо Саблино (из Поповки) по железной дороге в Тосно на бойню ходили. На колючей проволоке пленные висят: у кого рука, у кого нога торчит. Пленные хотели травы из-за колючки подёргать, а немцы их из автомата ... Так и висят на колючке, бедные ... А друг мой, Генка Семичев, берёт травы клочок, привязывает к камешку и бросает за колючку, чтобы патруль не видел. А они, как эти, знаете, пчёлы. Там же на территории лагеря всё выедено было, ничего не было. Это вот у самой станции был лагерь. А ещё другой был рабочий лагерь, немцы гоняли их дорогу чинить московскую. Кормили их какой-то баландой, они просто умирали там. Потом уже после войны мы в этом месте копали и перезахоранивали останки» (А.А. Бисиков)[93].

Никольское

Советские военнопленные на р. Тосне. Август 1942 г.
Фото из книги Ф. Хуземана «Die guten Glaubens waren»

18. Лагерь для военнопленных

Есть упоминания о концлагере в районе города Никольского – там, где до войны находился посёлок им. Бадаева. Линия фронта проходила от него всего лишь в трёх километрах, и сюда попадали солдаты и офицеры, непосредственно захваченные в бою.

Об этом лагере сохранились воспоминания никольчанина И.Т. Гнутова: «Посёлок Бадаева был построен при стекольном заводе. Люди жили в бараках. Немцы пришли к нам с левого берега – от посёлка Никольское, через мост. Как раз на правом берегу и располагался наш посёлок – у стен завода. Немцы быстро выгнали нас на улицу и тут же в нашем посёлке организовали концлагерь для военнопленных красноармейцев с колючей проволокой и охраной» [94].

Об этом же читаем и в воспоминаниях Ю.В. Федосеева: «Раньше в Никольском Бадаевским посёлком называли поселение недалеко от деревни Перевоз. Там стояли десятка два бараков, в которых жили рабочие стекольного производства, клуб, контора. Когда немцы пришли, они обнесли два барака колючей проволокой и там содержали советских солдат, захваченных на передовой. Рассказывают, что были там солдаты-пехотинцы и моряки в чёрной морской форме. Командовал в этом лагере, якобы, поляк, который отличался невероятной жестокостью. И многие из них умирали от голода и непосильного труда. Отступая, фашисты расстреляли оставшихся в живых и сбросили в ров»[95].

Кроме того, непосредственно в самом Никольском первоначально существовал ещё один лагерь для военнопленных: «Фронт остановился у Поповки. Стали поступать партии военнопленных. Школу сделали лагерем для них» (В.А. Королёва)[96]– «Перед войной была построена школа, в которой немцы потом разместили свой госпиталь. Мама рассказывала, что когда наши солдаты попадали в плен, то их вели в школу. Сначала их держали в подвале, где была камера пыток. Меня после войны старший брат водил в эти подвалы. Там все стены были в крови. Висели эти щипцы, кольца висели на стенах. На цепи, видимо, вешали пленных. На это было ужасно даже смотреть, а как это всё вынести?! Потом, когда начальство узнало, что туда школьники лазают смотреть, то быстро эту часть здания разобрали. Оно и так уже было разрушено бомбёжками, поэтому после войны уничтожили все эти развалины и страшные подвалы. А пленных солдат, когда немцам понадобился госпиталь, они переправили на территорию завода Бадаева – это была территория стекольного завода. Там была столовая, сначала её заполнили до отказа. И всё равно некуда было пленных девать. Потом всю территорию завода огородили колючей проволокой, и пленные находились под открытым небом. Там более 5 тысяч похоронено наших солдатиков и мирного населения. Когда дорогу начали строить уже после войны, то много костей вырыли …» (Л.С. Соловьёва)[97].

Сегодня на месте бывшего лагеря установлен памятный знак «Камень-валун» с берегов р. Тосны. С инициативой его установки выступила Никольская гимназия № 1. Школьники сами заработали деньги, а с доставкой на место «Камня-валуна» помогли рабочие завода «Сокол». На «Камне» надпись: «Здесь покоятся останки нескольких тысяч воен-

нопленных и местных жителей, погибших от ран, холода и голода в годы фашистской оккупации 1941-1944 гг. Вечная им память».

19. Никольское, «Камень-валун». Фото 2012 г.

Лисино-Корпус

В Лисино-Корпусе был тоже не один лагерь, а два – в церкви и на территории леспромхоза: «Сначала в них были только военнопленные, а потом и жители, пригнанные из других населённых пунктов. Все они, как и местное население, использовались на строительстве дорог. Позднее лагерь в церкви был ликвидирован, а вместо него там немцы сделали конюшню для своих лошадей, которых у них было очень много» (М.Ф.Иванов)[98].

«Начиная с 1930 года всю территорию нынешнего Лисинского учебно-опытного лесхоза занимал Лисинский учебно-опытный леспромхоз Лесотехнической академии им. Кирова. Рядом с посёлком леспромхоза находился кирпичный завод, не входящий в его состав, работающий на местном сырье. <…> Бездомные жители Лисино были согнаны в лагерь на территории бывшего кирпичного завода. Этот лагерь первоначально был устроен гитлеровцами для военнопленных и огорожен колючей проволокой. А после вывоза последних наполнен бездомными лисинцами. Люди жили в бараках без полов и сушилках для кирпича»[99].

20. Лисино-Корпус. Церковь во имя Происхождения Честных Древ Честно- го и Животворящего Креста Господня, 1862 г., арх. Н.Л. Бенуа. Фото 2012 г.

Лагерь в леспромхозе вероятно использовался в качестве пересыльного, так как располагался он вблизи железнодорожной станции Лустовка. Пленные трудились не только на железной дороге, но, главным образом, на строительстве рокадной автомобильной магистрали Шапки-Тосно-Лисино-Вырица. Эта дорога не была рассчитана на долголетнее использование, но обеспечивала немцам оперативную возможность перебрасывать свои войска и боевую технику параллельно линии фронта в ближнем тылу. Здесь же была устроена и грунтовая трасса для прохода танков и гусеничной техники.

Шапки (Староселье)

Имеются сведения о концлагере в посёлке Шапки, а точнее – в Староселье: «Наши пленные за проволокой жили. Не помню, было здание для них или нет, в низине они жили (за ручьём. – *Авт.*)» (Г.Ф.Николаева)[100]. Однако часто вспоминают об этом же лагере, расположенном у ручья, но на бугре: «Лагерь находился на бугре. Перед войной это место называлось Санаторной Горкой, так как все старинные постройки здесь после революции были отданы под детский тубер-

кулёзный санаторий. Когда немцы выбирали место для лагеря, они выбрали именно этот бугор. Потому что было удобно: дороги во все стороны, ничего не надо строить. Осталось только обнести это место забором в несколько рядов «колючки». Но военнопленных довольно долго – до самой осени – держали под открытым небом. Очевидцы вспоминали, как они просто стояли здесь «гуртом» и ждали своей участи. От этих лагерных построек теперь остались одни только ямы. Самым страшным в лагере был голод. Голодных пленных гоняли на лесозаготовки, на строительство блиндажей и дорог-лежнёвок. Но они были так истощены и обессилены, что буквально ног своих не тянули. А если кто-то падал, то даже пулю на него не тратили – добивали прикладом. Их гоняли на работу под конвоем с собаками, и конвоиров было немного – из-за слабости пленные не могли далеко убежать. Умерших хоронили рядом с лагерем, в ольшанике. Ров вырыли, и, вот, в него складывали погибших. Закопают и дальше ров продолжают. Потом, после войны, мы их перезахоранивали. Но, наверное, где-то кто-то остался, потому что это было с 47-го по 50-й годы – никаких ещё официальных постановлений на эту тему не было. Перезахоранивали сами местные крестьяне» (Т.Ф. Киселёва, краевед)[101].

21. Староселье. Место бывшего концлагеря над родником. Фото 2012 г.

А вот воспоминания Н.П. Забойкина: «В Староселье были наши пленные. Лагерь находился у родника. Рядом была сделана до войны постройка под пивоварню. Всё это фашисты обнесли колючей проволокой,

поставили охрану и вышки. Вот они там сделали лагерь, под этой проволокой колючей, вниз с горки – ступенек сорок.

22. Староселье. Место бывшего концлагеря у родника. Фото 2012 г.

Наш комендант однажды приказал мне с другими ребятами отвести в лагерь трёх лошадей (не немецких, а наших – их нечем было кормить) на еду пленным. Мы привели, привязали лошадей, пришли пленные и зарезали их. И ещё мы всё удивлялись: какая чистота была в лагере! Там кухня, подсобные хозяйства, всё это было сделано, всё построено. Немцы командовали, чтобы аккуратно всё было сделано. В лагерь нас пускали, если что-то надо было принести.

Пленных в разное время было по-разному: от восьмидесяти до трёхсот человек. Одних привозили, других увозили, как на пересыльном пункте. В 1942 году пленных привозили сюда к нам с фронта, с поля боя: фронт был под Турышкино (ж/д линия Кириши-Погостье-Мга. – *Авт.*). С военнопленными обходились очень плохо. Было страшно смотреть: тощие, обросшие. Одежда военная вся изношенная, сами люди измучены. По краю бугра стояли деревья, обнесённые колючей проволокой. На горе стояла кухня и подсобные помещения. Было там и два дома, в одном комендатура, а во втором – изолятор. Постройки деревянные. Внизу, ближе к роднику был лагерь – 2-х этажное деревянное здание, где находились военнопленные. Много помирало. Закапывали мёртвых в 150-ти метрах от лагеря: там было сделано кладбище для военнопленных»[102] – «Солдатское кладбище можно обнаружить по пути из Шапок в Староселье. У дороги имеется могила неизвестного солдата (обелиск). За нею ольшаник и небольшой ручей. По ту сторону от ручья на небольшом, заросшем кустами взгорке и хоронили, начиная с зимы

1941 до конца 1943 годов наших военнопленных, умерших от голода, болезней и ран. Пленные красноармейцы в основном работали на железнодорожной станции (Шапки)»[103].

А вот свидетельство С.В. Хабарова: «Военнопленных в лагере том человек больше ста, наверное, было. Лагерь был окружён колючей проволокой. Пленные жили в бараке над родником. Барак они сами построили. В Шапках была пилорама, где клуб сейчас стоит. Там они работали, потом мостили дорогу. Мостовая-то была от Шапок до Тосно и до Мги. И до Любани тоже была. Сколько лесу загубили! А пленных везде хоронили, в кустах было много ям, особенно по правой стороне, где памятник отдельный стоит неизвестному солдату (одинокая могила. – *Авт.*) Сначала солдат разоружали, в церкви в подвале держали, потом их из подвала отводили в барак. Я видел, как одного хоронили в могилку. Где деревянный мост раньше был, там грязь стояла, и военнопленные лопатами должны были очистить мост около прудика. И вот, один немец подошёл к военнопленному и сказал по-немецки: «Шнель! Шнель!» – быстрее, мол, быстрее работай. А тот его по-русски послал подальше. Тут конвой берёт автомат двумя руками и ударяет его прикладом по затылку. Потом двое военнопленных через несколько минут его волокут по земле в недорытую ещё могилку. Его в неё и положили. Мне страшно стало. Я боком, боком по кустам и домой побежал. Вот это я видел своими глазами. Помню»[104].

Строение

23. Строение. Дорога к бывшему лагерному кладбищу. Фото 2012 г.

Для строительства рокадной дороги Шапки-Тосно-Лисино-Вырица использовались также узники концлагеря из посёлка Строение. В-основном, это было гражданское население, но по свидетельству очевидцев «сначала здесь держали партизан и военнопленных, а потом стали сгонять местных жителей»[105].

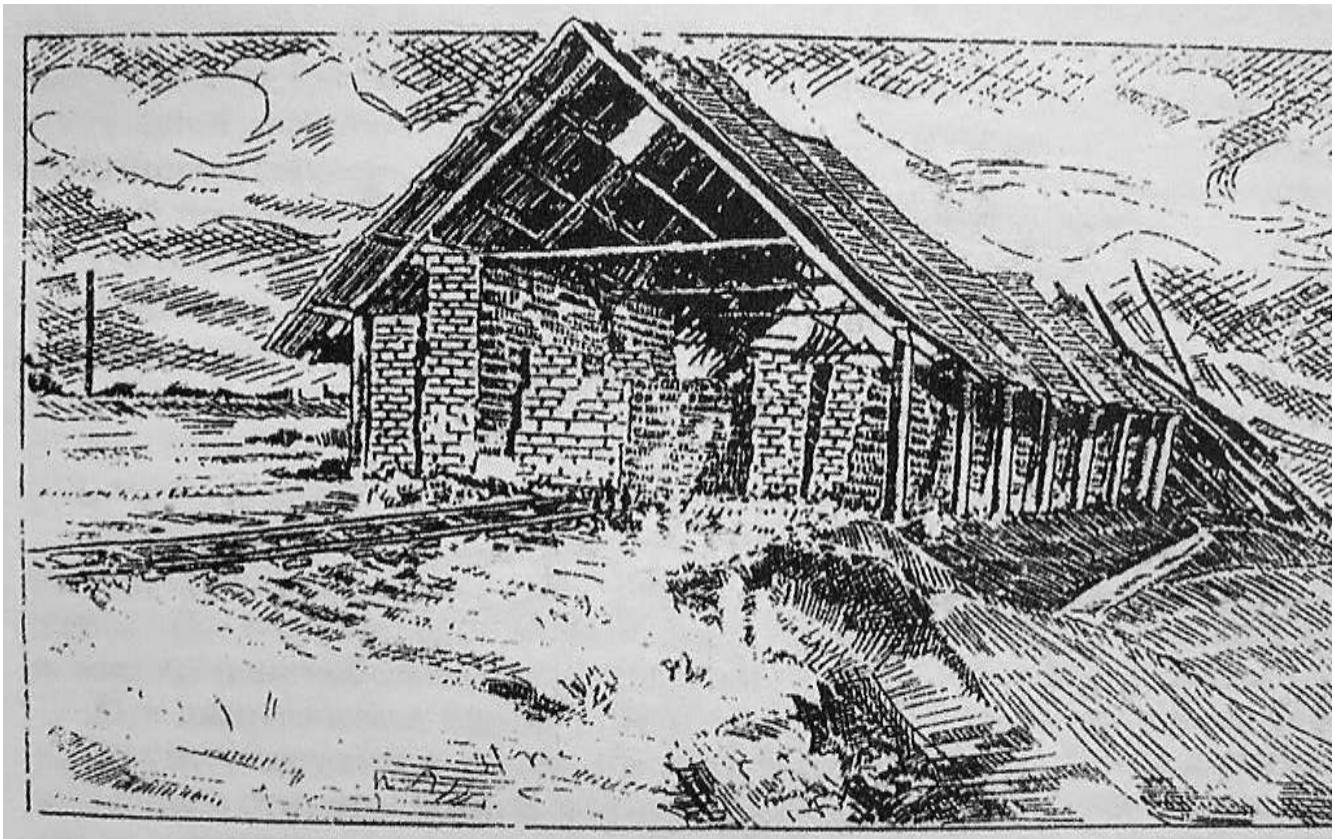
В память о погибших от голода, побоев и непосильного труда силами администрации Тосненского городского поселения и ООО «Стела» (ген. директор А.И. Докторов) в 2009 году был установлен памятный знак.

24. Строение. Памятник узникам трудового лагеря. Фото 2012 г.

Покровское

О лагере для военнопленных в селе Покровском (берег реки Тосны, рядом с Никольским, граница нынешнего Кировского района) сведений никаких нет, но есть воспоминания тех, кто сражался за это село в первых числах сентября 1941 года: «Рано утром 4 сентября 1941 г. подразделения полка (3-й *сп* 4-й ДНО Дзержинского района. – *Авт.*) вышли к берегу реки у кирпичного завода и укрылись за штабелями сложенного кирпича: ждали команды к началу форсирования... Вся операция по форсированию реки Тосны была осуществлена быстро и удачно. Подразделения полка, переправившись через реку, заняли оборону на высоком берегу и открыли огонь по противнику, который поспешно, в пани-

ке, убегал из с. Покровское, оставляя много убитых и раненых. Мы ворвались в село и заняли его. На улицах противник оставил много техники и имущества; взяли мы много пленных, прятавшихся в подвалах домов. Эта победа над врагом подняла боевой дух ополченцев. Выбив немцев из села, наш полк занял оборону на его окраине в неглубоких окопах, вырытых немцами. Отступивший в лес противник к вечеру открыл по нашим позициям артиллерийский и миномётный огонь. Обстреливал он и переправу, не давая перебросить через реку подкрепление. У нас появились убитые и раненые. Вскоре на наши оборонительные позиции обрушила бомбы вражеская авиация. Занятый нами плацдарм в с. Покровское нам удержать не удалось. Под беспрерывными атаками немцев, сильными бомбёжками авиации и мощным артиллерийским огнём противника подразделения полка оставили занятые рубежи и отошли на противоположный берег реки Тосны, где и закрепились. Дальше этого рубежа немецкие войска к Ленинграду не продвинулись» (Я.А. Рубин, боец 3-й *сп* 4-й ДНО)[106].



Село Покровское. Сушильные сараи восточнее кирпичного завода

25. Рисунок, сделанный в сентябре 1941 г.

Можно предположить, что, так как это село находилось в непосредственной близости от переднего края, то, вероятнее всего, лагерь для советских военнопленных представлял собой сборный пункт, куда доставлялись красноармейцы, захваченные в бою в районе Ивановской. Известно также, что на его территории имелись сушильные сараи для кирпича. Возможно, в них-то и был устроен этот лагерь.

Померанье

Концлагерь для военнопленных существовал так же и в деревне Померанье, «где от голода и побоев в первые два года погибло около 300 советских воинов»[107]. Лагерь располагался по правую сторону от дороги, соединяющей Московское шоссе и одноимённую железнодорожную станцию, ближе к концу дороги – сразу за большой сосной. Слева же от дороги – напротив лагеря, хоронили военнопленных.

26. Померанье. Дорога на станцию. Фото 2012 г.

«В Померанье находились военнопленные. Они были истощены и ослаблены от голода и изнурительного труда. Их водили под конвоем. Видела, как немец пристреливал тех, кто не мог идти от слабости и болезни. Один раз мать вынесла проходившей мимо под конвоем группе пленных котелок варёной картошки. Пленные протягивали руки, но в это время немец щёлкнул затвором и навёл автомат. Моя мать испугалась, бросила картошку и убежала» (Р. Молоканова)[108].

Другие населённые пункты

Был лагерь военнопленных на 600 человек в дер. Новолисино. Семья Чугуновых была расстреляна за помощь, которую она пыталась им оказать[109]. Об этом имеется рассказ свидетельницы тех событий В.И. Чугуновой: «Вышли два солдата из леса и пришли в деревню (Еглизи – *Авт.*) – в дяди Мишин дом. А в этом доме были две девушки. Они дали солдатам гражданскую одежду – фуфаечки. А шинели оставили. Хотели их спрятать, но не успели. Кто-то увидел, что девушки солдат переодели и сказал немцам. Их тут и забрали. В Новолисино увезли, там у немцев штаб был. Как их мучили! И отца их! Три ночи! А когда вели на расстрел, у них на груди доски были. Они до чего их домучили – их вели, а они земли под собой не видели! А солдаты те спаслись. Мы видели, как они в лес побежали – в кусты, и дальше. Немцы стреляли по ним, но не попали. А то, что они убежали в лес – я сама видела»[110].

Об этой истории жители Новолисино (уже после войны) сообщали, что девушек – Чугунову М.И и её подругу – Алексееву Л.М. показательно расстреляли, а Чугунова И. Н. повесили. Тела казнённых патриотов захоронили в Новолисино.

Лагерь для советских солдат и офицеров находился также «недалеко от Васильевской Мызы, в 400м от дороги на Сустье» (Васильевская Мыза находилась в 1км от деревни Коровий Ручей по дороге на Сустье. – *Авт.*)[111], хотя есть свидетельства, что такой лагерь находился и в самой деревне Сустье: «На двоих с соседом Фёдоровым (деревня Коркино – *Авт.*) была оставлена корова, молоко от которой надо было сдавать на приёмный пункт в деревне Сустье. Взамен выдавали так называемый обрат (обезжиренное молоко. – *Авт.*). Его переливали в бутылки, и когда проходили мимо лагеря советских военнопленных, то просовывали их под колючую проволоку. Часовые ругались, но детей не обижали. А вот русские пленные в знак благодарности одаривали ребятишек самодельными игрушками» (А.А. Лыскова)[112].

Ещё очевидцы вспоминают лагерь в пос. Ушаки: «В годы немецкой оккупации в Ушаках в конце Советского проспекта, около леса размещался лагерь военнопленных. В этот период по железной дороге систематически (в Ушаки) подвозились боеприпасы, которые разгружались по обе стороны железной дороги и укладывались в штабеля. Затем со штабелей снаряды и другие боеприпасы грузились на машины и куда-то перевозились. Все погрузочно-разгрузочные работы производили русские военнопленные» (М.И. Васюков)[113].

Кроме того имеются сведения о рабочей команде в деревне Бу̀дково (ныне не существующей) – в 13км от Любани, где содержалось 30 советских военнопленных. Они использовались на разных работах: ремонтировали дорогу, строили дома для немцев[114].

И ещё: «известно, что концлагерь для военнопленных находился на Вороньем Острове (около Любани. – *Авт.*) в зимнее время под открытым небом» (М.А. Максимова)[115].

А вот свидетельство В.К. Павловой из деревни Кунесть: «Ребятишек и взрослых заставляли рыть окопы, траншеи, строить танковую дорогу. Вместе с ними работали и советские военнопленные. Фашисты держали их в нечеловеческих условиях в землянках вдоль берегов Тигоды»[116]. То есть, лагерь располагался, по всей видимости, где-то в районе деревни Большая Кунесть.

Имеется и такое сообщение: «Тосненские партизанские отряды под командованием М.М. Евстафьева и Л.П. Бороусова, узнав, что в деревне Тигода находятся пленные красноармейцы, которых гитлеровцы под конвоем водят на работы, уничтожили конвой и освободили из плена 45 советских воинов» [ЛПА, Ф.116, Оп.1, Д. 399, л.50], где ЛПА – Партийный архив Ин-та истории партии Ленинградского обкома КПСС [117].

Таким образом, согласно свидетельствам очевидцев, записанным уже после войны, можно говорить *как минимум* о **30** (больших и малых) пунктах принудительного содержания советских военнослужащих, существовавших на территории Тосненского района. Практически все эти лагеря относились к категории лагерей фронтового уровня, создававшихся в непосредственной близости от фронта, поэтому большинство из них не являлось постоянно действующими – они появлялись и исчезали по мере необходимости. Однако объединяющим началом для всех них служил принцип антигуманного обращения с заключёнными.

Что из себя представлял концлагерь под открытым небом

Согласно принятым ещё до начала войны против СССР установкам, особенности жизни во всех концлагерях (в том числе и на Северо-Западе региона) были примерно одинаковыми. Очень часто такой лагерь представлял собой огороженный колючей проволокой участок земли, где люди находились под открытым небом круглые сутки. Зимой лагеря устраивались в неотапливаемых помещениях конюшен, свинарников, овощехранилищ или дощатых сараев. Но бывало и так, что людей держали на улице даже зимой.

О том, что чувствовали при этом заключённые, можно прочитать в воспоминаниях Александра Клейна, попавшего в такой лагерь в соседнем с Тосно Чудовском районе (совхоз «Коммунар»): «Подгоняемый плетьми, избитый, глотая струившуюся из носа кровь, я прошёл через множество огороженных проволокой каре к воротам, которые, как мне показалось с первого взгляда, выходили в поле. Зона находилась на краю лагеря и с трёх сторон её поднимались деревянные вышки с немецкими охранниками. Внутри зоны бараков не было. Только низенькие срубы, выступавшие из снега на полметра, указывали на места двух или трёх бывших бараков. И внутри этих низеньких загородок толпилась вокруг пылающих костров серая масса пленных.

Я подошёл к одному. Никто не обратил на меня внимания. Вокруг были безразличные, утомлённые, ничего не выражавшие лица. Дико

смотрели с них красные, слезящиеся, воспалённые глаза. Греться у огня пришлось недолго. Выстрел с вышки оповестил, что нужно немедленно загасить костры или затемнить их так, чтобы никакой отблеск огня не был виден.

Пленные стали поспешно затаптывать некоторые костры, оттаскивать от них щепки, дощечки, ветки. А вокруг оставленных костров плотной стеной сгрудились дрожавшие от холода люди. Заслоняли огонь шинелями, собой, вдыхали дым, кашляли, жались друг к другу: не дай Бог нарушить затемнение. Но как ни старались отчаявшиеся люди притемнить спасительные маленькие костры, то и дело щёлкали выстрелы с вышек. Несколько пуль свистнули у меня над ухом.

У соседнего костра кто-то вскрикнул и упал. На мгновение огонь озарил площадь «слепого барака» (вся эта зона так называлась) и, корчившегося в предсмертных судорогах человека. Но не успели пленные прикрыть своими фигурами костёр, как по ним хлестнула пулемётная очередь.

Вопли огласили «слепой барак». К нам дрожа, приткнулись несколько доходяг, отбежавших от злополучного костра. Немцы с вышек дико орали, требуя загасить костёр: фрицы дико боялись налётов нашей авиации.

Вполголоса мне объяснили, что здесь каждую ночь творится такое… Штрафная зона… Говорили, что люди, пробывшие здесь две недели, слепли: дым выедал глаза. Поэтому барак называли «слепым». А самого барака давно нет: на дрова разобрали, как и соседний. Остатки стен занесло снегом… Раньше тут был огромный свиносовхоз. То, что мы называем бараками – это всё свинарники. Теперь в них больше десяти тысяч пленных, если не двадцать.

Несмотря на едкий дым, ухитряемся дремать, опираясь на товарищей, или присаживаясь. Но лечь нельзя, можно только упасть…

Время от времени трескали выстрелы с вышек. Опять кого-нибудь убивали или ранили. Иногда караульные стреляли по кучкам пленных от скуки… Раненные оставались на снегу до утра. До рассвета никто не заходил в зону «слепого барака». Зимняя ночь тянулась бесконечно долго»[118].

Практически во всех лагерях военнопленных существовал, если не такой, то очень похожий – тяжёлый – режим содержания заключённых. При этом у пленных отбиралось всё, что могло пригодиться вермахту: сапоги, шапки, варежки, шинели, валенки и другие тёплые вещи. Взамен ничего не выдавалось. Военнопленные ходили на работу зимой и летом в одних и тех же рваных шинелях и гимнастёрках или просто в нательном белье с намотанными на ноги тряпками или в самодельных деревянных колодках: «Через какое-то время ко мне подошёл немец, танкист с эмблемой войск СС, и приказал жестом снять валенки. Я отдал ему свои валенки и когда немец ушёл, то перочинным ножиком отрезал куски от полы своей шинели и замотал ступни в эти куски. Но утром этот немец снова пришёл в лощину, где нас держали на морозе, и бросил мне рваные ботинки, примерно 46-го размера, пожалел меня, видимо» (А.А. Фрайман)[119].

Этапирование до места назначения

Захваченные в плен солдаты прямо с поля боя направлялись в специальные сборные пункты, которые устраивались в оврагах или просто в открытом поле.

27. Пересыльный лагерь под открытым небом

Оттуда в пешем порядке пленные направлялись в пересыльные лагеря, а из пересыльных – в стационарные. Этапирование для большинства пленных становилось тяжёлым испытанием. То, что на настоящий момент никто не знает точных цифр погибших в плену в первые месяцы войны, связано именно с условиями конвоирования и транспортировки советских военнопленных. Существуют данные, что их смертность в ходе перемещений в этот период достигала 70 % [120].

«Помню, как наших пленных гнали: оборванных, босых, голодных. Мы, дети, собирали им окурки, а то и картошку сунешь в руку. Взрослые боялись подойти, немцы их били, а детей не трогали» (Е.В.Бронзова) [121] – «После взятия Тосно толпами гнали наших пленных. Голодные, они очень просили есть: «Хоть бы сольцы пососать ...». Бежала домой, отрезала хлеба, посыпала солью, совала им в руки ...» (Р.Н. Карцева) [122] – «Я помню: колонну пленных вели через Тосно (осень 1941 года). Мать сварила картошку в мундирах. Мы с моей подругой Танькой – а нам тогда было по девять лет – сидели на заборе и,

вот, когда был какой-то промежуток между немецкими солдатами-конвоирами, мы бросали пленным эту картошку. Они сразу подбирали – очень уж были голодные» (О.П. Захарова)[123].

Колонны военнопленных преодолевали огромные расстояния. Раненых и ослабевших конвоиры пристреливали, травили собаками, забивали прикладами. Неслучайно такие переходы сами узники называли «маршами смерти»:

«Слышу, немцы лес прочёсывают. Зарылся головой в мох между кочками – думал, что спрятался. А надо мной голос: «Оффицер!»...
Подняли. Подобрал я палку, заковылял. Пленных уже целая толпа. И с каждым шагом людей всё прибавляется... Кто цел – заставляют раненых вытаскивать из болота. Собралось нас несколько тысяч. Выгнали на сухую поляну, оцепили проволокой, выставили охрану. Наутро погнали в Сенную Кересть.

28. Военнопленные после разгрома 2-й Ударной армии

Там, на площади, стали сортировать – раненых отдельно. Первый раз покормили: выдали по плиточке какого-то концентрата на двоих. Мы развели его в котелке, поели. Часа полтора дали полежать, потом просёлочной дорогой погнали на Любань. Немцы – на лошадях, мы пеш-

ком. Кто отстаёт – пристреливают» (Н.А. Лешуков, 2-я Ударная армия)[124] – «И когда нас погнали на запад, то эти ботинки (46-го размера) мне жутко, до самых костей натёрли ноги, я не мог идти, и за это меня могли спокойно пристрелить как раненого или отстающего немецкие конвоиры, но Ткач и другой мой боец, грузин Миша Беридзе, подхватили меня за плечи и тащили на себе... Немцы остановили нашу колонну в лесу и на глазах у всей колонны расстреляли всех наших раненых, всех кто не мог быстро идти. Колонна пошла дальше и тут немцы-конвоиры стали пристреливать ослабевших. Выстрелы звучали один за другим, каждый раз мы невольно вздрагивали, за нашей спиной оставались трупы однополчан. Нас пригнали на станцию Чудово, погрузили в «товарняк», по 90-100 человек в каждый вагон и куда-то повезли» (А.А. Фрайман)[125] – «Спустя несколько дней снова подогнали вагоны – маленькие, товарные. Втискивали в них силой человек по 90 – только б дверь закрылась. Ехали в такой тесноте, что если руку поднял – уже не опустишь. Кто не выдержал и присел – в ногах задохнулся. Когда выгружались в Котлах (Кингисеппский район. – *Авт.*), из одного нашего вагона десять трупов сняли...» (Н.А. Лешуков, этапирование со станции Саблино)[126].

С наступлением осени и зимы (1941 год) стала осуществляться перевозка пленных в открытых, неотапливаемых вагонах. Многие умирали в пути от обморожения, зато летом – от жажды (в пути пленных не кормили и не поили).

Голод

Машина уничтожения советских военнопленных включала в себя такой чудовищный инструмент, как организация в лагерях искусственного *голода.* И это ни в коей мере нельзя объяснить организационными неурядицами внутри германского командования. Это была продуманная политика, потому что практически повсюду практиковался запрет комендантов лагерей на передачу продуктов питания военнопленным со стороны местного населения. Любые послабления в этом вопросе носили спорадический характер и всецело зависели от настроения конкретных солдат, которые несли в данный момент караульную службу. А, между тем, вид страдающих от голода людей нередко вызывал у них не столько жалость, сколько презрение, взращенное расовой теорией их фюрера: «Нас выстраивают и ведут «на обед». «Столовой» является ... поле. Здесь не успели убрать турнепс, кормовую свёклу для скота, и мы можем «подкрепиться», хотя, безусловно, до нас здесь уже «паслись» другие пленные, мы их видели издали.

Земля проморожена. Мы вытягиваем из земли огромные турнепсины. Обмываем их в придорожных лужах от налипшей грязи; имеющимися у немногих перочинными ножиками или железками обчищаем и жадно вгрызаемся в горькую холодную массу плода. С собой брать не разрешается: надо оставлять назавтра, себе и другим. <...> Утро начинается с «фрюштука» (завтрака) на турнепсном поле. Как мы ни полоскали в

лужах турнепс, как ни пытались счищать с него землю, всё равно она хрустела на зубах. Только крайний голод заставлял набивать живот этой скотской едой. Немцы стояли по краям поля и посмеивались: разве они себе такое позволят? Только «низшая раса» способна питаться таким образом...» (А. Клейн – под Любанью)[127]. И действительно, чего только не приходилось есть нашим пленным! – «Нам повезло: немцам-фронтовикам доставили вагон кровяной колбасы в жестяных банках. Все банки почему-то вздулись и немецкие врачи опасались, что консервы испорчены и ими можно отравиться. Поэтому их решили скормить пленным. Кровяная колбаса пошла в баланду. Никто к вящей досаде и удивлению жандармов, не отравился. Они решили, что у русских «лужёные желудки» (А. Клейн) [128].

29. Пленные красноармейцы пьют воду из замёрзшего ручья, 1941 г

Хотя на бумаге рацион пленного должен был составлять около 2000 ккал, на деле он колебался в зависимости от лагеря от 300 до 500 ккал: «В день выдавали на человека по 100 грамм эрзац-хлеба из опилок и по черпаку гнилой баланды. Люди в буквальном смысле пачками умирали, «как мухи», от голода. Многие от голода теряли человеческий облик, некоторые сходили с ума, грызли свои ремни и обувь» (А.А. Фрайман – Псков, зима 1941-1942 гг.)[129] – «Во временных лагерях по приказу вермахта полагалось одноразовое питание: ломтик хлеба, качество которого определялось самим названием «эрзац-брод» (заменитель хлеба) и

черпак баланды из грубых комбикормовых отходов. На вид это была тёмно-жёлтая бурда с опилками. Порой она не переваривалась в желудке и вела к непроходимости кишечника» (военврач В.М. Золотухин, Сенная Кересть)[130].

30. Выдача питания советским военнопленным

«Если изредка давали ржавую селёдку, то её съедали всю, ничего не выбрасывая. Это было праздником, как и для того, кто поймает крысу: крысы водились под полом в туалете. Перед лагерем был небольшой пожарный пруд. Там вначале водились лягушки. Их выловили и съели в первые два дня. Поначалу во дворе росла всякая трава. Её вырвали и съели, вся площадь была пустой. Зеленело только за проволокой, но и туда мы совали руки, хотя и стреляли ...» (Г.А. Стеценко, концлагерь в пос. Выра)[131].

По поводу хлеба, которым кормили военнопленных, надо сказать следующее: речь идёт о специально изобретённом «продукте для русских», состоявшем из смеси ржаных отрубей, свекольного жмыха, древесных опилок и «муки», изготовленной из соломы и листьев. Эрзац-мука для этого низкокачественного хлеба называлась «Петушок», так как была упакована в специальные мешки с изображённой на них головой петуха.

Сама возможность создания подобного заменителя хлеба – Russenbrot – есть результат сознательной расовой политики германского руководства. Вот что сказано об этой стороне вопроса в «12 заповедях поведе-

ния немцев на востоке и их отношений с русскими» (1 июня 1941 г., группенфюрер СС Г. Баке): «Нищета, голод и непритязательность – удел русского человека вот уже многие века. Его желудок растяжим, а потому никакого ложного сострадания. Не пытайтесь подходить к нему с германским жизненным стандартом в качестве мерила и изменять русский образ жизни»[132].

Таким образом, в силу того, что русские не были полноценными людьми, кормить их чем попало (на взгляд немцев) не являлось большим преступлением: «Трудно себе представить, до чего доходят русские пленные! Когда им кидают падаль, они, как звери, набрасываются на неё, вырывают друг у друга куски конины, заталкивают в рот. Мы не раз наблюдали эту картину. Они потеряли человеческий облик. Как их считать людьми? Это свиньи»[133].

А между тем голод в лагерях был так силён, что мысли о еде не покидали людей ни на минуту.

Но для гитлеровцев это был самый простой способ уничтожения «лишних ртов»: *Никольское* – «Военнопленные, почти обезумевшие от голода, грызли глину» (В.А. Королёва)[134]; *Саблино* – «Они очень голодали, съели всю траву на территории лагеря. Иногда удавалось перебросить через забор что-нибудь из съестного. Часовой, если замечал, начинал ругаться, грозить» (Л.А. Турзина)[135].

31. Женщины кормят пленных

Саблино – «Первую партию заключённых привезли где-то в конце сентября (1941 г.). Кухню немцы организовали только на двадцатый день после открытия лагеря. А до этого узникам не давали ни еды, ни

питья. С водой вообще было плохо, так как вокруг не было ни одного колодца. Местные жители, как могли, подкармливали их, но это было очень опасно, их тоже могли бросить за колючую проволоку. Первые дни баланду варили женщины из выселенных домов». В Саблинском лагере имели место также и случаи каннибализма: «Мария помогала матери и однажды зашла в свой дом. То, что она там увидела, осталось в памяти кошмаром на всю жизнь. Первое, что её поразило, так это множество костей. Тогда она представить себе не могла, что это человеческие останки. Обглоданные кости валялись по всему участку»[136].

Но в некоторых населённых пунктах ситуация выглядела не так ужасающе. Например, в концлагере в *Шапках (Староселье)*: «У нас не расстреливали, не вешали за то, что мы подкармливали пленных. Мы могли передавать им картошку, варёные овощи» (Н.П. Забойкин)[137]. Но это было только вначале. Очень скоро всё изменилось, ведь перед немцами отнюдь не стояла задача заботиться о наших пленных. Так что, в Старосельском лагере, как и в других подобных лагерях, вскоре тоже наступил голод: «Помню военнопленных. Тут домик стоял, а вот у забора чёрная смородина росла. Я стою, ем смородину и вижу: их гонят. Они просят: «Девочка, дай хоть одну ягодку!..» Я набрала, хочу подать, а часовой мне: «Шейза, рус, не смей давать! А то застрелю!». А они, бедные, идти не могут, а их гонят! Кто не может идти, того прикладом бьют. Эти изверги, что они творили! На работу их ведут, а они с ног валятся. Они же голодные! Немцы голодом их морили, а работать заставляли. Тощие, идут и падают. Страшно смотреть! И никого к ним не подпускали – сразу расстреляют, если подойдёшь. Гады, изверги! Это не люди!» (Г.Ф. Николаева)[138]– «В лагере, по воспоминаниям очевидцев, была пустыня: голый песок и земля. К лету 42-го они съели всё до последней травки. Иногда немцы разрешали пленным, работавшим на лесозаготовках, пользоваться подножным кормом. Где ягодку схватят, где – гриб, всё без разбору. Вот и травились этими грибами. Во-первых, не знали что съедобно, а что ядовито; а во-вторых, ели сырыми...» (Т.Ф. Киселёва)[139] – «Летом пошли мухоморы и другие грибы. Пленные их собирали для еды. Был случай, когда пленные шли, как всегда, на работу, а обратно некоторые уже не вернулись – отравились. Их похоронили» (Н.П. Забойкин)[140].

«Умерщвление трудом»

Но как бы ни варьировалось положение заключённых в разных концлагерях, общая политика по отношению к ним везде оставалась одинаковой: все лагеря без исключения служили преступным целям массового истребления советских граждан. В то же время, простое уничтожение массы трудоспособных людей для рачительных, хозяйственных немцев представлялось нецелесообразным. Умирая, пленные обязаны были трудиться, если не на Германию, то хотя бы на вермахт.

Ещё в июле 1941 года, когда на границе в плену оказалось огромное количество наших солдат, в рейхе встал вопрос об использовании труда

военнопленных на благо Германии. Но поначалу он так и остался нерешённым: в первые полгода войны с СССР они ей были не нужны, и прежде всего, в этом выразилась позиция самого Гитлера. Вот почему в этот период с ними (на государственном уровне) не церемонились.

Но зато в самой армии, располагавшейся непосредственно на оккупированных территориях, трудом советских военнопленных пользовались повсеместно.

32. Пленные красноармейцы за работой

И снова в ход шла расовая теория: «Таскаем обгоревшие брёвна. До чего тяжеленные балки!.. Проходит офицер. Смотрит на нас. Мы в это время несём огромное бревно. Ноги подламываются. А до места у забора, где должны его опустить, ещё шагов пятьдесят. Непомерная тяжесть вдавливается в плечо. Ломит затылок. Офицер смотрит на меня. Говорит конвоиру: «Айн типиш руссишес штурэс гезихт» (Типично русское тупое лицо). Слышу: офицер беседует с конвоирами о преимуществах германской расы» (А. Клейн)[141].

Труд военнопленных был тяжёлым и абсолютно немеханизированным. Например, участок шоссе Болотница-Любань был покрыт железобетонными плитами, которые пленные укладывали вручную. Они же разбирали завалы, рыли траншеи, строили из брёвен лежнёвки, восстанавливали железнодорожные пути, разгружали вагоны. И вся эта тяжёлая работа осуществлялась на холоде голодными, физически ослабленными людьми: «Нас погнали к корпусам неподалёку от станции. Здания походили на пакгаузы. Из них пленные выносили огромные мешки, на

которых чернел орёл со свастикой в когтях, и укладывали на высокие повозки, запряжённые огромными бельгийскими лошадьми. Мешки были с овсом, крупой, мукой.

Всё время торопили. Но истощённые, измученные бессонными ночами, мы надрываясь, еле-еле ухитрялись вчетвером тащить один мешок. Немцы ругались. Иногда возмущаясь «медлительностью ленивых русских», хватали палки и колотили кого попало, куда попало. Люди падали, с трудом поднимались и вновь пытались носить непосильную тяжесть» (А. Клейн)[142].

В сущности, использование рабочей силы *таким образом*, по мнению многих исследователей, являлось закамуфлированной формой уничтожения. Оно и получило соответствующее название: «уничтожение через труд». Из сводки «О положении в тылу противника. Выписка. Из разведки штаба Ленинградского фронта от 11 декабря 1941 года» читаем: «В лагерях военнопленных, расположенных в Любани в помещении железнодорожного депо и в свинарнике Чудовского совхоза установлен следующий распорядок: подъём в 6.00, завтрак, во время которого дают так называемую «баланду». Обед в 2 часа, состоит из той же «баланды», ужин в 17.00. Больные, не могущие работать, кормятся один раз в сутки только «баландой». Перед завтраком или обедом пленные выстраиваются партиями у кухни и кушают, не выходя из строя, после чего направляются на работу. Основные работы, на которых используются пленные, – погрузка и разгрузка боеприпасов, продовольствия и пр. грузов. Медлительность в работе наказывается резиновыми палками, прикладами винтовок, а иногда и расстрелом. Медицинская помощь во время работы пленным не оказывается. Покалеченный при избиении пленный остаётся на месте и здесь же умирает. Имел место такой случай: один из пленных, не в силах нести одновременно два ящика с патронами, взял только один. Немецкий солдат возвратил его обратно и заставил взять второй ящик, после чего с ящиками на плечах было приказано стоять на одном месте в течение часа. Военнопленный часто падал, за что каждый раз избивался и после этого умер. Отощавшие от голода военнопленные умирают в лагерях большими группами»[143].

Разминирование

Каторжный режим содержания существовал во всех лагерях Ленинградской области, везде он был направлен на уничтожение «избытка» «неполноценных людей». В частности в тайном приказе от 2 июля 1941 года под № 1332- 41 «Об обращении с вражеским гражданским населением и советскими военнопленными в завоёванных областях» указывалось, что с целью массового уничтожения военнопленных следует использовать их на разминировании и других опасных для жизни работах[144]. Опыт участия в подобном «разминировании» в Любани опять же находим у Александра Клейна: «Нас пригнали к довольно большой опушке. В нескольких шагах от дороги на равном расстоянии друг от друга стояли немцы с карабинами и автоматами. Когда мы приблизи-

лись, приказали перейти через канаву и выстроиться. То же велели следующей партии пленных. Всего набралось нас человек четыреста-пятьсот.

Мелкий снег смешивался с дождём. У самого леса серебрилось припорошенное поле. Нас всех построили в один ряд, приказали повернуться лицом к лесу, спиной к дороге. Ничего не понимая, мы исполнили приказание.

– Расстрел ... Сейчас расстреливать будут, – пронеслось шорохом по рядам. Справа треснул выстрел: кто-то метнулся, видимо, в сторону. Пристрелили сразу.

Сбоку вынырнул унтер-офицер:

– Ахтунг! (Внимание!). Ви все дольжен герадеаус (прямо) (он указал по направлению к лесу) маршиpен ту-да (снова жест в сторону леса).

Огромная шеренга двинулась медленно, нерешительно, неровной серой линией.

– Минное поле, – шепнул кто-то. – Проверяют.

Опушка тянулась бесконечно. А была она всего шагов двести в глубину и шагов четыреста вширь. Не могу описать, что было в душе, когда вместе с другими товарищами по несчастью я шагал по проклятой опушке, пытаясь делать шаги чуть-чуть короче и в то же время боясь, что вдруг отстану и получу пулю в затылок, как получили некоторые. Вероятно, другие тоже пытались, как я, делать шаги чуть короче. Все глаза были устремлены вперёд, напряжённо всматриваясь в пространство на несколько шагов и под ноги: вдруг выглянет подозрительный кусочек провода или что-либо похожее на мину?..

Дошли до конца опушки. Приказали повернуться кругом и так же идти назад к дороге. Тревога оказалась ложной»[145].

Рабочие команды

В «больших» лагерях выжить, особенно осенью-зимой 1941 года, было почти невозможно. Единственным шансом уцелеть, не умереть от голода являлось для заключённого попадание в «рабочую команду»: «Только работа в командах, то есть получение улучшенного пайка, давала возможность военнопленному существовать, не умирая голодной смертью. Ведь голодная смерть не обязательно результат полного голода. Она наступает и при недостаточности питания, только медленнее. При питании лишь общим лагерным пайком военнопленный, по моим наблюдениям, в среднем мог прожить около полугода. За этот срок надо было обязательно устроиться на работу. Если этого не происходило, – смерть становилась неизбежной» (военврач Ф.И. Чумаков)[146].

Кроме того, в рабочей команде пленные иногда могли вступать в контакт с местными жителями, а те потихоньку помогать им продуктами питания. В Тосненском районе рабочие команды нередко создавались при немецких госпиталях. Конечно, военнопленные и здесь выполняли самую тяжёлую и грязную работу: кололи дрова, чистили уборные и помойки, носили воду, перетаскивали больных и раненых. Но при этом

они, по крайней мере, могли получить дополнительный кусок хлеба и иногда побыть в тепле. В то же время большинство попыток осуществить побег также совершалось из рабочих команд: «Госпиталь (в Тосно. – *Авт.*), в котором я служила санитаркой, обслуживался нашими военнопленными. Приходили ребята и к нам домой. Их группа хотела бежать. Соседи начали собирать им на дорогу провизию (сухари). Должны уже были вот-вот бежать. Но незадолго до побега их схватили. Организатор – Василий (фамилию не помню). У Васи нашли припрятанное где-то оружие. Больше его не видели» (Е.В. Евсеева)[147].

Рабочие команды размещались не только в крупных населённых пунктах, но и в маленьких деревнях.

33. Рабочая команда в деревне Будково

Здесь военнопленные полностью зависели от прихоти караульных солдат, их представлений о принципах общесолдатской солидарности. В этом отношении показательна история, случившаяся с пленными красноармейцами в деревне Будково. В рабочей команде здесь трудилось 30 человек. Когда колонна шла на работу, она была (возможно по ошибке) обстреляна советским лётчиком. Конвоиры укрылись в кустах у обочины, а пленным сойти с дороги было запрещено под угрозой расстрела. Так и погибла вся группа, не имея возможности спрятаться от опасности[148].

Эта история послужила поводом к написанию любанской журналисткой Ириной Никифоровой пронзительного по своей интонации стихотворения:

Советским военнопленным, погибшим на «Макарьевской дороге» посвящается:

Поломники шли по дороге в Макарьевский монастырь.
Больные, уставшие ноги и грязь топтали, и пыль.
Поляна светла у дороги, калина белым цвела.
От жаркого солнца спрятав, гостей приняла она.

Промчалися вёсны. Ливнем, калина снова цветёт,
А по святой дороге вражья орда идёт.
Фашисты торопят пленных, шаг вправо, шаг влево –
расстрел.
Над ними солнце России, а за спиною прицел.

Шепчет земля родная: «Ещё немного, сынки,
Потерпите до рассвета, там наши пойдут полки».
Вдруг приближение шума встревожило пленных солдат,
Гул показался знакомым: «Так только наши летят!»

Все посмотрели в небо, команда дана: «Стоять!»
Как только свернут с дороги, немцы будут стрелять.
А самолёт всё ближе, и холод в душе, и мрак:
«Разве можно, чтоб наши в своих стреляли вот так?»

Но время неумолимо – секунды и пули летят,
Уже на кровавой дороге солдаты мертвы лежат.
Могилою стала поляна, венком – полевые цветы.
И хватит ли матери жизни, чтоб сына родного найти?

Журчала Чудля поодаль, лес тревожно шумел,
И жаворонок одинокий весеннюю песню пел.
Калина, что у дороги, осыпала белый цвет.
И горечь земли впитала, и алый багряный цвет.

По-прежнему вьётся дорога, клубится над нею пыль,
И кто-то бредёт неспешно, туда, где стоял монастырь...

«Комиссары и евреи – шаг вперёд!»

Все армейские и полицейские приказы требовали беспощадности и применения оружия даже при самом незначительном подозрении на сопротивление. И так как пленным советским военнослужащим изначально приписывалось злонамеренное поведение, то это создавало благоприятную почву для осуществления повсеместного произвола. Попавшего в плен красноармейца могли убить буквально в первые минуты плена. С самого начала пленные делились на две категории: просто пленные и особо опасные пленные (комиссары и евреи). Соответствен-

но и до попадания в лагерь, и в самом лагере (регулярно, многократно) проводилась их селекция.

В основе её лежал преступный «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 года: «В борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя (подчёркнуто в тексте. – *Авт.*). Особенно жестокого и диктуемого ненавистью бесчеловечного обращения с нашими военнопленными следует ожидать от всякого рода комиссаров, этих подлинных носителей сопротивления.

Войска должны осознать следующее:

1. В нынешней войне пощада этим элементам и соблюдение в отношении них международных правил неуместны. Они представляют собой угрозу нашей безопасности и быстрому умиротворению завоёванных нами областей.

2. Политические комиссары являются инициаторами варварских азиатских методов ведения войны. Поэтому против них следует без промедления действовать со всей беспощадностью»[149].

Комиссаров предписывалось опознавать по красной звезде на рукаве.

В то же время, под действие этого приказа автоматически попадали все захваченные в плен военнослужащие-евреи. Так как политика национал-социализма изначально была направлена на «окончательное решение еврейского вопроса», то слова «комиссар» и «еврей» являлись для гитлеровского солдата словами-синонимами. Вот почему первые, кто самым трагическим образом столкнулся с вермахтом и СС, стали советские евреи-военнослужащие.

При этом «нормативную» базу «Приказа о комиссарах» дополнил «Боевой приказ» начальника полиции службы безопасности и СД Р.Гейдриха № 8 от 17 июля 1941 года, где необходимость убийства военнопленных евреев – не важно, комиссаров или нет – не подлежала обсуждению[150].

По оценке А. Шнеера[151], гитлеровцы уничтожили до 80 тысяч советских военнослужащих еврейской национальности, что соответствует 94% смертности евреев в немецком плену[152]: «Немцы приказали всем сбросить оружие в кучу и построиться в несколько шеренг. Было ещё светло, когда немцы приказали: «Юде и коммунисты, выходи из строя!». Меня как током ударило, в одно мгновение вся моя жизнь промелькнула перед глазами, лица родных. Я уже сделал движение вперёд, как мой командир отделения, кадровый сержант Ткач, схватил меня рукой и не дал выйти из строя. Он сорвал с меня петлицы с «кубиками» и произнёс: «Лейтенант, не выходи...». Вышло всего человек тридцать, их сразу повели в сторону, а нас погнали в лощину, посадили в снег» (А.А. Фрайман)[153].

Селекция коммунистов и евреев проводилась во всех лагерях постоянно. Это наполняло жизнь тех, кому удалось поначалу скрыть свою национальность, бесконечным ужасом: «Не знаю, способен ли человек, не побывавший в моём положении, а таких на всём земном шаре найдутся, уверен, единицы, понять, ощутить тяжесть висевшего днём и ночью над моей головой Дамоклова меча. Но я его чувствовал. Я гнал прочь мысли о том, что сделают со мной, если узнают, кто я. Это было

бы слишком ужасно» (А. Клейн)[154] – «Выявленных среди пленных евреев ждала лютая смерть: могли окунуть в холодную воду, а потом поставить голым на весь день на мороз, пока насмерть не замёрзнешь, в другой раз, еврея-красноармейца привязали верёвкой к машине и так на машине кругами таскали по земле, а немцы смотрели на его муки и смеялись. Самой быстрой смертью для военнопленного-еврея в этом лагере («Пески», окраина Пскова. – *Авт.*) была одна – если на него охранники натравливали собак, которые моментально загрызали жертву насмерть. Нет бы просто расстрелять «пойманного жида», но обычно немцы убивали долго, наслаждаясь мучениями» (А.А. Фрайман)[155].

Практика расстрелов

Надругательство над жизнью и здоровьем советских солдат в лагерях являлось нормой. Командиры всех уровней подталкивали своих подчинённых к противоправным действиям. В то же время, если криминальный «Приказ о комиссарах» и Инструкция к нему Гейдриха «юридически» обосновывали необходимость немедленного уничтожения политработников, евреев, коммунистов и комсомольцев, то это отнюдь не означало, что рядовые красноармейцы были этим документом ограждены от произвола. Война велась на уничтожение – а это значит, что геноцидальное начало гитлеровской политики по отношению к пленным не могло быть ограничено только террором против комиссаров и евреев. Оно было направлено именно на уничтожение (а не на *изоляцию*, как это принято в общемировой практике) как можно большего числа попавших в плен советских солдат. В этом смысле, «Боевой приказ» Гейдриха был нацелен на «изъятие» (см. – убийство) не только красноармейцев-евреев, но и вообще всех «подозрительных пленных». Последнее делало возможным широкое применение в лагерях практики расстрелов.

«Мы должны отказаться от понятия солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не будет товарищем» (из выступления Гитлера перед командующими и начальниками штабов Восточного фронта 30 марта 1941 года)[156]. Это положение из речи фюрера стало важнейшей психологической установкой для большинства немецких солдат, нёсших караульную службу в концлагерях: «Как-то раз мы копали братскую могилу, и пленный попросил у немца закурить, назвав его «комрадом». Фашист застрелил его. Тут же и зарыли ...» (Г.А. Стеценко)[157].

Убивали во время транспортировки в лагерь и по дороге с работы (ослабевших); убивали по любому, самому незначительному поводу; убивали раненых и больных, тех, кто был не в состоянии работать.

Но чаще всего – «за попытку к бегству»: «Все, кроме больных и раненых, выстроились перед бараком. Напротив нас стояла большая группа вооружённых немцев. Среди них – одинокая фигурка пленного.

– Сейчас расстреливать будут, – шепнул стоявший рядом со мной. – Так у них завсегда.

Действительно. От немцев отделяется офицер. Кивком головы он подзывает солдата, который выталкивает перед собой приведённого пленного.

34. Расправа над пленным в лагере

– Этот русский пытался бежать из лагеря в Любани. Но его задержали. Сейчас по приговору военно-полевого суда его расстреляют. Пусть это послужит вам примером.

Вероятно, пленный ни перед каким судом не был и не подозревал о столь скором решении его участи. На мгновение он замер …

«Братцы, тут есть кто-нибудь из Малой Вишеры?»

Шеренга пленных молчала. Офицер снова что-то сказал и переводчик объявил: «Не бойтесь. Ответьте».

Один из шеренги выступил вперёд: «Я оттудова».

– Передай, – плачущим голосом произнёс осуждённый и назвал свою фамилию, – передай, как я умер.

– Передам, – пообещал земляк.

Треснул выстрел. Жалобно взвизгнула пуля. Вскрик повис в воздухе. Пленный, скорчившись, упал.

Убитого приказали раздеть и отнести на кладбище» (А. Клейн)[158].

А нередко расстреливалась и целая группа заключённых «для острастки»:

Жёлто-серые шинели.
Мелкий снег. Рябит в глазах.
Мы стоим одной шеренгой,
Сотня хмурых доходяг:

Убежал один из плена
И за то – закон войны –
Десять будут непременно
Всем в острастку казнены.
Даже имени не спросят,
Гаркнут: «Марш! Ложись ничком!»
Неостывших в яму бросят
За воротами потом.

Онемелый строй сомкнутый
Ждёт, дыханье затая.
Десяти из нас минута
Осталась до небытия.

И стоим, уставясь тупо
В тех, пред кем навек в долгу ...
Выстрел .., выстрел ... Десять трупов
На снегу.

А. Клейн . Расстрел

Невыносимые условия жизни

Показательными расстрелами дело не ограничивалось. Регулярно применялись телесные наказания, обычно порки. Плётки, нагайки, резиновые палки – всё шло в ход. Избивали прикладами и коваными сапогами. Привязывали на несколько суток к телеграфным столбам на небольшой высоте от земли. «Ещё фашисты забавлялись тем, что впрягали в тачку пленных и гоняли вдоль ограды. Верёвку дадут в зубы и дёргают. Фотографировали и отсылали карточки домой. Я также попал в объектив: наверное, по причине своей худобы и потому, что не мог стоять на ногах (был ранен в ноги. – *Авт.*) – ползал» (Стеценко Г.А., концлагерь в пос. Выра)[159].

А вот свидетельство о том. что происходило в дер. Померанье: «До войны здесь был скотный двор. Территория была обнесена колючей проволокой. В этом же месте был колодец. Приходилось видеть, как в зимнее время выводили из помещения голых пленных к колодцу и обливали их водой. Напротив лагеря было место, где хоронили погибших» (А.Г. и Б.Г. Александровы)[160].

Крайне тяжёлое положение заключённых нередко способствовало тому, что многие из них сами сводили счёты с жизнью, не имея сил далее

сносить голод, побои и издевательства. В лагере, который находился недалеко от Васильевской Мызы «военнопленные содержались в ужасных условиях. Голод и изнурительный труд довели узников до отчаяния, и они подожгли лагерные постройки» (Е.Н. Копылова)[161]. По воспоминаниям свидетельницы, жительницы деревни Сустье Емельяновой, немцы заперли в бане военнопленных и подожгли её [162].

Жизнь солдата Красной Армии за колючей проволокой не стоила ничего. Для них создавались особые условия жизни в концлагерях: «Мне чудом удалось пережить зиму сорок первого года и умудриться остаться в живых до марта сорок второго. Жуткий лагерь. Повальный мор. Деревянные бараки, в которых не топили даже в самую лютую стужу. Полчища вшей, разъедающих кожу до невыносимого зуда. Постоянные побои лагерной полиции и расстрелы пленных немецкими охранниками» (А.А. Фрайман)[163]– «В Выре за школой – по левую сторону от дороги, если к Ленинграду идти, – были вырыты длиннющие рвы, и в них тысячи людей. Рвы проволокой оцеплены, по углам вышки с часовыми. Кто из рва выскочит – по нему из автомата ... Раз в сутки наливали по черпаку баланды, у кого во что: в котелок или каску ... Мёрли в этих рвах страшно, человек по тридцать в день. С одного конца закапывают, другой для живых удлиняют ...» (И.С. Смирнов)[164].

Медицинская помощь

Учитывая, что находиться в таких лагерях даже здоровому человеку было невыносимо тяжело, а в плен попадали люди больные, измученные голодом или раненые, то немецким командованием допускалось создание в них госпиталей и лазаретов. Как правило, медицинскую помощь оказывали в них пленные советские врачи. Но были случаи, когда к врачебной деятельности привлекались и гражданские (не пленные) медики, волей обстоятельств оказавшиеся на оккупированной территории. Иногда оккупационные власти разрешали оказывать такую помощь и местному населению. Подобное имело место в Любани: «В период немецкой оккупации были и местные врачи: Поварель, Фёдоров И.Т., акушерка Вишневская А.Н., Краснобаева А.И. и медицинские сёстры. Немцы разрешили открыть больницу и для русского населения. Это было уже в 1942 году. Любанская городская больница в этот период была занята под госпиталь для немцев. Железнодорожная амбулатория использовалась как госпиталь для русских военнопленных, там же находились жители, больные тифом.

Больницу для русского населения отвели в железнодорожном доме, где одна квартира использовалась как стационар, а другая служила амбулаторией (оба здания находились около железной дороги, примерно за современным Домом культуры в г. Любань. – *Авт.*).

Старшей по использованию стационара была Вишневская А.Н. Условия содержания больных в стационаре были ужасные. Кровати, которые предназначались для больных, собирались в разрушенных домах и на

пожарищах. Больничного белья не было, на помощь приходили местные жители и делились тем, чем могли.

35. Пленный красноармеец из дер. Будково (борьба со вшами).

Раненые военнопленные и больные сыпным тифом находились в одном помещении. Медикаментов не было. Немцы нам давали небольшое количество перевязочного материала и сердечных средств. Выжить в этих условиях было очень сложно, но благодаря вниманию медицинского персонала и внимательному уходу за больными многие пациенты поправлялись.

36. Любань. Улица Вокзальная, 1944 г.

В конце 1942 года немецкий госпиталь из помещения городской больницы перебазировался в дер. Красный Латыш. Это было связано с тем, что на Любань в этот период совершались частые налёты нашей авиации. Больница для русского населения перебралась в помещение городской больницы. В новых условиях стало работать легче, да и тиф отступил.

В госпитале для русских военнопленных работал пленный хирург, ленинградец Годунов Сергей Фёдорович. В плен он попал в районе военных действий 2-й Ударной армии. Он всячески старался помогать мирным жителям. Его из госпиталя для русских военнопленных под конвоем немцы приводили в больницу, где он делал операции больным по показаниям. Во время операции немецкий конвоир находился за дверью операционной» (К. Д. Покровская)[165].

Есть свидетельство о помощи пленных врачей мирным жителям в Тосно: «Почти два года, с ноября 1941 по 1943 годы, я работала в лесу под Строением. Ноги у всех наших, в том числе и у таких, как я, девчонок-подростков, были искусаны мошкарой до кровавых болячек. Обращаться в медпункт, где, к слову, мы не видели никаких немецких врачей, оказывалось бесполезно: кроме бумажных бинтов, там ничего не

было. В январе 1943 года во время бомбёжки я была ранена, и вместе с мамой и немецким переводчиком увезли меня в Тосно в русский лазарет, который находился в «Резани» на проспекте Ленина в доме Гагариных. Хозяев угнали в Германию, вот в пустом доме и был этот лазарет. Одновременно со мной туда же привезли и нашего соседа дядю Лёшу Опарина с огромной раной в бедре. Работали там наши – военнопленный врач и военнопленная медсестра. Врач нам сказал: «Милые мои, мало чем я могу вам помочь, ведь у меня кроме риванола (средство для промывания ран. – *Авт.*) и бумажных бинтов, ничего нет». Так и остался во мне осколок снаряда на всю жизнь. А сам лазарет недолго просуществовал, и врач этот вместе с медсестрой через несколько дней пропали. Как выяснилось позже, расстреляли их немцы» (Г.Н. Солдатова)[166].

Формально соглашаясь оказывать пленным (а заодно и гражданскому населению) медицинскую помощь, немецкое военное командование фактически никак не содействовало нормальному функционированию данных медицинских учреждений. Исключением здесь являлся лишь ряд лагерей «показательного типа» (да и те находились не в Ленинградской области), в которых лазареты для военнопленных были созданы с пропагандистской целью для демонстрации их представителям нейтральных и дружественных Германии государств[167].

Во всех остальных случаях режим данных учреждений был рассчитан на предумышленное умерщвление пленных путём сознательного оставления их без нормальной медицинской помощи. В таких «лазаретах», как правило, не было даже самых элементарных условий для лечения больных и раненых. Не было медицинского оборудования, лекарств, больничных коек, белья, посуды. Помещения, выделяемые под лазареты, были маленькими, а больных было очень много. Когда такой лазарет переполнялся, людей часто выносили в другие, абсолютно неприспособленные для этого помещения или даже на улицу. Но были случаи, когда больных просто уничтожали, чтобы освободить место для других. Есть сведения, что подобное происходило в той же Любани в лазарете на Больничной улице – месте массового уничтожения советских военнопленных[168]. Но происходили и совершенно вопиющие случаи, когда больных тифом просто сжигали живьём, «чтобы не распространялась зараза» (такое случилось в Гатчине в 1941 году – лазарет на ул. Хохлова).

Русские пленные медики как могли, пытались помочь своим товарищам по несчастью. Но что они могли сделать в таких условиях? Медицинские препараты и перевязочный материал выдавался им в последнюю очередь. Да и какие это были средства! – «С удивлением я увидел бинты, которыми производились перевязки. Это были бумажные бинты, напоминающие нашу туалетную бумагу в рулонах. Но если туалетная бумага более или менее гладкая, то полосы бумажных бинтов были как бы гофрированными, с множеством поперечных складочек. За счёт этого бинты могли растягиваться и обладали определённой эластичностью. Бумажные бинты были эрзацем. В случае промокания он мог располз-

тись, как это и происходит с туалетной бумагой. Однако лучше иметь бумажные бинты и салфетки, чем никаких» (Ф.И. Чумаков)[169].

Голод, холод и вшивость приводили к массовой заболеваемости заключённых. Зимой 1941-1942 гг. практически во всех концлагерях разразилась эпидемия тифа. Смертность среди военнопленных приобрела невиданные масштабы. Есть любопытная запись начальника Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) Ф. Гальдера в своём дневнике: «Молодечно. Тифозный лагерь русских военнопленных, 20 000 обречены на смерть». А далее следует примечание немецкого издательства: «Немцам не удалось доставить туда лекарство против тифа, *поскольку его не было даже у немецких войск*»[170]. Данная реплика не может не вызывать удивления – «не удалось (!)» – а было ли желание вообще этим заниматься? Вопрос заключается не в том, имелось или не имелось само лекарство, а в самом подходе к лечению пленных – в создании для них мало-мальски приемлемых условий, препятствующих росту заболеваемости: «Даже мне, привычному к зловонью, воздух в лазарете показался нестерпимым. Больные и раненые неделями лежали без смены повязок, завшивленные, грязные. Но даже подобия дезкамеры для прожарки белья и верхней одежды в лагере не было. Люди лежали на голых нарах. От общего помещения лазаретное отличалось отсутствием верхних нар» (А. Клейн)[171].

Но не только болезни становились причиной гибели наших пленных в лагерных лазаретах и госпиталях. И без того скудный рацион военнопленного здесь становился просто эфемерным. Известно, что продовольственная политика на оккупированных территориях строилась в соответствии с «перечнем срочности», согласно которому продуктами питания в первую очередь снабжались гражданские лица, состоявшие на службе у оккупационных властей, далее – работающие пленные и в последнюю очередь – неработающие пленные. Таким образом, больные и раненые жестоко страдали не только от болезней и ран, но, главным образом, от голода. Более того, большинство из них и умирало преимущественно от голода: «Порцию в 150 граммов хлеба с примесью древесных опилок и пол-литра супа-баланды в январе-феврале 1942 года нам давали через день или через два дня» (И. Г. Маляренко, госпиталь для военнопленных во Пскове)[172].

Именно по этой причине подолгу лежать в лазарете и, следовательно, не работать было нельзя: все больные получали уменьшенный общелагерный паёк и тем приговаривались к голодной смерти. При этом «диагноз алиментарной дистрофии как причины смерти ставить не полагалось. Если перед смертью начинался понос, то в эпикризе фигурировал диагноз энтероколита, а в остальных случаях рекомендовалось писать – «сердечная слабость». Бывало, что фигурировал диагноз – «пневмония»» (Ф.И. Чумаков)[173].

(Интересно сопоставить данную ситуацию с той, что описана Д.С. Лихачёвым в его воспоминаниях о Ленинградской блокаде: «Омыли отца туалетной водой, зашили в простыни, обвязали бельевыми верёвками и стали хлопотать о свидетельстве о смерти. В нашей поликлинике на углу Каменноостровского и реки Карповки внизу стояли столики, за

ними сидели женщины, отбирали паспорта умерших и выдавали свидетельства о смерти. К столикам были длинные очереди. Диагноз «от голода» они не записывали, а придумывали что-нибудь другое. Таков был приказ! Отцу тоже записали какую-то болезнь и, не видев его, выдали свидетельство»[174]).

Конвейер смерти

Раскинулся лагерь широко
Здесь тысячи пленных живут.
От жизни голодной, жестокой
Худеют, болеют и мрут.

«Товарищ, не в силах я на ноги встать, –
Сказал один пленный другому. –
В глазах помутилось и рук не поднять –
Видать, не вернусь я до дому».

«Кому же сказать мне, что ты заболел?
Скажи мне, товарищ, не знаю…
На долю нам выпал суровый удел
Я сам, как свеча, догораю.

Привстань-ка, товарищ, попробуй присесть,
Попробуй собрать свои силы …» –
«Эх, дай мне, товарищ, досыта поесть,
Тогда я согласен в могилу!..»

А мимо тележка – умерших везут:
Остались лишь кожа да кости.
Костлявой рукой шлют прощальный салют –
Их свалят, как скот, на погосте.

Могильная яма готова для них
И старенький крестик дубовый.
Прощального плача не будет о них,
Лишь ветер провеет суровый …

(*Песня, сочинённая советскими военнопленными в фашистской неволе*).

Создание лагерей для советских военнопленных являлось составной частью нацистской расовой теории уничтожения «недочеловеков» – *человекоподобных животных* в образе людей. В этом смысле, перемена лагеря мало что меняла в судьбе узника, потому что наиболее вероятным сценарием его будущего являлась именно смерть: «Условия их жизни (в Саблинском лагере) были ужасные. От голода, ран и болезней они умирали десятками. На Ульяновской дорожке, где сейчас находится

трансформаторная будка, была площадка, куда штабелями укладывали трупы военнопленных. Когда трупов накапливалось слишком много, их отвозили за ров по Ульяновской дорожке и сбрасывали в яму, не засыпая землёй. За немцев это делали местные жители, жившие поблизости» (М.С. Дмитриева)[175] – «Это действительно был лагерь смерти. Весь октябрь, ноябрь, – а зима очень рано наступила и очень морозная, холодная, – оттуда возили окоченевшие трупы, навалом, как дрова …» (В.А. Иванова)[176].

37. Саблино. Трансформаторная будка на углу пересечения Ульяновской дорожки и Ульяновского шоссе. Фото 2012 г.

По воспоминаниям Н.Г. Макаровой, в городе Тосно примерно в районе нынешнего дома № 2 на улице Трудовой в 1941-1942 гг. находилась огромная яма, в которую были свалены скрюченные (так она запомнила) трупы советских военнопленных[)]: «Мы жили на улице Вокзальной (в Тосно), это около железной дороги. Однажды мама встала рано утром, наверное, где-то в 5 часов, и подняла нас в такую рань: «Просыпайтесь! Идите сюда!». Мы, дети, вышли на крыльцо. «Запомните это, – говорит, – на всю жизнь. Из головы пусть никогда не уходит!». И указала нам на огромную яму. Она вся была заполнена нашими военнопленными. Их так закрывали земелькой, что пар оттуда шёл. Полуживых, наверное, а кто-то, может быть, раненый среди них был. Помню, что их очень много там было. Руки видела, торчащие из-под земли…а

головы уже были засыпаны землёй. Это были полуживые люди. Потом не знаю, зарыли, закопали их ? Не знаю. Может там и кости до сих пор есть» [177].

Или вот ещё: «Немцы в деревне (Глубочка. – *Авт.*) появлялись наездами. Они свозили ближе к нашей деревне военнопленных. Из окна кухни нашего дома было видно, как немцы вырыли огромный ров, сбрасывали раненых и полуживых людей туда и засыпали землёй. Так продолжалось несколько дней, пока ров не заполнился. Огромная могила шевелилась несколько дней. Всё это видели и запомнили мои сёстры, Мария и Клава, а меня оберегали от этого ужаса ...» (В.С. Данилов) [178].

Согласно архивным документам :

«... в г. Любань от нечеловеческих условий жизни в лагерях военнопленных от голода, холода и всевозможных болезней умерло свыше 1000 пленных бывших командиров Кр. Армии. В г. Тосно, в январе 1942 г. были повешены 4 и расстреляны 20 пленных красноармейцев. У одного из пленных была разбита голова и выколот глаз. По неполным данным немецкими бандитами зверски умерщвлены 470 мирных граждан и более 10 000 военнослужащих Красной Армии» (ГА РФ. Ф. Р-7021.Оп. 31. Д. 252. Л. 3 об.);

«... в гор. Любань было три лагеря советских военнопленных, где содержалось не менее 3 000 человек. Как рассказывают местные жители Мария Семёновна Новаковская и Александр Семёнов, русских военнопленных кормили баландой. Голод и болезни в лагере были настолько распространены, что ежедневно умирало не менее 20 человек. Трупы умерших свозились на свалку. По утверждению Семёнова так было умерщвлено не менее тысячи военнопленных» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 34. Д. 764. Л. 13);

«В пос. Саблино был расположен лагерь военнопленных... по левой стороне шоссе был обнесён колючей проволокой в два ряда высотой от 2-х до 3-х метров; люди в лагере были истощены и умирали от голода, были разуты и раздеты, неимоверно грязные» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 252. Лл. 79 об.);

Показания военнопленного врача Розенберга А.П.: «...Избиения раненых военнопленных я наблюдал и в лагерях во Мге, Кирсино, Гатчине. В Саблинском лагере я наблюдал систематическое исчезновение заключённых еврейской национальности» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 242. Лл. 6).

В сущности, в местах принудительного содержания наших солдат и офицеров действовал реальный конвейер смерти. Похоронная команда никогда не сидела без дела. Возле каждого лагеря имелась территория, именуемая «кладбищем», но здесь умерших не хоронили в общепринятом смысле, а попросту сваливали в рвы и ямы: «Напротив входных ворот лагеря возле двух разрушенных бараков были ещё одни «выходные» ворота. Сразу за ними начиналось кладбище. Чьи-то честные руки с разрешения оккупантов поставили там над одной из братских могил огромный деревянный шестипалый крест с надписью «Русские солдаты. 1941 год»» (А. Клейн, Чудово, совхоз «Коммунар»))[179].

В концлагерь совхоза «Коммунар» Чудовского района нередко попадали военнопленные, переводимые из лагерей Тосненского района, поэтому имеет смысл привести некоторые материалы и по этому лагерю.

Согласно архивным документам, в нём было уничтожено не менее **50 000** человек (Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф. 1793. Оп. 1. Д. 33. Л. 135)[180]. А вот Акт судебно-медицинской экспертизы, проводившейся на территории лагеря «Коммунар»: «...1945 года апреля 26 дня, мною, главным судмедэкспертом Ленинградского фронта подполковником медицинской службы, профессором Владимирским А.П. в присутствии членов Чудовской районной комиссии по расследованию немецких злодеяний на территории Чудовского района ... произведена судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов советских военнопленных из ям-могил на территории совхоза «Коммунар», где у оккупантов был расположен лагерь советских военнопленных. Около лагеря располагается кладбище на площади 60 на 50 метров, обнесённое колючей проволокой. На указанной площади вскрыты 12 рвов длиною каждый 50 метров, шириною 4 метра и при разрывании рвов глубина последних установлена в 3 метра. При входе около кладбища стоит высокий крест с надписью «Русские солдаты 1941 года» (ГИАНО. Ф. 1793.Оп. 1. Д. 33. Л.120)[(там же)].

И вот ещё одна выдержка из архивного документа: «Показания свидетелей о том, что советские военнопленные подвергались пыткам, избиениям, расстреливались, добивались и умерщвлялись через лишение пищи, полностью подтверждаются судебно-медицинскими исследованиями трупов истреблённых лиц. При судебно-медицинской экспертизе эксгумированных трупов ... было обнаружено большое количество огнестрельных повреждений с выходными пулевыми отверстиями, расположенными на затылочной части головы, что говорит о том, что эти повреждения причинены при расстрелах. Входные пулевые отверстия обнаружены на теменных костях, лицевых костях и найдены переломы черепа тупыми тяжёлыми предметами, что является подтверждением свидетельских показаний о расстрелах, и, в частности, о том, что обессиленные от голода люди добивались какими-то тяжёлыми предметами по голове и пристреливались» (ГИАНО. Ф. 1793. Оп. 1. Д. 33. Л.118, 119)[(там же)].

Психологический шок в момент пленения

Жестокость обращения, голодный режим существования и изнурительный, непрерывный труд тягчайшим образом отражались не только на физическом, но и на психическом состоянии узников концлагерей. Однако психические изменения могли начаться и гораздо раньше – до попадания в лагерь – ведь каждый, кто оказывался в фашистском плену, испытывал в трагический час настоящий психологический шок:

«Дико ... Сутки тому назад ещё был свободным, а теперь – бесправный пленный ... Как непривычно звучит: «Герр официр, герр унтерофицир» ... (Герр – господин)» (А. Клейн)[181].

«Я помню, как вели колонну пленных через Тосно в сторону Ушаков. Их было так много! Наверное, тысяча или даже больше. Они занимали всю дорогу. Я видела фильмы, где показаны наши пленные. Но ни один фильм не показал эти скорбные лица! Меня, маленькую девочку, тогда на всю жизнь поразили их лица, вид этих униженных мужчин!»(О.П. Захарова)[182].

38. Группа пленных красноармейцев в одной из захваченных вермахтом деревень, 1941 .

Попадание в плен отбрасывало советского воина из рядов защитников Отечества, полноценных граждан своей страны в беззащитную массу бесправных и презираемых людей. «В 1942 году пленных привозили сюда к нам (в Староселье) прямо с фронта, с поля боя, в нашей избе им делали допрос. Нас тогда выселили жить в амбар. А я печи хорошо делал. Унтер-офицер приказал мне починить печку-чугунку в этом доме. Делаю трубы, а тут ведут двух пленных: один молодой парень – на нём новая шинель с пуговицами, офицер, значит. Второй – солдат бородатый. Пришли. Сели. Они ничего не говорят, и я молчу. Тут приходит Шура Хабарова, плачет: у неё трое ребятишек – один на руках, а двое сбоку. Кричит бородатому: «Ой, Володенька! Володенька!!»

А Володя Хабаров – её муж …

Думали, что отпустят его к жене (такие случаи в первые месяцы войны бывали, если жена узнавала мужа в лагере. – *Авт.*). Но Хабарова не отпустили, он остался в этом лагере. Шура еду носила мужу. Его отпускали к ней ночевать несколько раз. Я потом спросил его: «Почему ты

тогда молчал?», а он ответил: «Гляжу, – ты ковыряешься. Но на меня дрожь такая напала, что ничего сказать не мог!».

А потом пристал к нему понос, он заболел и умер. Были же разные болезни, может, дизентерия. Похоронили его здесь, на кладбище» (Н.П. Забойкин)[183].

Моральное разложение

Оказавшись в лагере для военнопленных, люди вели себя по-разному: «Видя моё сочувствие, раненые тихонько пожаловались, что перед раздачей завтрака и обеда Василий Николаевич (старший санитар. – *Авт.*) и его помощник заносят бачок с баландой в свою комнату, выуживают себе всю гущу, а раненым дают «нагольную воду». Даже от нищих хлебных паек ухитряются урвать себе» (А. Клейн)[184].

А было и такое: «За три дня до моего прибытия в пересыльный лагерь (Любань. – *Авт.*) в нём всех построили и предложили выйти вперёд комиссарам, политрукам, евреям и цыганам. Политработников не оказалось. А двух или трёх евреев пленные сами вытолкнули из своих рядов. Их тут же и расстреляли. Знаю, что всё это правда» (А.Клейн)[185].

Некоторые не гнушались добывать себе крохи благополучия путём унижений. Таких презирали все – и свои, и враги: «Немцы с презрением смотрели на пленных, выпрашивавших докурить со словами «Гитлер гут. Сталин капут. Россия капут», а то и с робким приподниманием руки в фашистском приветствии со словами «Хайль Гитлер» (А. Клейн)[186].

Многие пытались выжить ценой предательства, атмосфера в лагерях, в этом смысле, была нездоровой:

«Я принял участие в освобождении концлагеря Сувалки. Воспоминания у меня об этом страшные. Бывшие узники, среди которых были и красноармейцы, шли колонной по просёлочной дороге. Вдруг один из них закричал хриплым голосом, показывая пальцем на другого: «Это власовец, егонадо расстрелять!» Тот заорал в ответ: «Ты сам власовец!» Потом все они стали обвинять друг друга. Мы были ошеломлены! Если это действительно были солдаты Власова, то почему они оказались здесь, почему так ненавидели друг друга?

Когда колонна прошла, я увидел валявшийся в пыли маленький голубой блокнотик – это были записки молодого лейтенанта, инженера, который был ранен, попал в окружение, а потом в этот лагерь. Прочитав, я был потрясён до глубины души. Он рассказывал, как в первые дни заключения расстреливали коммунистов и евреев по доносам соотечественников. Последняя фраза меня совсем доконала: «Никому не верьте, все патриоты были расстреляны, остались в живых только те, кто сотрудничал с немцами!» Дальше шли имена предателей. Блокнотик я потерял в неразберихе военных переходов и очень жалел, что не переписал эти фамилии, чтобы передать командованию. Но сейчас я очень рад, что потерял его и не стал судьёй несчастных людей, раздавленных гитлеровскими лагерями...» (Л. Рабичев)[187].

39. Пленный красноармеец показывает пальцем на комиссара.

Доносительство было в лагерях распространённым явлением, поэтому люди замыкались в себе, опасаясь стукачей и провокаторов. Но хуже всего было то, что лагерная полиция составлялась из самих же пленных, которые, в свою очередь, вели себя по отношению к остальным за-

ключённым гораздо более жестоко, чем сами немцы. Те реализовывали свои бесчеловечные идеи с тупой механистичностью автомата («от сих до сих»), эти же – с садистским наслаждением глубоко укоренённого властного самодурства.

Конечно, пленные страдали в любом случае, но когда мучил и пытал «свой», страдание (прежде всего, моральное) усиливалось многократно: «Комендант и переводчик обращались с пленными довольно сносно. Не унимался один из полицаев – Василий Петров. После возвращения пленных с работы он чувствовал себя хозяином. Не расставался с плетью и бил, не спрашивая фамилии» (В.М. Золотухин, лагерь в Киришах)[188] – «Некоторые, особенно ретивые полицаи, не довольствуясь плётками, стали к ним на концы прикреплять пули. После избиения такими плетьми некоторые становились калеками» (А. Клейн о лагере в Тосно)[189].

Помимо русских, основной контингент лагерных надзирателей составляли украинские и прибалтийские националисты. Именно они, в основном, культивировали поддержание порядка средствами террора. При этом сами немцы редко вмешивались в эти внутрилагерные «разборки». Они выстраивали лишь общую стратегию лагерного существования военнопленных, «грязную работу» они предоставляли другим. Кроме того, им было на руку провоцировать в лагерях национальную вражду между заключёнными – так было легче сломить у них волю к сопротивлению.

Оставаться человеком

Но одновременно, как бы в ответ на это гнетущее моральное разложение, набирала силу и обратная тенденция: значительная часть пленных упорно стремилась оставаться в рамках именно нормальных человеческих отношений – сочувствия, доброты и взаимопомощи. Наблюдались случаи и подлинного самопожертвования: «Офицер говорит тихо, комендант громко переводит: «Военнопленные! Вчера в проволоке вокруг вашей зоны обнаружили дыру. А под ней в снегу – следы сапог. Кто-то посмел убежать. Никто из вас не предупредил немецкую охрану о готовящемся побеге. Но кто-то, наверное, знал. По законам военного времени, за побег одного отвечают все его товарищи. Стойте! Не двигайтесь. Есть среди вас – кто знал о побеге? Если такие есть – пусть выйдут на три шага вперёд. Всё!

Над головами повисла леденящая тишина.

– Никто не вышел, – сказал офицер, – сейчас будет расстрелян каждый десятый из вас.

Тихий ропот, подобный шелесту осенних листьев, прошуршал по нашей шеренге.

– Тихо! – по знаку офицера к правому флангу шеренги быстро подошёл обер-ефрейтор. Нижнюю часть его лица до самых глаз закрывало чёрное кашне. Из под надвинутой на брови пилотки сверкали чёрные злые глаза. Тыча каждого кулаком в грудь он считал: «Один, два, три,

… девять, десять! – и за отворот шинели выдёргивал десятого. Шедший за счётчиком ефрейтор толкал выхваченного из рядов лицом в снег.

Против нас с автоматами наперевес стояли немцы. На снегу, вероятно, не чувствуя холода, лежали шестнадцать человек.

– Можно мне!? – вырвался из шеренги надтреснутый голос.

– В чём дело?

– Разрешите, господин офицер, я лягу вместо моего земляка, – попросил пожилой морщинистый пленный с добрым измученным лицом, – он молодой. А мне … разрешите…

Присутствующие переглянулись. Пленный снял пилотку и поклонился офицеру, просительно приложив руку к груди.

– Что ж, – хмыкнул офицер и повернулся к своей свите, – пожалуй, можно разрешить. Ложись на его место, – заключил он, обращаясь к пожилому.

– Спасибо!

Молоденький встал в строй, обнявшись со своим спасителем.

Офицер скомандовал – несколько немецких солдат, выхватив пистолеты, подскочили к лежащим. Кто-то попытался приподняться. Двое вскочили на ноги, пытались броситься на немцев. Но загремевшие выстрелы в две-три секунды положили конец всему…» (А. Клейн, Чудово, совхоз «Коммунар»)[190].

Что такое «Лагерь смерти»

Гитлеровский режим ещё до войны создал целый ряд концентрационных лагерей, сначала – на территории Германии, а затем Польши и некоторых других европейских стран. Названия их хорошо известны: Бухенвальд, Освенцим, Майданек, Дахау, Треблинка и др. Эти лагеря создавались целенаправленно, как лагеря уничтожения людей. В них имелись газовые камеры и крематории. Когда же говорят о сотнях (тысячах) лагерей для советских военнопленных, то почему-то оказывается, что это были обычные («законные») лагеря для содержания военнопленных и даже в соответствии с нормами международного права, ведь пленных здесь не убивали в газовых камерах, а наоборот, кормили («русским хлебом»), содержали в оборудованных (нарами) помещениях, проводили санобработку (дустом), и даже оказывали медицинскую помощь (бумажными бинтами)! А если что-то иногда не получалось на должном уровне, так то – вступали в силу «непреодолимые обстоятельства», разрешить которые германское командование было не в силах. Цинизм подобной позиции не может не ужасать, ведь оставаясь *формально* в рамках каких-то общих положений о концлагерях, нацисты сумели превратить эти, якобы, «законные» лагеря в абсолютно беззаконные, а точнее в реальные *лагеря смерти*, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Принцип функционирования их полностью соответствовал тому, что происходило и в специальных «лагерях смерти». В основе данного принципа лежала задача превратить их узников в особый контингент

«добровольно умирающих»: «В лагерях уничтожения цели СС нашли своё законное выражение. Миллионы приняли смерть, потому, что СС заставила их увидеть в ней единственный способ положить конец той жизни, в которой они больше *не чувствовали себя людьми*» (Бруно Бетельгейм)[191].

40. В загоне за колючей проволокой

По мысли немецких «специалистов», последнее достигалось только в рамках программы *разрушения личности заключённого*. Иными словами, для того, чтобы человек «захотел умереть», надо было так подействовать на него, чтобы его личность распалась. По существу, речь шла о духовной смерти заключённого. Соответственно, на решение этой принципиальной задачи и «затачивался» весь режим лагерной жизни, начиная от невыносимых бытовых условий и кончая жесточайшим голодом. Так, например, хроническое недоедание заставляло пленных всё время думать о еде и побуждало их искать пропитание на помойках. Это способствовало тому, что люди постепенно опускались.

Далее, в лагерях действовало огромное количество инструкций и предписаний, часто противоречивших друг другу. В такой обстановке каждый шаг заключённого являлся нарушением, требовавшим наказания. Это создавало обстановку постоянного напряжения. В результате – взрослые люди становились в положение провинившихся детей. Наказывали же их тоже нелепо – поркой розгами, методично понижая, тем самым, их самооценку.

В лагерях всё время поддерживался «фон террора» – регулярно проводились экзекуции и расстрелы. Соответственно, чтобы обезопасить себя, люди сами начинали проводить внутреннюю работу по размыванию собственной идентичности – они стремились слиться с массой, стать незаметней.

Попав в загон за колючую проволоку, т.е. насильственно поставленные в положение животных, в обстановке чудовищного *антиэволюционного прессинга* они очень скоро теряли способность оценивать и контролировать происходящее. И это было началом конца. Распад личности лишал их духовного иммунитета, превращал в покорных невольников, готовых безропотно подчиняться не только любым приказаниям своих мучителей, но и «добровольно умирать».

Можно ли было этому противостоять?

Сопротивляться такому положению вещей можно было только одним способом: не опускаться на уровень бессмысленного животного, а оставаться Homo Sapiens – человеком *думающим*: причём размышлять можно было о чём угодно, лишь бы размышлять: «Почему овладевает тобой проклятая покорность? Неужели под влиянием остальных? Стараешься быть незаметным ... Какие широченные голенища у немецких солдатских сапог! Неуклюжие. А подъём малюсенький... Этот подъём спас меня: в лесном бою с убитых немцев стаскивали сапоги. Мне тоже надоели тяжёлые, задубевшие ботинки и обмотки. Примерял. Ни одни сапоги, даже сорок четвёртого размера, не лезли. Всё из-за подъёма. Большой. Русский подъём. Но, не бывать бы счастью, да несчастье помогло: захватили бы в трофейных сапогах – прикончили б на месте, не спрашивая ничего... А сами, смотришь, наши карманные часы носят, наши комсоставские хромовые сапоги...» (А.Клейн)[192].

А размышляющий пленный, это уже не раб. И если он всё же умирает в условиях лагерной неволи, то умирает как несломленный духом человек, как воин, готовый при любой возможности взяться за оружие. Вот почему фашисты так ненавидели интеллигенцию – из них никак не получались «идеальные заключённые»: «Истощение, которому не могли препятствовать отдельные крохи подачек, холод, грязь – вся гнусная обстановка, я сознавал, притупили мои чувства, как и чувства моих товарищей. Чтобы не потерять остатки человеческого, я ночами у костра, задыхаясь от дыма, читал окружающим стихи и поэмы Пушкина и Лермонтова, задыхался. Но читал ...» (А. Клейн)[193].

Самым зримым критерием распада был исподволь вырабатывавшийся автоматизм поведения, когда команда начальника бездумно «проваливалась» в подсознание заключённого. В этом состоянии между узниками концлагеря пропадали всякие нормальные отношения, дружеские привязанности, память о семьях, воспоминания о прошлой жизни. С этого момента пленные представляли собой лишь аморфную массу автономных субъектов со сломленной психикой. И с ними теперь можно было делать всё, что угодно.

В ответ на это, те, кто сопротивлялся процессу патологического лагерного обезличивания, организовывался в небольшие дружеские ячейки, создавая, таким образом, внутри всеразрушающего психического марева Зону Автономного Поведения. Находясь внутри неё они могли самостоятельно совершать поступки и нести за них ответственность: «Одиночке, «одному на льдине», было не выжить. Все пленные осознанно собирались в свои группы, в «семьи», где каждый доверял другому и поддерживал своего товарища по плену. Каждый пытался раздобыть для себя и своих товарищей что-то съестное, всё это шло «в общий котёл» и поровну делилось в «семье», каждый подобранный с земли окурок, каждая крошка хлеба, щепотка махорки или гнилая кочерыжка от капусты» (А. А. Фрайман)[194] – «В конце коридора второго этажа в крайнем отсеке помещалось пять человек. Верно, все из одной части. Держатся всегда вместе. Делятся друг с другом каждой крошкой и цигаркой и с заметным уважением относятся к одному из своих товарищей, молчаливому пленному лет тридцати-тридцати трёх. У него ещё не совсем зажила раненая рука. На работе товарищи делают за него всё, а когда поблизости оказывается немецкий надсмотрщик, они стараются отвлечь его, чтобы тот не заметил неработающего» (А.Клейн)[195].

Жившие по таким принципам не становились «идеальными заключёнными»: «Я бежал к лесу. На меня напустили волкодава. Пёс рвал меня. Они собаку пожалели и меня не застрелили, а только избили до потери сознания, сломали рёбра. Всего били пять раз. Больше за то, что я не хотел работать на Гитлера. Кричали: «Сталину работал, а Гитлеру не хочешь, комсомольская сволочь!» (Стеценко Г.А.)[196]. Ясно, что лагерь отнюдь не всегда побеждал, и уж, конечно, далеко не всех.

Военнопленные как рабочая сила в 1942-1945 гг.

Условия содержания советских военнопленных несколько улучшились только весной 1942 года, но отнюдь не из гуманных соображений. Немцам потребовалась рабочая сила и не только в армейских частях на оккупированных территориях, но и в самой Германии. Советских пленных стали массово использовать на строительстве дорог и военных сооружений, в горнорудной и сталелитейной промышленности, в сельском хозяйстве. При этом они должны были работать абсолютно изолированно от военнопленных других стран, преимущественно на вредных производствах и только там, где без них невозможно было обойтись.

Условия их труда были крайне тяжёлыми. Получаемое питание ни в коей мере не компенсировало их физических затрат, поэтому, если их жизнь и продлевалась, то лишь на незначительное время. Смены длились по 12-14 часов, без выходных. Меры безопасности не соблюдались.

К тому же, по-прежнему действовала система уничтожения инвалидов и инфекционных больных, как бесполезных «лишних едоков».

41. Русские рабочие на горном предприятии во время перерыва, 1943

Таким образом, хотя процесс уничтожения «унтерменшен» замедлился, в целом он всё же не прекратился и военнопленные продолжали массово умирать. «Можно считать установленным, что к февралю 1942 года уже не было в живых более 2.4 млн. советских военнопленных. В дальнейшем масштабы смертности заметно снизились – с февраля 1942 г. до конца войны умерли около 1.5 млн. человек. Претерпела разительные перемены динамика ежемесячной смертности. Если первые 7 с лишним месяцев войны (по январь 1942 г. включительно) в среднем в месяц умирало порядка 340-350 тысяч советских военнопленных, то в последующие 39 месяцев (февраль 1942-апрель 1945) – 35-40 тысяч»[197]. Но и это была огромная цифра. «Самый страшный лагерь был Дахау. Нас русских отделили от пленных англичан, бельгийцев, французов и других иностранцев. К ним приходили письма с родины, посылки, о них заботился Красный Крест. Разъевшиеся англичане даже стали играть в футбол. А мы, полуживые от голода, едва могли шевелиться, и никаких вестей не получали. Не знали, живы ли родные» (А.Д. Циплёнков)[198].

Военнопленные-коллаборационисты

Помимо «умерщвления трудом» и широкого применения методики «добровольного умирания» гитлеровцы не гнушались ещё одним инструментом подавления воли у попавших в плен красноармейцев. Это был совершенно запрещённый приём – привлечение их на службу Германии. Согласно Гаагской и Женевской конвенциям нельзя было использовать пленных в войне против собственных стран. Однако в данном случае в отношении советских граждан этот важнейший принцип международного права был без колебаний нарушен. В полном согласии с нацистской пропагандой им предлагалось «присоединиться» к «освободительной войне» против большевизма.

Сначала прерогатива привлечения на службу коллаборационистов из числа военнопленных принадлежала отделу пропаганды вермахта, а также армейской контрразведке (абверу). Но затем право на их использование перешло к ведомству Гиммлера (СС).

Собственно, все пленные, согласившиеся сотрудничать с немцами, делились на две неравные группы. Первая – «добровольные помощники вермахта» («хиви») – начала формироваться ещё в июле 1941 года из числа перебежчиков. Однако эти военные формирования никогда не использовались германской армией в качестве полноценных боевых единиц. Это была дешёвая полурабская армейская сила. «Хиви» не имели оружия и их охраняли так же, как и прочих пленных. Единственное, что их отличало от последних, – это форма, лучшие условия содержания и сравнительно нормальный паёк.

Но была и другая группа пленных, которая направлялась не в действующую армию, а в спецформирования полиции и СС. В этих структурах пленные использовались для охраны других военнопленных, а также в различных карательных и антиеврейских операциях. От этих людей требовалась абсолютная лояльность нацистской политике. В эти

части попадали люди с уголовным сознанием, а также махровые националисты: «Когда из нашей рабочей команды стали набирать предателей в РОА и в полицейские украинские батальоны, то немало украинцев из нашей команды сами пошли и добровольно записались в предатели. Но был один русский по фамилии Губанов, работавший на пилецирклярке, которого из-за русской фамилии не взяли в украинскую полицию, так он всё время бегал к немцам, скулил и заявлял им, что он украинец и его настоящая фамилия – Губенко» (А.А. Фрайман)[199].

42. Добровольные помощники немцев (хиви) из числа военнопленных.

И всё-таки тех, кто добровольно рвался помогать врагу, было сравнительно немного. Основная часть пленных-коллаборационистов принимала столь тяжкое для себя решение исключительно под давлением обстоятельств. Трудно сказать, сколько бы на самом деле их стало сотрудничать с немцами, если бы их нормально кормили и обеспечивали хотя бы сносными бытовыми условиями.

А многие вообще вступали во вспомогательные силы вермахта с вполне определённой целью – дезертировать к своим. Однако осуществить это было непросто: «Пленным поступило предложение записываться на службу вермахта. Желающих не находилось. Серёжка говорит: «Немцам служить никто, конечно, не собирается. Но, с другой стороны, если запишемся, то получим оружие. А его и против немцев обернуть можно, и к партизанам пробиться!» На следующий день ребят забрали. Прошло три недели. Снова настало воскресенье. Видим, к воротам Сергей подходит. В немецкой форме, с повязкой на рукаве ... Смурной такой, невесёлый. Собрал человек пять, бутылку коньяку до-

стал, коробку конфет. Голову руками обхватил, молчит. Потом глянул на меня и говорит: «Умница ты, Иван, вот что я тебе скажу! Лучше на помойке сдохнуть, чем надеть эту шкуру!»

Рассказал нам Серёжа, что оружие-то немцы не дали: один кинжал. Автомат – тому, кто себя замарает. «Уже и среди нас, девятерых, есть предатели, – признался Сергей. – Некоторые сами берутся вешать. Витька, представляешь – Витька! – уже вешал ...» Пытался Макаров в Подлядах к партизанам перейти. Заметил засаду, поднялся во весь рост: «Ребята, я русский, к вам иду!» А ему в ответ – автоматная очередь и мат: «Нет, сволочь, подался гадам, так получай!» Пришлось обратно в кусты ...

Проводил я Серёжку до угла барака. Сказал он мне на прощанье: «Моя песенка, Ваня, спета, а ты держись!» А через несколько дней Сергея провели мимо лагеря под конвоем, без ремня. Глянул он в нашу сторону, тоскливо так, и рукой махнул. Спустя полчаса конвойный принёс на лопате Серёжкины сапоги...» (И.С. Смирнов, концлагерь в пос. Выра)[200].

И всё же известны случаи, когда уход к партизанам удавался. Причём совершали подобное не только отдельные военнослужащие, но и целые подразделения – уничтожив своих немецких командиров, бывшие военнопленные уходили к своим. Безусловно, немцы не доверяли создаваемым из таких «добровольцев» формированиям. Но делать было нечего, людские резервы в Германии стремительно истощались. К концу войны ими начала практиковаться насильственная рекрутизация (главным образом в подразделения «хиви»), когда у пленных даже не спрашивали их согласия на службу. Эти люди тоже считались «добровольцами», хотя, конечно, ни о какой добровольности здесь не могло быть и речи.

Многих до сих пор волнует вопрос: сколько же в действительности военнопленных встало на путь коллаборационизма? Об этом есть интересные исследования доктора исторических наук М.И. Семиряги. Согласно его данным, общая численность советских пленных, так или иначе сотрудничавших с немцами, составила 1 млн. человек, среди которых примерно 700 000 приходилось на невооружённые формирования «добровольных помощников» («хиви»), 196 000 – на национальных легионеров и свыше 100 000 составляли полицаи и власовцы. В то же время, европейские страны – союзники Германии – предоставили в распоряжение немецкого командования более 10 млн. солдат и 176 000 добровольцев, служивших в войсках СС[201]. Отсюда видно, что количество вооружённых европейских коллаборационистов многократно превышало общее число советских военнопленных-коллаборационистов.

Судьба бывших военнопленных в СССР

Уже в годы Великой Отечественной войны военнослужащие Красной Армии, побывавшие в плену или выходившие из окружения вне состава своих частей (т.е. самостоятельно) привлекали к себе особое внимание органов государственной безопасности. Эти люди подлежали проверке

в специально созданных для этого фильтрационно-проверочных лагерях НКВД. (Постановление о создании спецлагерей НКВД и сборно-пересыльных пунктов наркомата обороны вышло 27 декабря 1941 года). Сеть подобных лагерей разворачивалась на протяжении всей войны. С января 1942 по июнь 1945 года их было создано 68[202]. Большинство проходивших проверку военнослужащих вновь направлялось в действующую армию. А начиная с весны 1943 года, для всех лагерей предписывался приоритет их экономического использования (шахты, рудники, лесоповал). Часть освобождённых из плена направлялась домой, примерно 10-15% репрессировано[203].

Судьба советских военнослужащих, переживших фашистский плен, оказалась трагичной дважды: во-первых, сам плен уже явился для них величайшей трагедией. Однако не менее тяжела была их судьба и после войны, когда они, уже вернувшись на родину (к середине 1947 года в СССР были репатриированы 1 549.7 тыс. бывших военнопленных[204]), должны были подвергаться не просто целесообразно-оправданной агентурно-оперативной проверке, но проверке, буквально граничившей с политическим недоверием. Тот, кто её проходил, получал возможность продолжить службу в армии, если же был уличён в «неблагонадёжности» – попадал в рабочий батальон. Очень немногим «повезло», и они по возрасту или по состоянию здоровья были отпущены домой с тем, чтобы в 1948 году подвергнуться новым, неожиданным репрессиям. Горька доля 123 464 офицеров, освободившихся из плена в 1945 году. После проведённого дознания для них, как правило, открывалось лишь два пути: в лагеря ГУЛАГа или на спецпоселение[205].

Самое печальное было то, что бывшие советские военнопленные, по сути, являлись изгоями общества: на местах к ним относились как к предателям, их семьи лишались социальной поддержки, их дети подвергались общественному остракизму. Пересмотр государственной политики в отношении военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, начался только после выхода 29 июня 1956 года Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений в отношении бывших военнопленных и членов их семей». С 1957 года дела бывших военнопленных в основном были пересмотрены. Большинство – реабилитировано. Им восстановили воинские звания и пенсии, вернули награды. Получившие ранения или совершившие побег из плена были отмечены медалями.

Однако не все меры, направленные на реабилитацию бывших военнопленных, были выполнены, а многие – вообще остались на бумаге. И лишь в январе 1995 года (!) Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и послевоенный период», согласно которому бывшие военнопленные получали статус участника Великой Отечественной войны и на них в полном объёме стал распространяться федеральный закон «О ветеранах», принятый Государственной Думой 16 декабря 1994 года.

Казалось бы, после долгих лет наконец-то восторжествовала справедливость по отношению к этим, столь тяжко пострадавшим людям. Но остались вопросы, которые не дают покоя всем, кто так или иначе задумывался об их судьбе.

Почему о них до сих пор так не любят вспоминать? ***Почему послевоенные поколения их словно бы вычеркнули из своей памяти?***

В каком-то смысле, ситуация сходна как в России, так и в Германии.

В Германии

В немецкой историографии, публицистике, а также общественном сознании широко распространено представление о непричастности вермахта к нацистским преступлениям на Востоке, и, в частности, к истреблению советских военнослужащих. В обществе сложилось стойкое мнение о том, что преступления национал-социализма были выражением сущности самого режима, сам же немецкий солдат был политически нейтрален и являлся всего лишь «винтиком»-заложником (и даже жертвой) этой чудовищной системы. Отсюда и военные преступления стали прочно ассоциироваться исключительно с гиммлеровским аппаратом (СС), но никак не с самими вооружёнными силами Германии. Вот почему любые дискуссии о «другом холокосте» перерастают в стремление любым путём персонифицировать ответственность за массовое уничтожение военнопленных, сохранив при этом незапятнанным моральный облик армии, и, тем самым, – общества.

Однако, если в аналогичной ситуации преступления, например, против еврейского народа ещё как-то можно было бы связать *исключительно* с деятельностью ведомства Гиммлера (хотя это, строго говоря, не совсем так), то история с советскими пленными в этот ряд уже не вписывается: то, что происходило с ними на всех этапах пленения, напрямую касалось именно вермахта – не только его «верхушки», но и рядового состава.

В этом смысле, вина *самого немецкого народа* как за «первый», так и за «второй» холокост оказалась размыта и сведена к «нулю», что и проявилось в его отношении к теме советских пленных. Так, например, вышедший на экраны Германии в 2012 году документальный фильм режиссёра Беаты Лер-Метцгер «Плен» об их трагической судьбе, был довольно прохладно встречен зрительской аудиторией и не нашёл возможных путей для более широкого показа. Общественное недовольство вызвала как сама тема, так и страшная правда, запечатлённая беспристрастной кинохроникой военной поры.

Что же, может быть, режиссёр был неправ? – «А вот как мы выживали в рабочей команде до осени сорок третьего – это отдельный разговор. Никто из немцев-ремонтников нас из жалости не подкармливал и сигаретами не угощал, наоборот, когда один раз нас послали перебирать картошку на складе, на окраине Пскова, так при проверке у нас нашли по нескольку картошин у каждого, которые мы хотели пронести в барак, и за это мы были нещадно, жестоко избиты. Иногда нас застав-

ляли убирать в немецких комнатах, в казарме, мыть полы или топить печки, и немцы специально оставляли на видном месте сигареты или кусок хлеба, так они нас проверяли, своруем мы их или нет ... С немцами-ремонтниками никаких человеческих отношений у нас так и не возникло, были несколько человек среди них, которые относились к нам с видимым сочувствием и тайком могли даже дать сигарету, но в «первый период» они все нас били. Вроде не эсэсовцы, а обычные немецкие рабочие, мастеровые люди в военной форме, небось, до прихода Гитлера к власти за коммуниста Тельмана голосовали на выборах, а всё же не сдерживались, били нас, «унтерменшей», «бессловесных бесправных рабов» ... В войну немцы не делились на «хороших» и «плохих», вся немецкая нация, с ног до самой макушки, запачкалась в крови невинных жертв, или запятнала себя поддержкой Гитлера и прочей нацистской и эсэсовской сволочи ...» (Фрайман А.А.)[206].

Вот почему немцы не хотят ни говорить, ни вспоминать о советских военнопленных. Для них эта тема – словно маркёр их неготовности *реально* (то есть не по внешней, а по внутренней форме) признать за собой вину за содеянное в годы войны. Не за то, что конкретно делали или не делали их отцы и деды, а за расовое (*цивилизационное*) презрение к другим, непохожим на них народам, и в частности – русскому. Память о советских военнопленных – это взывание к совести всей немецкой нации в целом. А это, безусловно, и больно, и обидно, и крайне неудобно.

В России

Но как могло случиться, что ***наши пленные стали чем-то вроде прокажённых и в своём родном Отечестве?***

А мы шли по военным дорогам
И тянули свой крест ... Как нам жить?
Как вернуться к родимым порогам,
Где не будут нас больше любить?..

Во все века солдатам, попавшим в плен, сочувствовали и всячески пытались помочь, облегчить их участь. Известен указ Петра I (1700 г.) «О даче жалования выходцам из полону за полонное терпение и за рану». Российская казна регулярно тратила значительные суммы (до одной трети!) на выкуп своих пленных. Семьи военнопленных также не оставлялись без внимания – им выплачивалась половина того содержания, которое их главы получали на службе в день взятия в плен. Кроме того, им назначалась пенсия в случае смерти в плену их кормильца. В церквях неизменно осуществлялся сбор пожертвований «на выкуп из полона» – священнослужители и миряне регулярно возносили к Богу молитвы об облегчении участи «братий наших пленённых».

Что же случилось в XX веке с русским народом, если сама мысль о пленных стала ему ненавистна? В какой ещё стране её правитель (и

главный полководец) предавал анафеме своих воинов, попавших в плен?

Может быть причиной тому стало всеобщее моральное очерствение, вызванное бедствиями войны и послевоенной разрухой? На этом фоне массовая гибель военнопленных не воспринималась большинством как национальная трагедия, а выглядела всего лишь как неудобный факт, который надо было поскорее забыть. Или подобное огрубение чувств стало всё же следствием общей политики нашего государства по отношению к военнопленным?

Существует большое искушение обвинить во всём этом безумии власть: дескать, она (в лице Сталина и возглавляемой им коммунистической партии) издавала несправедливые указы и формировала нездоровое отношение к пленным в советском обществе. Отчасти это верно, но лишь отчасти, потому что основу любой власти составляет «мотивационная энергетика» народа, его *мнение* о том, как должна быть организована его жизнь в историческом пространстве. В этом смысле, правитель – всего лишь выразитель (в широком смысле) народной воли и именно отсюда вытекает известное: «каждый народ достоин своего правителя».

Всё это позволяет утверждать, что в послевоенной трагедии наших военнопленных виновен не только Сталин или коммунисты, как это принято думать, но и весь народ в целом: «Не забыть, как по улицам крупнейшего города в Сибири вели колонну оборванных измученных доходяг – «врагов народа» – в большинстве своём красноармейцев, имевших несчастье побывать в немецком плену. Из толпы, стоявшей на тротуаре, звучали реплики, вроде «у-у, гады», «сволочи», «продажники», «сразу видно – предатели», «вон какие рожи», «убить их мало, фашистов проклятых ...» Люди выкрикивали ругательства, не давая труда себе представить, в каких обстоятельствах и в большинстве не по своей вине оказывались эти, ёжившиеся от потока оскорблений оборванцы, конвоируемые автоматчиками с собаками. Толпе не возразишь: открывать рот в строю заключённым строго воспрещено. Неудивительно, что заключённые, оказавшись после «прогулки по городу» в поджидавшей их тюрьме или в лагере за колючей проволокой, вздыхали с облегчением» (А. Клейн)[207].

Можно ли как-то объяснить это всеобщее помрачение чувств и рассудка?

Думается, в СССР на государственном уровне сам факт наличия такого огромного количества военнопленных откровенно ставил под сомнение культивировавшуюся в те годы идею превосходства советской военной науки и советского военного искусства. С другой стороны, одними лишь государственными и военными амбициями данный вопрос исчерпываться не может.

История свидетельствует, что Октябрь 1917 года пробудил в русских людях необыкновенную жажду перемен. Ими овладела мессианская (религиозная, по своей сути) идея построения первого на Земле (!) Государства всеобщей Справедливости и Благоденствия. Сама мысль – быть первопроходцами в таком деле – волновала сердца, вдохновляла на по-

двиги. И, кроме того… возбуждала необыкновенное тщеславие: «Мы единственные! У нас самое прекрасное государство! Самая лучшая идеология! Самый замечательный вождь! Мы идём впереди всей планеты!».

Принцип превосходства системы составлял основу жизни тогдашнего общества. Люди были глубоко убеждены, что социалистический строй – самый лучший, самый прогрессивный строй в мире; что Советский Союз – самая сильная, самая передовая страна на свете; что советский народ – самый великий, самый могучий народ на земле. И в этой непомерной гордости заключалась национальная идея нашего народа, позволявшая ему буквально «сдвигать горы» ради достижения намеченных рубежей.

А, ведь, и было чем гордиться! – в кратчайшие сроки была ликвидирована безграмотность, проведена индустриализация, налажено всеобщее медицинское обслуживание, организованы социальные лифты для бывших неимущих классов. Но… какая была заплачена за всё это цена? Задумывался ли кто-нибудь об этом в то время? Несмотря на весь ужас массового террора, коллективизации и рабского труда в системе ГУЛАГ люди абсолютно *искренне* пели:

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

(Не пели так только те, кто подвергался репрессиям или ожидал репрессий в отношении себя и близких. Но даже попав в застенки НКВД, на поселение или в лагеря, многие продолжали верить в счастливое будущее своей страны, воспринимая своё положение, как ошибку, которая непременно будет исправлена).

И если бы гражданам страны Советов кто-нибудь на тот момент попытался бы раскрыть глаза на истинное положение дел, то они в гневе бы отвергли все разумные доводы, посчитав их… «вражеской пропагандой». Конечно, можно допустить, что «массы» были «одурманены» идеологией, которую вкладывала им в головы тоталитарная власть. Однако с этим нельзя в полной мере согласиться. В качестве контраргумента всегда можно привести слова А.С. Пушкина:

Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Иными словами, народ *желал* быть «одурманенным», потому что именно коммунистическая идеология в данном случае была созвучна его вековой мечте построения Государства всеобщего Благоденствия, и за её осуществление он готов был сносить какие угодно трудности, лишения и несправедливости. Беззаветное служение *мечте* являлось на тот момент основой национального самосознания его коллективной личности. *Мечтой* оправдывалось всё. А тот, кто вставал поперёк этой мечты, становился народу ненавистен.

Вот так, поперёк мечты встали волею обстоятельств бывшие пленные. Одним своим видом они мешали большинству наслаждаться вкусом победы – не только военной, но и идеологической. Они жили рядом и своим присутствием словно напоминали о страшной цене этой победы. Они вносили сомнение в правомерность вековой мечты, смущали и раздражали просто самим фактом того, что выжили в фашистской неволе.

(Нечто подобное происходило в этот период и в отношении пропавших без вести. Но в отличие от бывших пленных, те лежали незахороненными в полях, лесах и болотах – «не на глазах» – и своим видом не раздражали никого. Соответственно, ими и не занимались. В этом смысле, их судьба была подобна судьбе военнопленных, потому что причина, по которой с ними поступали таким образом, была одной и той же).

Иными словами, появление на горизонте общественного сознания миллионов этих людей косвенно бросало тень на всё, что так или иначе питало национальную идею нашего народа – на базовый принцип его самоидентифицирования на просторах истории. А такое не прощается никому.

Удивительное дело! Национальный подъём, так мощно проявивший себя в годы войны необыкновенным самопожертвованием, высвечиванием лучших качеств национального характера, после войны сменился торжеством застарелых идеократических идеалов. Как такое могло произойти?

В годы войны, особенно в первоначальный её период, патриотизм стал главной духовной опорой сражающегося народа. В ситуации возможного тотального уничтожения и порабощения личная жизнь и судьба Родины воспринимались большинством как одно неразрывное целое, и именно тогда внутри общественного сознания произошло смещение акцентов с революционных к общечеловеческим ценностям.

Однако совершенно неверно было бы полагать, что «традиционное патриотическое чувство («русский патриотизм») естественно жившее в народном сознании … отрицало и однозначно возобладало над ценностями и чувствами, рождёнными после 1917 года («советский патриотизм»). В политике усиления патриотических чувств, настроений и устремлений в период Великой Отечественной войны они во многом сблизились, слились в общественном сознании. Акценты же в пропаганде этих сблизившихся начал в годы борьбы с захватчиками смещались в зависимости от развития событий»[208].

В 1941-1943 гг. общая ситуация была неблагоприятна для пропаганды достижений социализма. Главная задача заключалась в том, чтобы выстоять и выжить. Но на заключительном этапе войны, когда стало ясно, что поражение врага – это лишь дело времени, всё то, что питало «советский патриотизм» (т.е. представляло основу национальной идентичности в новых исторических условиях) начало постепенно выдвигаться на передний план.

Ясно, что указанный процесс протекал в сфере глубокого коллективного бессознательного. В сфере же сознания он «всплыл» и оформился в виде достаточно чётких идеологических концептов: «Советские люди

пришли в роли освободителей в Европу. На многих из них произвели неблагоприятные впечатления, с точки зрения советского руководства и сравнения с советской действительностью, уровень и образ жизни населения капиталистических стран. В этих условиях партийные организации и пропагандистские службы предпринимают меры по преодолению «отсталых», «мелкобуржуазных», «политически вредных настроений». Одним из важных способов решения этих задач стала активизация пропаганды достижений и исторических перспектив социализма, социальных преимуществ нового общественного строя, воспитание чувств гордости им»[209].

В итоге победа в Великой Отечественной войне ещё сильнее утвердила большинство в том, что Россия имеет особый, мессианский статус, и люди вновь вернулись к прежнему психологическому формату самовозвеличивания и самовосхваления.

А это повлекло за собой и особое отношение к Великой Отечественной войне и её солдатам. В таком контексте война могла изображаться только в мажорных, победных тонах. Задача ставилась исключительно прославлять подвиг народа, рассказывать о его героях, формировать патриотические чувства у молодёжи – преданность Родине, партии, Советской власти (обеспечившим победу «лучшей» идеологии). Национальная идея, оформленная посредством коммунистической идеологии, требовала, чтобы о жестокой правде войны говорили как можно меньше: «... по выдуманной политработниками концепции, наша армия – лучшая в мире, воюет без потерь. Миллионы людей, полёгшие на полях сражений, не соответствовали этой схеме. О них не полагалось говорить, их не следовало замечать ... Официальные памятники и мемориалы созданы совсем не для памяти погибших, а для увековечения наших лозунгов: «Мы самые лучшие!», «Да здравствует коммунизм!» Скажем точнее. Существующие мемориалы не памятники погибшим, а овеществлённая в бетоне концепция непобедимости нашего строя. Наша победа на войне превращена в политический капитал, долженствующий укреплять и оправдывать существующее в стране положение вещей. Жертвы противоречат официальной трактовке победы» (Н.Н. Никулин)[210].

Власть не поощряла воспоминаний о жертвах, да народ особенно-то и не стремился говорить о них. А ведь пленные были теми же жертвами! Они стояли живым укором забывшему совесть народу.

Единственный контекст, в котором разрешалось о них упоминать, был связан с темой «преступлений гитлеровского режима». Этот подход отразился и в материалах Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Не случайно расследование это было недолгим и далеко не полным. Никого по большому счёту не интересовало истинное положение вещей. Никому не нужна была правда о том, что в действительности происходило с военнопленными на оккупированных территориях. Собирался лишь тот минимум информации, который был необходим для проведения показательных процессов над побеждёнными нацистами. И если в ходе проводившейся работы

устанавливались места концлагерей и лагерных кладбищ, то эти данные далеко не всегда фиксировались документально, а затем местоположения обнаруженных объектов попросту терялись и забывались.

Не удивительно, что кладбища советских военнопленных в своём большинстве остались безымянными, не отмеченными никакими мемориальными знаками. Буквально по костям замученных узников в последующие годы были проложены дороги, разбиты огороды и построены дома. Сами же люди в процессе строительства, натыкаясь на эти кости, относились к ним как к *мусору*, то есть вывозили их на свалки или просто зарывали поглубже – «Мы не находим в себе мужества быть виноватыми. В том числе по отношению к военнопленным и пропавшим без вести» (Д. Гранин)[211] – «Равнодушие к памяти погибших – результат общего озверения нации» (Н.Н. Никулин)[212].

90-е годы XX века ознаменовались сломом советского этапа государственного строительства. На месте разрушенного идеократического государства начало формироваться государство правовое, и настало время критического переосмысления предыдущей исторической эпохи. Началось с простого – «**не так** строили», закончилось многозначным – «строили **не то**». И вдруг одномоментно в народе исчез пафос самовозвеличивания: испытав глубокое разочарование в коммунистической идее, он начал испытывать сильнейшие сомнения в своей исторической состоятельности. Одновременно же возникла и настоятельная потребность в обретении новых смыслов, в формировании новой национальной идеи, способной сплотить общество на иных, более здравых основаниях.

На таком фоне по-иному зазвучала тема жертв Великой Отечественной войны. Открыто и внятно заговорили о миллионах бездарно загубленных солдатских жизней, о несправедливостях, о предвоенных репрессиях в отношении командного состава Красной Армии, о страхе, о штрафбатах и заградотрядах... Но тема военнопленных вновь осталась как бы на периферии общественного сознания. И не прежнее нежелание общества видеть «пятна на солнце» стало тому причиной. Если бы это было так, то не появился бы в Москве поразительный по мощи воздействия памятник Зураба Церетели, посвящённый узникам фашистских концлагерей.

В основе сегодняшнего равнодушия к судьбам советских военнопленных лежит искреннее непонимание обществом самой проблемы: *какую роль эти люди могут играть в деле формирования нашей исторической памяти?*

И, действительно, *зачем* напоминать новым поколениям– успешным, энергичным, позитивным и креативным – о немыслимых страданиях, выпавших на долю бывших пленных? Может быть, молодым эта память, по большому счёту, и вовсе не нужна, а только мешает двигаться в светлое цивилизованное (европейское) будущее?

Да и то сказать, что, собственно, сделали эти люди? Ну, добро, если бы они с оружием в руках воевали или освобождали данный населённый пункт. Но они-то не воевали, а в плену *сидели*!! Ну, жалко их, по-человечески, конечно. Не повезло им. Но стоит ли бередить нашу па-

мять такими страшными фактами истории? Чему они могут научить нашего современника? И правда, *чему* ?

43. Зураб Церетели. Памятник узникам фашистских концлагерей на Поклонной Горе в Москве – «Трагедия народов».

Попытка осмысления исторического опыта

Что говорить, плен – это наиболее страшное, что могло произойти в жизни военнослужащего. В условиях плена нередко ломались даже самые сильные характеры. Но и в этих, немыслимо тяжёлых обстоятельствах люди пытались сопротивляться. Невероятно, но, несмотря на весь ужас их положения, им удавалось устраивать побеги:

«*19 декабря 1941 года*: Сильный мороз стоит на дворе. По Октябрьской улице в сторону посёлка Шапки едут подводы. Это немцы везут почту. На шапкинском переезде – пустая казарма. Решили обогреться. Заехали. Пленные натопили печи. Немцы обогрелись, наелись и уснули. Пленные часового убили топором, убили и остальных, захватили оружие, посылки, документы, переоделись в немецкую форму и уехали на лошадях. А на прощание оставили записку: «Это в счёт будущей победы!» (А. Астафьева)[213].

«Однажды уселись наши пленные на крыльце бойни (в Тосно). Тут немец подъехал на машине, выскакивает, даже зажигание не выключил – мотор работал – и в дом. Вот, сидели, сидели эти пленные, вдруг один вскакивает, и влётом – раз! – в машину и поехал на Колпино. И всё, уехал. А вот как дальше он проехал – не знаю. Как он Поповку проехал, как Ижору проскочил? – тут же везде немцы стояли, крепость была! А

тех, кто остался, немцы стали бить розгами и загнали в дом. Вот это дело помню хорошо» (А.А. Бисиков)[214].

А вот письмо В. Брехлера о судьбе своего отца Уршумова Андрея Ильича 1908 года рождения: «... известно, что он был расстрелян в Тосно – в сарае за госбанком (в войну – гестапо) в первую суровую зиму войны. До войны отец служил в тосненской пожарной команде. При наступлении немцев она была отозвана в Ленинград. Часть её состава была отправлена на фронт, в том числе и мой отец. А дальше – Синявинские высоты и плен. Пленные использовались для рытья траншей. Раненых и слабых немцы добивали. На ночь – дощатый сарай, и это в трескучие морозы! Отцу удалось бежать. Днём прятался, пытался перейти линию фронта. Он хорошо знал местность. До Тосно дошёл сильно обмороженным: пришлось долго лежать в снегу, чтобы незамеченным добраться до родных. Скрывала, кормила и как могла лечила его многодетная семья Шихановых. Не один раз приходили по доносу полицаи с проверкой. Затем – лагерь, снова побег и опять лагерь ...»[215].

Есть сведения о том, что в Саблинском лагере группа из 28 заключённых также смогла совершить побег, и некоторые при этом остались живы[216].

Был в Саблинском лагере и другой случай сопротивления. Однажды в яркий июньский полдень 1942 года у его ворот разорвался снаряд. И затем несколько дней подряд по 6 снарядов в день происходил обстрел немецких позиций в этом же районе Ульяновки. Смелое поведение таинственных артиллеристов спровоцировало пленных красноармейцев на восстание. К сожалению, оно было жестоко подавлено – на свободу не вырвался никто. Однако перед этим на железнодорожной станции Саблино тремя умелыми выстрелами всё тех же неизвестных героев был уничтожен целый немецкий состав с боеприпасами: «Над станцией и посёлком висели тучи чёрного дыма. Из окон вылетали стёкла. Около двух часов продолжался этот знаменитый саблинский пожар. Более 20 вагонов с тяжёлыми снарядами, сдетонировав, взлетели на воздух. И когда взорвался раскалённый огнём последний снаряд, от состава остались лишь искарёженные металлические остовы на колёсах. Два грузовика с полными кузовами убитых гитлеровцев дополняли урок мщения за муки советских военнопленных». А утром в лагерь привели двух русских пареньков. «Герои шли медленно, спокойной походкой. На их молодых лицах не было ни страха, ни тревоги, ни печали. Наверное, также не было страха, когда найдя в лесу немецкое орудие и ящики с боеприпасами, они повернули его на врага. (Есть предположение, что эти двое принадлежали к группе бежавших из плена заключённых данного лагеря. – *Авт.*). Палачи повесили героев, а затем сбросили в ямы на мокром лугу за лагерем. Последними их словами были слова: «Комсомольцы не сдаются!»[217].

Конечно, такое активное сопротивление – удел немногих. А что же большинство? Существует мнение, что оно занимало «выжидательную» позицию, однако согласиться с этим невозможно хотя бы потому, что не всякое сопротивление могло выражать себя активно, и, значит его

нельзя (только в силу его «неактивности») отождествлять с «выжидательной» позицией.

Например, хорошо известно, как отрицательно относились пленные в своей массе к перебежчикам: «Перебежчиков в лагерях сторонились. Немцы сами презирали их, но следовали предписанию, чем-то выделять из остальной массы. Перебежчикам приказали давать утром и вечером лишний черпак баланды. Они выстраивались в отдельную очередь под откровенно издевательские замечания обслуги, товарищей да и отдельных немцев, и повара выполняли приказ, наливая лишний черпак самой жидкой баланды» (А. Клейн)[218].

Не все и те, кто отбирался лагерной администрацией на должности надзирателей, вели себя бесчеловечно по отношению к своим товарищам по несчастью. Многим они помогли выжить в этом аду. В этом смысле, «быть охранником или надсмотрщиком над заключёнными и оставаться при этом человеком вопреки всему давлению лагерной жизни было личным и нравственным подвигом» (Виктор Франкл)[219].

В 1943-1944 гг. в составе вермахта была сформирована Русская Освободительная Армия (РОА) под командованием генерала Власова. В неё активно привлекались пленные красноармейцы. Власовцы имели свой печатный орган – газету «Доброволец», предназначенную для личного состава РОА, и газету «Заря», которая распространялась преимущественно в лагерях для военнопленных. В условиях информационного

44. Пропагандист РОА зачитывает советским военнопленным воззвание генерала Власова.

голода она прочитывалась пленными «от корки до корки». Многое из советской действительности они узнавали для себя впервые именно из этой газеты – несправедливость коллективизации, голодомор 30-х годов, преступность сталинской репрессивной политики, безответственность командования Красной Армии и пр. Признавая справедливость того, что излагалось, тем не менее, «к газете «Заря» и материалам, в ней публикуемым, основная масса военнопленных относилась резко отрицательно» (Ф.И. Чумаков)[220].

Точно также негативно большинство пленных относилось к рекрутированию в РОА. Люди предпочитали страдать от голода и невыносимых бытовых условий, но не соглашались надеть форму врага: «Пленным поступило предложение записываться на службу вермахта ... Только не смог я себя представить в немецкой форме! Я отказался» (И. С. Смирнов)[221] – «Я понимал, что повязка со свастикой могла облегчить возможность побега, но носить на рукаве шинели проклятый «хакенкройц» (свастику) я не мог ...» (А. Клейн)[222] – «Мучились и умирали в немецких лагерях, за колючей проволокой не предатели – те устраивались получше. Голодные и обездоленные люди на клопиных нарах никого не предавали. Они только мучились и гибли» (Г.А. Стеценко)[223].

Так что, большинство наших солдат терпело *полонное страдание* отнюдь не с целью «выжидания» для себя каких-то благоприятных перемен. В их неслыханном терпении было нечто такое, что (как это ни покажется на первый взгляд странным) объединяло их с теми, кто в этот же момент с оружием в руках сражался на фронте.

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг – в терпенье,
Любви и мольбе.

А.С. Хомяков

Каждый народ силён доблестью своих героев и кровью своих мучеников. Вся наша предыдущая история говорила о значении для народной жизни именно героев, и очень мало – о мучениках. В русском народе, к сожалению, не сложилось традиции почитания мученичества. Причиной тому, возможно, стала склонность этого народа к тщеславному самолюбованию. Именно тщеславие способствует выделению «яркого», «громкого» подвига, и заглушению «тихого». А ведь мученичество – страстотерпничество – подвиг «тихий»». В нём присутствует не само по себе тупое физическое страдание, – но страдание, понесённое за утверждение чего-то очень важного в духовном (не материальном!) смысле. И тема геройства здесь очень актуальна.

Сутью геройства является не само героическое событие как таковое, а течение некоего *процесса*, следствием (итогом) которого только и становится героический поступок. Иными словами, базой подлинного геройства во всех случаях является СТОЙКОСТЬ, представляющая собой не что иное, как *верность* (часто на внутреннем, интуитивном уровне) тому, за что человек готов отдать свою жизнь. Жизнь же свою человек готов отдать отнюдь не за что угодно, а за то, что для него *свято*. Та-

кой святыней для нашего народа в годы войны была Родина, Русская земля.

Не за Сталина, не за преимущества социалистического строя шли в бой русские люди, а за «берёзку на взгорке» да за «синий платочек». О торжестве коммунистических идеалов тогда не думали, идеология впервые отступила на задний план, и СТОЙКОСТЬ, как ведущее качество сражающегося за свою жизнь и свободу народа, начала одинаково проявлять себя в, казалось бы, совершенно различных условиях военной действительности.

Она заявила о себе и фактом «нецивилизованной» (по мнению немцев) обороны Брестской крепости; и в массовом («нелогичном») упорстве ленинградцев, сопротивлявшихся голодной смерти на «внутрисемейном», «внутриквартирном» уровне, но и мысли не допускавших о сдаче города[224] и в «бесперспективном» *полонном терпении* наших военнопленных в фашистских концлагерях.

Иными словами, чувство было одно и то же, форма проявления его в разных условиях была разной. Но хуже всех при этом приходилось именно военнопленным: и на фронте, и в осаждённом городе люди знали, верили, что Родина помнит о них, ценит их подвижническое стояние. В ситуации же с военнопленными всё было по-другому: Родина для них на тот момент выступала чем-то вроде злой мачехи: «Охранники нам говорят: «Ваш Сталин сказал, что у него нет военнопленных, все они – изменники Родины». Вот когда Родина отказалась от нас, тогда и стало хуже и тяжелее всего» (А.Д. Циплёнков)[225].

Но ответный отказ от того, что *свято*, означал одно – разрушение личности и «добровольное умирание», то есть признание правоты врага. Вот почему, вопреки «здравому смыслу», они продолжали её любить, то есть *помнить о близких* и *мечтать о доме*: «Когда отнято всё ... Я теперь знаю, что человек, у которого нет уже ничего на этом свете, может духовно – пусть на мгновенье – обладать самым дорогим для себя – образом того, кого любит. В самой тяжёлой из всех мыслимо тяжёлых ситуаций, когда уже невозможно выразить себя ни в каком действии, когда единственным остаётся страдание, – в такой ситуации человек может осуществить себя через воссоздание и созерцание образа того, кого он *любит*» (Виктор Франкл)[226].

И люди держались, как могли, держались из последних сил: «По вечерам из лагеря доносились заунывные песни: «Ты не вейся, чёрный ворон, над моею головой ...» (Л.А. Турзина)[227] – «Чаще всего наши медсёстры пели «Вечерний звон» и «Санта-Лючию» (Г.А. Стеценко)[228]. А ещё сочиняли своё:

«Я в плену, считай, четыре года.
Дни идут печальной чередой.
Далеко отсюда на востоке
Отчий край и дом родной.
Часто снятся мне родные лица.
Далеко весёлая станица,
Где живёт прекрасный мой народ ...»

Пение военнопленных повергало охранявших их немцев в сильнейшее замешательство. Как и в случае с Ленинградом или Брестом, они впервые для себя столкнулись здесь с чем-то таким, что было выше их понимания:

Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то?
А я могу любить ...

О. Берггольц

Любовь русского человека – любовь жертвенная. Именно в русской ментальности преобладает идея самопожертвования *части* ради спасения Целого. Именно такая любовь спасла Россию от уничтожения, не позволила осуществиться людоедскому плану «Ост».

Сущность того опыта, который открылся нашим людям в условиях немецкого плена, а через них и всему остальному человечеству, заключается в том, что *человечность* (как особое качество человека, выделяющее его из Животного Мира) прямым образом связана у него с представлениями о *святыне*. Это – стержень, который способен удержать человека от саморазрушения и погружения его в стихию биоты.

Кроме того, *человечность* не может быть истреблена в нём никакими внешними средствами, если только *сам* человек того не пожелает («В конечном счёте выясняется: то, что происходит внутри человека, то что лагерь из него якобы «делает», – результат внутреннего решения самого человека» (Виктор Франкл)[229]).

Вот почему *полонное терпение* есть подвиг особого рода – подвиг духа. Именно сейчас, когда русским людям так необходимо обрести новые ценностные ориентиры, духовный опыт, полученный народом, в том числе и в *таких* условиях, имеет непреходящую цену:

Стоит ли былое вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?
Всё равно – упавших не поднять,
Всё равно ушедших не вернуть.

И сказала память: «Я могу
Всё забыть, но нищим станешь ты.
Я твои богатства стерегу,
Я храню тебя от слепоты».

В трудный час, на перепутье лет,
На подмогу совести своей
Мы зовём былое на совет,
Мы зовём из прошлого друзей.

И друзья, чьи отлетели дни,
Слышат зов – и покидают ночь.
Мы им не поможем, но они
К нам приходят, чтобы нам помочь.

В. Шефнер

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полян П. Стратоцидные и стратоциидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 149-150.

2. Басистов Ю.В. На крутых перевалах XX века. Очерки по истории Второй мировой войны. СПб.: Из-во «Европейский Дом», 2010. С. 236.

3. М Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 97.

4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. М.: Вече, 2014. С. 27-28.

5. Басистов Ю.В. На крутых перевалах XX века. Очерки по истории Второй мировой войны. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 28.

6. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. М.: Вече, 2014. С. 27.

7. Герман Гейер. IX Армейский корпус в восточном походе 1941 года // От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. М.: ООО Из-во АСТ, 2004. С. 123.

8. (ЦГАГО Украины. Ф. КМФ8. Оп. 2. Д. 149. Л. 217) – Цит. по: Маринченко А. «Особые законы войны» и советские военнопленные: некоторые аспекты зарубежных и украинских исследований // Война на уничтожение. С. 145.

9. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Вече, 2010. С. 66.

10. Иванченко Н.Ю. К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных в концентрационных лагерях на территории северо-западных областей страны (1941-1944 гг.) // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина. Научный журнал. №2. Т. 4. Серия История. СПб., 2010. С. 16.

11. Хорьков В. Нацистская война на уничтожение в советских дипломатических документах // Война на уничтожение. С. 408- 409.

12. Перевод текста конвенции см.: Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000.

13. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 2. 1 сентября-31 декабря 1941 года. М., 2000.

14. Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 81- 82.

15. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР / Изд. 3-е. – М.: Экономика, 1985.С. 20-24.

16. Федеральный архив / Военный архив. Фрайбург. ФРГ. Германо-российский музей Берлин-Карлсхорст.
17. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. – М., 1973. Т.1. С.57.
18. Материалы из собрания Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.
19. Гитлер А. Моя борьба. М., 1992. С.240.
20. Материалы из собрания Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.
21. Гитлер А. Моя борьба. С. 57.
22. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных / пер. с англ. А.Уткина. М.: Эксмо: Яуза, 2011. С. 126-127.
23. Краль В. Преступления против Европы. М., 1968. С. 113, 133.
24. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 315.
25. Там же. С. 305.
26. Земсков В.Н. Статистический лабиринт. Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 29.
27. Беркут Н. Тосно опалённое войной // Под Петербургом Тосно. Альбом / Издание выпущено к 50-летию образования г. Тосно по заказу Администрации Тосненского городского поселения Тосненского района Ленинградской области. – СПб.: Лики России, 2013. С. 102.
28. Указ № 270 впервые полностью был опубликован в «Военно-историческом журнале», 1988, № 9.
29. Письмо от рядового С.И. Шилова к Сталину, направленное начальнику политуправления Северного фронта 13 августа 1941 года из госпиталя г. Ленинграда (ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 101. Л. 105) Цит. по: www.ljpoisk.ru/archive/7868777.html (23.02.2014).
30. Гранин Д.А. Мой лейтенант. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012.С. 49-50.
31. Мохов Р. Моя война. Записки рядового необученного. – СПб.: ИПК «Вести», 2011. С. 49.
32. Гранин Д.А. Мой лейтенант. С.10.
33. Там же. С. 33.
34. Клейн А. Дитя смерти. Невыдуманный роман. Сыктывкар : Министерство культуры Республики Коми, 1993. С. 5.
35. Горбатов А.В. Годы и войны. Записки командарма. 1941-1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 269.
36. Материалы из собрания Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.
37. Мохов М.М. Моя война. Записки рядового необученного. СПб.: ИПК «Вести», 2011. С.102.
38. Ломагин Н. Ленинград в блокаде. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 260-261.
39. Из личного архива военного историка Ю.Лебедева [Weber H. 122 Infanterie-Division Erinnerungen der Greif-Division. S. 35].

40. Астафьева Т. Мы вернёмся с победой. Публикацию подг. Максимова Н.// Тосненский вестник, 1994. 26 января.
41. Ломагин Н. Ленинград в блокаде. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 261.
42. Горбатов А.В. Годы и войны. С. 287.
43. Клейн А. Дитя смерти. С. 40.
44. Материалы из собрания Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.
45. Басистов. Ю.В. На крутых перевалах XX века. С. 236.
46. Гранин Д.А. Всё было не совсем так // Звезда. 2010. №4. С. 44.
47. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: опыт художественного исследования. (В 3-х кн.), Ч. V-VII / А.И. Солженицын. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 14.
48. Гранин Д.А. Мой лейтенант. С. 50.
49. Васильев Ю. Кузьмины-Дмитриевы // Тосненский вестник. – 2008. – 21 июня (№ 49).
50. Ломагин Н. Неизвестная блокада. Кн.2 Документы и приложения. СПб.- М., 2002. С. 164.
51. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо Железных. С. 265.
52. Там же. С. 204.
53. Там же. С. 261.
54. Там же. С. 191.
55. Там же. С. 452.
56. Гранин Д.А. Мой лейтенант. С. 11-12.
57. Гранин Д.А. Всё было не совсем так. С. 40.
58. Фрайман А.А. Я помню ... // воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: http: // iremember.ru (23.02 2014).
59. Клейн А. Дитя смерти. С. 5.
60. Беркут. Н.А. Тосно опалённое войной // Под Петербургом Тосно. С. 102.
61. Дмитриева М.С. А что вместо обелиска? // Тосненский вестник. 2006.15 июля.
62. Никифорова И. Любанцы вспоминают о войне ... // Тосненский вестник. 2000. 15 июля.
63. Клейн А. Дитя смерти. С.23-24.
64. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1-я. М.: Олма-Пресс, 2001/Архив. С.182-183.
65. ЦГА СПб: Список лагерей, созданных для мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны; 08.08.2011. № 720/ Архивная справка.
ГА РФ. Ф. Р. – 7021. Оп. 30. Д. 252. Лл. 79 об. (Саблино);
ГА РФ. Ф. Р. – 7021. Оп.31.Д. 252.Л.3об.(Тосно, Любань);
ГА РФ. Ф. Р. – 7021. Оп.34.Д.764.Л.13. (Любань);
Научно-справочный аппарат к документам ЧГК в ГА РФ даёт ссылку на документы и фонды ЦГА СПб о лагерях для военнопленных в д. Лисино и д. Покровское.

ГКУ ЛОГАВ: Справочник о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто и др. в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.,1994. – с. 53.
66. Цит. по: Иванченко Н.Ю. К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных ... – С. 20.
67. Там же.
68. Там же.
69. URL:http://www.soldat.ru/force/germany/camp.html (дата обращения 11.03.2015) ; а также информация из интернет форум «Stalag 332 Fellin» http://www/sgvavia.ru/forum/ (дата обращения 11.03.2015).
70. Корчагина Е.К. Тосно во время войны // Книга Памяти. Т.41. СПб.: ИПК «Вести», 2006. С. 127. / РФ Ленинградская область.
71. Громова Е.М. // Материалы Тосненского историко-краеведческого музея.
72. Кондакова (Липатова) В.П. Воспоминания // Проект Ленинградской областной общественной организации социальных программ «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история» : www.wic-tosno.ru
73. Солдатова Г.Н. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
74. Смолина (Мыльцева) З.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
75. Захарова О.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
76. Планин Л.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
77. Клейн А. Дитя смерти. С. 31-32.
78. Дудкина (Егорова) Н.М. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
79. Максимова М.А. Воспоминания / Архив Г. Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
80. Фамилия не установлена / Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
81. Никифорова И., Ямщиков В.Н. Родной Великий Городок // Тосненские ведомости. 2012. 17 октября (№ 41).
82. Масалова Т.В., Семиков В.В. Любань на Тигоде. 2004. С. 103.
83. Материалы из архива Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
84. Там же.
85. Клейн А. Дитя смерти. С. 40.
86. Лешуков Н.А. Я не вышел из Мясного Бора ... // Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / Составитель И.А. Иванова. СПб.: ИПК «Вести», 2010. С. 301.
87. Там же.
88. Васильев Ю. Кузьмины-Дмитриевы // Тосненский вестник. 2008. 21 июня (№ 49).

89. Дмитриева М.С. А что вместо обелиска? // Тосненский вестник. 2006. 9 февраля (№ 15).
90. ГА РФ. 14.05.2012. № 3555-Т. Архивная справка.
91. Колосов Б.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
92. Мохов. Предъявим счёт врагу // Ленинградский университет. 1944, 7 ноября. (№ 11).
93. Бисиков А.А. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
94. Гнутов И.Т. Японцы задирались всю войну // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Студия «НП-Принт»», 2010. С.20.
95. Михайлова Р. Помолимся о них // Тосненский вестник. 1996. 26 января.
96. Королёва В.А. Воспоминания // сайт Никольской гимназии № 1 (Книга Памяти : Война глазами очевидцев): www.nik.edu.ru
97. Соловьёва (Миронова) Л.С. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
98. Иванов М.Ф. Лисино-Корпус: фрагменты истории посёлка. 1995. // Машинописный экземпляр в краеведческом отделе Тосненской центральной районной библиотеки. С.29.
99. Соловьёв С.А. Искры памяти. Нижний Новгород: Из-во «Народный памятник», 2008. С. 130-131, 138.
100. Николаева (Низовкина) Г.Ф. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
101. Киселёва Т.Ф. Краеведческие материалы. Личный архив автора.
102. Забойкин Н.П. Под чёрным крылом войны // Войной украденное детство. Из истории Тосненского района. (Тосненская центральная районная библиотека). Тосно, 2013. С. 70-71, 76. А также: Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
103. Яковлев В. Место лагеря известно // Тосненский вестник. 1992. 16 июля.
104. Хабаров С.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
105. Чистякова С. Было страшно, но мы выжили // Тосненский вестник. 2010. 23 июня (№ 48).
106. Рубин Я.А. Плацдарм на правом берегу Тосны // Заслон на реке Тосне: Сборник воспоминаний ветеранов 55-й армии и жителей прифронтовой полосы (1941-1944 гг.)/автор-сост. Иванова И.А. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИПК «Вести», 2012. С.37.
107. Лёвин П.П. Своей воли мы не имели // Книга Памяти. Т.41. СПб.: ИПК «Вести», 2006. С. 187. / РФ Ленинградская область.
108. Молоканова Р. Воспоминания / Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
109. Акт расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков по Тосненскому району: Книга памяти. Т. 4. СПб.: ИПК «Вести», 2006 / РФ Ленинградская область.

110. Чугунова В.И. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
111. Копылова (Васильева) Е.Н. Мы чудом спаслись от угона // Книга Памяти. С. 124.
112. Васильев Ю. «Райская» жизнь бабы Анны // Тосненский вестник, 2003. 1 марта (№ 25).
113. Васюков М.И. Воспоминания / Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
114. Никишина. Сообщение о военнопленных в дер. Будково / Материалы Тосненского историко-краеведческого музея.
115. Максимова М.А. Воспоминания / Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
116. Кабадеева Л. Есть такая деревенька // Ленинское знамя, 1986. 26 ноября (№ 189).
117. На Волховском фронте 1941-1944. М.: Наука, 1982. С.314
118. Клейн А. Дитя смерти. С. 97-98.
119. Фрайман А.А. Я помню ...
120. Маринченко А. «Особые законы войны» и советские военнопленные: некоторые аспекты зарубежных и украинских исследований // Война на уничтожение. С. 138.
121. Любанцы вспоминают о войне. Публикацию подготовила Никифорова И. // Тосненский вестник. 2000.15 июля (№ 83).
122. Карцева (Ефимова) Р.Н. Моя маленькая цыганочка // За блокадным кольцом.(Воспоминания) / Сост. И.А. Иванова. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С.283.
123. Захарова О.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
124. Лешуков Н.А. Я не вышел из Мясного Бора ... // Трагедия Мясного Бора. С. 300.
125. Фрайман А.А. Я помню ...
126. Лешуков Н.А. Я не вышел из Мясного Бора ... С. 301.
127. Клейн А. Дитя смерти. С. 36.
128. Там же. С.139.
129. Фрайман А.А. Я помню ...
130. Золотухин В.М. Записки полкового врача // Трагедия Мясного Бора. С. 278.
131. Стеценко Г. А. Письмо военкому // Трагедия Мясного Бора. С. 346.
132. Федеральный архив / Военный архив. Фрайбург. ФРГ. Германо-российский музей. Берлин-Карлсхорст.
133. Клейн А. Дитя смерти. С. 91.
134. Королёва В.А. Воспоминания // сайт Никольской гимназии № 1 (Книга Памяти : Война глазами очевидцев): www.nik.edu.ru
135. Турзина (Егорова) Л.А. Еду домой на велосипеде // Книга памяти. Т. 4. СПб.: ИПК «Вести», 2006. С. 169-170. – / РФ Ленинградская область.
136. Васильев Ю. Кузьмины-Дмитриевы // Тосненский вестник. 2008. 21 июня (№ 49).

137. Забойкин Н.П. Под чёрным крылом войны // Войной украденное детство. С. 72.
138. Николаева Г.Ф. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
139. Киселёва Т.Ф. Краеведческие материалы. Личный архив автора.
140. Забойкин Н.П. Под чёрным крылом войны // Войной украденное детство. С.72.
141. Клейн А. Дитя смерти. С. 34.
142. Там же. С. 99.
143. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 28. Л. 159-161.
144. (ЦГАВО Украины. Ф. 4620. Оп. 3. Д. 249. Л. 6) Цит. по: Маринченко А. «Особые законы войны» и советские военнопленные: некоторые аспекты зарубежных и украинских исследований // Война на уничтожение. С. 144.
145. Клейн А. Дитя смерти. С. 38-39.
146. Немецкий плен глазами врача. Воспоминания Ф.И. Чумакова // Отечественные Архивы. 1995. № 2. С. 82.
147. Евсеева (Гагарина) Е.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
148. Никишина. Сообщение о военнопленных в дер. Будково / Материалы Тосненского историко-краеведческого музея.
149. Федеральный архив / Военный архив. Фрайбург. ФРГ. Германо-российский музей. Берлин-Карлсхорст.
150. Полян П. Стратоцидные и стратоциидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение. С. 153.
151. Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии. 1941-1945. М.: Мосты культуры, 2004.
152. Полян П. Там же. С. 149.
153. Фрайман А.А. Я помню ...
154. Клейн А. Дитя смерти. – С. 85.
155. Фрайман А.А. Я помню ...
156. Штрайт К. «Они нам не товарищи ...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. М., 2009. С. 7.
157. Стеценко Г.А. Письмо военкому // Трагедия Мясного Бора. С. 346.
158. Клейн А. Дитя смерти. С. 123.
159. Стеценко Г.А. Письмо военкому // Трагедия Мясного Бора. С. 346.
160. Александровы А.Г. и Б.Г. Воспоминания / Архив Г.Ф. Чекура. Тосненский историко-краеведческий музей.
161. Копылова (Васильева) Е.Н. Мы чудом спаслись от угона // Книга памяти. Т. 4. СПб.: ИПК «Вести», 2006. С. 125. / РФ Ленинградская область.
162. И снова следопыты в походе // Ленинское знамя, 1967. 9 декабря (№ 196).
163. Фрайман А.А. Я помню ...

164. Смирнов И.С. Я был военнопленным // За блокадным кольцом. Сборник воспоминаний жителей Ленинградской области времён германской оккупации 1941-1944 гг. / Составитель И.А. Иванова. СПб.: ИПК «Вести», 2007. С. 169.
165. Покровская К.Д. Воспоминания / Архив Г.Ф. Чекура. Любанская городская библиотека.
166. Солдатова Г.Н. Слёзы через семьдесят лет // Тосненский вестник. 2013. 23 ноября (№ 89).
167. Немецкий плен глазами врача. Воспоминания Ф.И. Чумакова. (Примечания. п. 6) // Отечественные Архивы. 1995. № 2. С. 86.
168. Егоров М. Палачи // Ленинское знамя. 1948. 27 января (№ 12-13).
169. Немецкий плен глазами врача. Воспоминания Ф.И. Чумакова. С. 77.
170. Лебедев Ю.М. Ленинградский «Блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941-1942. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. С. 348.
171. Клейн А. Дитя смерти. С. 126.
172. (Государственный архив Псковской области – ГАПО. Р. – 903. Оп. 3. Д. 93. Л. 38) Цит. по: Иванченко Н.Ю. К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных ... С. 26.
173. Немецкий плен глазами врача. Воспоминания Ф.И. Чумакова. С. 82.
174. Лихачёв Д.С. Воспоминания. Избранное. СПб.: Из-во LOGOS, 2000. С. 499.
175. Дмитриева М.С. А что вместо обелиска? // Тосненский вестник. 2006. 9 февраля (№ 15).
176. Иванова В.А. В оккупации. Публикацию подг. Р. Михайлова // Тосненский вестник, 1997.25 января (№ 8).
177. Макарова Н.Г. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
178. Данилов В.С. Запятнанная анкета // Ижорские железнодорожники о жизни и о войне. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Студия «НП-Принт»», 2010.С. 143.
179. Клейн А. Дитя смерти. – с. 123
180. Семёнов В.М. Тень Освенцима на Чудовской земле // Чудовский краевед. 2010. № 1.
181. Клейн А. Дитя смерти. С. 33.
182. Захарова О.П. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
183. Забойкин Н.П. Под чёрным крылом войны // Войной украденное детство. С. 71-72.
184. Клейн А. С. 127.
185. Там же. С. 41.
186. Там же. С. 64.

187. Рабичев Л. // Победа любой ценой / Составитель Жоли Е. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 201-202.
188. Золотухин В.М. Записки полкового врача. // Трагедия Мясного Бора. С.281.
189. Клейн А. Дитя смерти. С. 64.
190. Там же. С. 102-103.
191. Беттельгейм Б. Просвещённое сердце. Гл. 6. Нью-Йорк, 1960. С. 71.
192. Клейн А. Дитя смерти. С. 33.
193. Там же. С. 104.
194. Фрайман А.А. Я помню ...
195. Клейн А. Дитя смерти. С. 56.
196. Стеценко Г.А. Письмо военкому // Трагедия Мясного Бора. С. 346
197. Земсков В.Н. Статистический лабиринт. Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 27.
198. Соловьёв С.А. Искры памяти. Рассказы. Нижний Новгород: Из-во «Народный памятник», 2008. С. 232.
199. Фрайман А.А. Я помню ...
200. Смирнов И.С. Я был военнопленным // За блокадным кольцом. С. 170.
201. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 460, 473-474.
202. Латышев А.В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942-1945 гг. // Клио. 2014. № 9. С.52.
203. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7; Пыхалов И. Великая оболганная война. М.: Эксмо-Пресс, 2005.
204. Земсков В.Н. Статистический лабиринт. Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3.
205. Басистов Ю.В. На крутых перевалах XX века. С. 237.
206. Фрайман А.А. Я помню ...
207. Клейн А. Улыбки неволи. Сыктывкар: Из-во «Пролог», 1997. С. 91.
208. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. Ленинградский государственный ун-т им. А.С. Пушкина, Кингисеп. Филиал. Спб.: Альтер Эго, 2008. С. 208-209.
209. Там же. С. 219.
210. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб.: Из-во Государственного Эрмитажа, 2010. С. 227.
211. Гранин Д. Всё было не совсем так. С. 46.
212. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. – с. 227.
213. Астафьева А. Мы вернёмся с победой. Публикацию подг. Максимова Н.// Тосненский вестник, 1994. 26 января.

214. Бисиков А.А. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».
215. Брехлер В. Синявинские высоты, плен, расстрел // Тосненский вестник, 1999. 16 марта (№ 31).
216. Васильев Ю. Кузьмины-Дмитриевы. //Тосненский вестник. 2008. 21 июня (№ 49).
217. Адоров К., Сёмин Л. Имена героев неизвестны // Ленинское знамя. 1958. 1 октября (№ 195).
218. Клейн А. Дитя смерти. С. 135.
219. Франкл В. Сказать жизни «да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004. Гл. «Психология лагерной охраны».
220. Немецкий плен глазами врача. Воспоминания Ф.И. Чумакова. С. 85.
221. Смирнов И.С. Я был военнопленным // За блокадным кольцом. С. 170.
222. Клейн А. Дитя смерти. С. 76.
223. Стеценко Г.А. Письмо военкому // Трагедия Мясного Бора. С. 347.
224. Документы УНКВД свидетельствуют о том, что хотя «пораженческие» настроения в Ленинграде были распространены довольно широко, тем не менее, даже в период своего максимального подъёма (январь 1942 года), количество подверженных им лиц, никогда не превышало 20% от общего числа горожан [Ломагин Н. Ленинград в блокаде. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 351.]
225. Соловьёв С.А. Искры памяти. С. 232.
226. Франкл В. Сказать жизни «да»: психолог в концлагере. Гл. «Когда отнято всё…»
227. Турзина (Егорова) Л.А. Еду домой на велосипеде // Книга Памяти. С.169-170.
228. Стеценко Г.А. Письмо военкому // Трагедия Мясного Бора. С. 346.
229. Франкл В. Сказать жизни «да»: психолог в концлагере. Гл. «Раздражительность».

ФОТОГРАФИИ

1. URL: http: // waralbum.ru (дата обращения: 14.05.2014)
2. Там же.
3. Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941-1942 гг. Бинген на рейне, 1997.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. URL: http: // waralbum.ru (14.05.2014).

8. Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941-1942 гг. Бинген на рейне, 1997.
9. URL: http: // waralbum/ru (14.05.2014)
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея.
14. Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941-1942 гг. Бинген на рейне, 1997.
15. Фотография автора.
16. Из фондов Любанской городской библиотеки.
17. Фотография автора.
18. Из книги: Заслон на реке Тосне. Сборник воспоминаний ветеранов 55-й армии и жителей прифронтовой полосы (1941-1944 гг.). – СПб.: ИПК «Вести», 2012.
19. Фотография автора.
20. Фотография автора.
21. Фотография автора.
22. Фотография автора.
23. Фотография автора.
24. Фотография автора.
25. Из книги: «Заслон на реке Тосне».
26. Фотография автора.
27. Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941-1942 гг.
28. Там же.
29. URL: http: // waralbum/ru (14.05.2014).
30. Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941-1942 гг.
31. URL: http: // waralbum/ru (14.05.2014).
32. Там же.
33. Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея.
34. URL: http: // waralbum/ru (14.05.2014).
35. Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея.
36. Из фондов Любанской городской библиотеки.
37. Фотография автора.
38. URL: http: // waralbum/ru (14.05.2014).
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. URL: http://eva/ru/R2gXJ (дата обращения: 25.11.2014).
44. Колоскова Е.Е., Денисова Л.А., Лебедева Е.Н. В объективе война 1891-1945. СПб.: Лики России, 2009.

Листовка № 1. Личный архив историка С.К. Бернева.

Листовка № 2. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда.

Листовка № 3. Личный архив историка С.К. Бернева.

Дер. Лезье (Сологубовка): памятник «Живым и павшим землякам – узникам нацистских концлагерей». Фото 2016 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Памяти земляка

Из всех военнопленных, погибших в пересыльном лагере в Шапках, нам доподлинно известно имя лишь одного человека – жителя деревни Староселье Владимира Ивановича Хабарова (1904-1942).[Год рождения даётся по Метрическим книгам]. Был он призван на войну Тосненским РВК 14.07.1941 г., а умер в пересыльном лагере для советских военнопленных в сентябре 1942 года. Судьба его во многом уникальна. Попав в окружение под Синявино, он был взят в плен и этапирован в свою родную деревню, где в это время и располагался лагерь для наших военнопленных. Здесь ему было позволено повидаться с женой и детьми. А через несколько месяцев он умер. Жене разрешили забрать его тело и похоронить по православному обычаю на местном кладбище. Эта история произвела сильное впечатление на односельчан – так или иначе люди пересказывали её друг другу. Но особо ценными являются в данном случае свидетельства тех, кто были её непосредственными участниками.

Довоенная фотография старосельских жителей
Владимира Ивановича и Александры Владимировны Хабаровых

Сергей Владимирович Хабаров (сын) :

«Отец мой был в концлагере, здесь в Шапках. Его где-то под Синявино, рядышком, взяли в плен. И я ходил к отцу в лагерь. Восемь лет мне тогда было. Где-то с год отец в лагере был. Потом умер. Меня одного к нему пускали … Ни Ганьку, ни Женьку – моих братьев, к нему не пускали. Потом батьку и одного пускали домой, сначала с конвоиром, потом и одного. Но его предупредили: «Сбежишь – повесим всю твою семью». А куда бежать-то? Вся территория была оккупирована, кругом немцы стояли …»[1].

Александра Владимировна Хабарова (жена):

«Помню, сижу я дома, заходит немец. Он по-русски хорошо говорил, то ли изучал наш язык, то ли фольксдойче был. Спрашивает, мол, здесь ли живёт семья Хабарова Владимира Ивановича? – Здесь, говорю. Он, дескать, ваш муж в плен попал, к нам его привезли, просит детей привести. У меня в глазах потемнело, сижу ни жива, ни мертва. Нашла в себе силы, собралась, пошла. В это время народ по улице бежит, кричит: «Володю Хабарова привезли! Володю Хабарова привезли!»

Я его сразу-то и не узнала – обросший, грязный, опухший, видно от голода. Как он рассказал, под Синявино попали они в окружение, тут их и взяли в плен. Домой его не отпустили, а вот когда умер, разрешили похоронить. Лежит он у меня на кладбище в Шапках.

Я всю жизнь проработала на ферме то дояркой, то заведующей, то в полеводстве. Была у меня напарница, которая решила меня опорочить тем, что стала говорить, будто мой муж сам сдался в плен по доброй воле. Но люди хорошо знали моего Володю, не мог он такого сделать. Защищали его и меня с детьми. Отпор дали злой врунье. Если бы не земляки, не знаю, как дело бы повернулось. Тогда всё могло быть, после войны-то.

Помню, в 1946 году пришло мне из военкомата извещение, что мой муж пропал без вести. Поехала я в Тосно сказать, что не так. Захожу к лейтенанту, а сама дрожу – что-то ещё скажут. Всё же рассказала обо всём. Лейтенант сходил в соседнюю комнату, посоветоваться, наверное. Вышел и сказал, что теперь я буду получать не пособие 62 рубля на детей, а пенсию на мужа. Три рубля мне прибавили. Хорошие люди»[2].

Конечно, тяжело жилось Александре Владимировне без мужа. Одна поднимала после войны детей – трёх сыновей. А ведь замуж ей предлагали, и не раз, но она всем неизменно отказывала: «Я мужу слово верности дала. До смерти ему верна буду».

Она пережила своего Володю на 54 года. Завещала похоронить себя рядом с ним, что и было исполнено её детьми и внуками.

---

1. Хабаров С.В. Воспоминания // Проект ЛОООСП «Центр женских инициатив» (г. Тосно) «Живая история».

[2] Шумкин С. Огонёк // Тосненский вестник, 1994. 15 декабря. № 147.

Могила Владимира Ивановича Хабарова, узника концлагеря для советских военнопленных с. Шапки и его жены Александры Владимировны Хабаровой (1911-1996)

Гражданское кладбище (старое) в поселке Шапки Тосненского района Ленинградской области

К вопросу об учётных документах советских военнопленных

По итоговым документам, предоставленным немцами в 1945 году, на Восточном фронте было взято в плен 5 млн. 754 тыс. советских военнослужащих, в том числе в 1941 году – 3 млн. 335тыс[3]. Однако по более ранним данным ОКВ на Восточном фронте был захвачен 3 806 861 военнопленный[4]. При этом точный подсчёт умерших в первые полгода плена до сих пор является нерешённой проблемой.

Исходя из принципов истребительной войны, немецкие солдаты и офицеры в первые месяцы проявляли к попавшим в плен советским солдатам удивительную жестокость. Зачастую их уничтожали сразу же после боя, не включая в регистрационные списки. Кроме того, обязательному и быстрому уничтожению подлежали попавшие в плен комиссары, коммунисты, комсомольцы, военнослужащие еврейской национальности, а также раненые. Сколько человек было уничтожено подобным образом до сих пор остаётся неизвестным. По мнению западногерманского историка Кристиана Штрайта количество советских военнопленных, уничтоженных непосредственно после пленения частями вермахта, измеряется «пяти-, если не шестизначным числом»[5].

С другой стороны, и регистрация пленных ненамного улучшала общую ситуацию. Их занесение в момент пленения в документы учёта не меняло самого принципа ведения войны «на уничтожение». Да, первичные документы составлялись, но это была всё-таки формальность, при том, что в настоящее время существование и сохранность подобных документов находится под вопросом. Большинство из них, судя по всему, просто не дошло до наших дней. А судить о реальном количестве взятых в плен и особенно умерших в плену *только* по карточкам военнопленных представляется не вполне корректным, так как карточка на военнопленного заводилась уже после его прибытия в «шталаг» … если он к тому времени ещё оставался жив.

А между тем, немецкое командование предпочитало не церемониться с нашими бойцами, ведь те являлись «лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит прогрессу»[6]. Так что уничтожение «лишних ртов» сразу было поставлено на поток.

Как выглядел этот процесс можно судить по воспоминаниям выживших: «Сборно-пересыльный лагерь в Сенной Керести представлял собой участок открытой территории около восьми гектаров, обнесённый двумя рядами колючей проволоки. К моменту подхода нашей колонны

---

[3] Соколов Б. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне. М.: «АИРО- XXI», 2011. С.24.

[4] «Вопросы истории», 1989. № 3. С. 37.

[5] Штрайт К. Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. / Сокр. пер. с нем. М.: Прогресс, 1979. С. 51.

[6] Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941-1944: Доклады / Под ред. Г. Горцика, К. Штанга. М.: «АИРО-XXI», 2005. С. 27.

там находилось более семи тысяч изможденных, больных и раненых советских воинов. Открытые отхожие места кишели мириадами мух и червей. Вши астрономическими легионами расселялись на людях. По утрам пленные очищали их всеми доступными способами, но вши ползли с земли обратно на людей» (В.М. Золотухин, военврач, 2-я Ударная армия)[7].

Итак, сначала это происходило на сборных пунктах, где людей держали на открытом воздухе в любую погоду и фактически не кормили и не поили. Раненым медицинская помощь не оказывалась, и в таких лагерях они попросту гибли. Именно здесь (если это не произошло сразу же после боя), осуществлялась «селекция» коммунистов, комиссаров, комсомольцев, евреев и прочих неблагонадёжных элементов, подлежащих немедленному уничтожению.

Продержав пленных на сборных пунктах и ослабив их физически, чтобы те не могли убежать во время этапирования, их перегоняли затем в пересыльные лагеря – дулаги. На этих переходах погибало также значительное количество пленных, недаром их называли «маршами смерти»: «То, что к нам приближалось, оказалось стадом военнопленных русских. Да, именно стадом – по-другому это невозможно назвать. Поголовье насчитывает примерно двадцать тысяч. Их захватили во время последнего окружения…Они идут со скоростью не больше двух километров в час, безвольно переставляя ноги, как животные. Некоторые обриты наголо и без шапок, у других на голове меховые шапки-ушанки. Иногда слышатся окрики полицейских, то там, то здесь раздаются предупредительные выстрелы, чтобы внести в ряды порядок. Жуткая процессия, состоящая из приведений всех возрастов, проходит мимо нас…»[8].

Но не лучше дело обстояло и в дулагах. Здесь люди, лишённые нормальных бытовых условий и питания не имели права «даром есть свой хлеб» – они обязаны были работать. По сути, это был очередной изощрённый способ их уничтожения – «умерщвление через труд»: «Работавшие в лесу военнопленные получали больше питания. А остальных, кто не мог уже работать, оставляли в лагере голодать и умирать. На рабочем месте половину пленных мы оставляли у огня, а другая половина должна была пилить лес. Пленные, находившиеся у огня, снимали с себя обувь и грели свои ноги. Их ступни имели голубой или чёрный цвет. В 16.00 мы должны были снова вернуться в лагерь. Из пленных, что грелись у огня, 10-15 человек уже не двигались. Они были мертвы. Других, которые были ещё живы, но не могли идти, нужно было тащить. На следующий день лейтенант отдал приказ: тех, кто не может больше ходить, не тащить назад в лагерь, а расстреливать тут же в лесу. Многие пленные сами просили их расстрелять, так как не могли больше

---

[7] Золотухин В.М. Записки полкового врача // Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / Составитель И.А. Иванова. СПб.: ИПК «Вести», 2010. С. 278.

[8] Киллиан Х. В тени побед: Немецкий хирург на Восточном фронте, 1941-1943. М.: Центрполиграф, 2005. С. 99-101.

выносить муки и страдания…» (показания обер-ефрейтора 7-й роты 889-го охранного батальона Карла Фрайя, концлагерь в районе Пскова, зима 1941-1942 гг.)[9].

Но, может быть, самое прискорбное заключается в том, что учёт выбывших в этих условиях не проводился: «Каждый вечер вместо выбывших к нам загоняют новых штрафников. Учёта не ведётся. При возвращении с работы не обращают внимание, если кого-то не досчитываются. Конвоир просто объясняет: «Отстал…» – И охранник у ворот понимающе кивает головой» – «По утрам у бараков кладут умерших за ночь. Через зону от нас лазарет. Возле него на дровнях куча трупов. В сутки в лагере умирает по 30-40 пленных. А сколько их ещё пристреливают на обратном пути с работы? Учёта нет. Поступивших в лагерь, как и меня, не записывают. Но каждое утро проверка: считают …» (А. Клейн)[10].

Таким образом, можно совершенно определённо утверждать, что массовая смертность пленных, находившихся на первичных этапах пленения, фактически никак не регистрировалась. И это было отнюдь не спорадическое, но постоянное явление. Вот почему огромное число наших военнослужащих, оказавшихся в немецком плену и погибших от нечеловеческих условий содержания, словно бы провалилось в какую-то «чёрную дыру» – об их судьбе не сохранилось никаких документальных сведений (ни о факте пленения, ни о факте смерти).

Нижеприведённые карточки военнопленных – это карточки тех, кому «посчастливилось» пройти через ад первичных этапов плена и при этом остаться в живых. Правда, для многих подобная ситуация выглядела лишь как момент отсроченной гибели. Тем не менее, им повезло: их существование на земле оказалось подтверждено документом. Но глядя на эти документы, следует всегда помнить и о том, что за спинами тех, кому они принадлежали, встают тысячи и тысячи тех, кто упал в эту страшную бездну и навеки остался безымянным.

---

[9] Цит. по: Дюков А.Р. За что сражались советские люди. СПб.: «Аврора-Дизайн», 2014. С.112-113.

[10] Клейн А. Дитя смерти. Сыктывкар. 1993. С. 104, 112-113.

Карточки советских военнослужащих, попавших в плен на территории Тосненского района

1. Савин Николай Николаевич

Информация о военнопленном
Фамилия Савин
Имя Николай
Отчество Николаевич
Дата рождения/Возраст__.__.1901
Место рождения г. Ленинград
Лагерный номер 36079
Дата пленения 29.08.1941
Место пленения Любань
Лагерь шталаг IV H (304)
Судьба попал в плен
Последнее место службы 93 упр. строительства
Воинское звание военинженер
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации Картотека военнопленных офицеров

585

1. Name: Савин
Фамилия
Savin

2. Vornamen: Николай Николаевич
Имя
Nikolaj

3. Geburtstag: 1901
День рождения

4. Geburtsort: st. Leningrad
Место рождения
г. Ленинград.

Stalag

5. Lager: 304 Pk Kl. Lag.
Лагер
Zugv. Kst. 350 - Salaspils

Eingang 10.9.42

5a. Im Lager eingeliefert am:
Доставлен в лагер (число)

6. Dienstgrad: Ингенieр 2. Rgs.
Чин
Воен-инженер II ран.

7. Truppenteil: 93 упр. строительств.
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
Номер военнопленного в германском лагере
IV H 36079.

Nikolaj Savin

9. Vorname des Vaters: Николай
Имя отца.
Nikolaj

10. Name der Mutter:
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: Савин
Адрес ближайших родственников
Вера. г. Азов. К. Маркса № 11.

12. Beruf: Инженер.
Профессия
Ingenjer.

13 Wann und wo gefangen: 29/8-41
Когда и где попал в плен
~~Любан~~ Любань Ljuban.

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
Matrikel-Nr.
Номер в собственной части
Russ Artl.

Савин Николай Николаевич
Отс. 1942-1943
Перевел: сл. ст. Ж...

2. Ерохондин Иван Иванович

Фамилия Ерохондин
Имя Иван
Отчество Иванович
Дата рождения/Возраст24.10.1908
Место рождения Татарская АССР
Лагерный номер 44568
Дата пленения 15.08.1941
Место пленения Любань
Лагерь шталаг X D (310)
Судьба Погиб в плену
Воинское звание красноармеец |рядовой
Дата смерти 13.11.1941
Место захоронения Кайзерштайнбрух
Фамилия на латинице Jerochondin
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977520
Номер дела источника информации 1899

Personalkarte I: Personelle Angaben Kaiserteinbruch

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag (X D (310)) XVII A

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 44568

Lager: Stalag X D (310)

Des Kriegsgefangenen

Name: JEROCHONDIN. Ерохонин

Vorname: IWAN. Иван Иванович

Geburtstag und -ort: 24.X.1908. Tat. Respub. Tschuvtschna

Religion: g.v. Ки.м.зм

Vorname des Vaters: Iwan

Familienname der Mutter: —

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: soldat. Ратн

Truppenteil: 75 U. Bau but. Komp. kfo. Мурман

Zivilberuf: Autofuhrer. Berufs-Gr.: Б-Я

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 15.VIII.41. St Ujban

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gesund

Lichtbild	Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
III. Zuzug 13.11.41	165	blond	
	Fingerabdruck des rechten Zeigefingers		Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen: Erochina Pelageja st Kasan Wremennyj Stil. posilok.

Wenden!

4-teilige Meldekarte vorhanden!

gest. am 13.11.41

im M-Stammlager-Kaisersteinbruch

Todesursache: Lungen-TBC.

Ерохина Пелагея

г. Казань

временный посёлок.

Bemerkungen:

Eröffnung der Erkennungsmarke Nr. 44568 Lager: XD (310) Name: JEROCHONDIN

3. Копанев Григорий Кузьмич

Информация о военнопленном
Фамилия Копанев
Имя Григорий
Отчество Кузьмич
Дата рождения/Возраст27.02.1911
Место рождения Кировская обл., Шестаковский р-н, д. Степо-Марково
Лагерный номер 31875
Дата пленения 26.08.1941
Место пленения Любань
Лагерь шталаг X C/шталаг X D (310)
Судьба попал в плен
Последнее место службы 1069 СП
Воинское звание солдат
Фамилия на латинице Kopanev
Название источника информации ГА Кировской области
Номер фонда источника информации Трофейная и фильтрационная картотека, ф. Р3819
Номер описи источника информации 1А
Номер дела источника информации 6385

Н

1. Name: KOPANEW
Фамилия
КОПАНЕВ

2. Vornamen: GRIGORIJ
Имя
ГРИГОРИЙ

3. Geburtstag: 27.11.1911
День рождения

4. Geburtsort: д. Степо-Марково.
Место рождения
Кировская обл.

5. Lager: M Gef. Lager XD-310
Лагер
Eingang 15.XI.41.

5a. Im Lager eingeliefert am: 15.X.41
Доставлен в лагер (число)

6. Dienstgrad: Sold.
Чин
солдат

7. Truppenteil: 1069 ст. полк.
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
Номер военнопленного в германском лагере
XD 31875.

Григорий

Номер

9. Vorname des Vaters: Кузьма
Имя отца

10. Name der Mutter: Рублева
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen: Копанева
Адрес ближайших родственников
Прасковья г. С Морково, р-н
Шестаково, Обл Киров

12. Beruf: Кр - нин
Профессия

13 Wann und wo gefangen: 26. 8. 41
Когда и где попал в плен
Любань

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: Matrikel-Nr.
Номер в собственной части

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15

Personalkarte I: Personelle Angaben

Stalag X D Wietzendorf

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag X D (310)

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 31 875

Lager: Stalag X D (310)

Kriegsgefangenen

Name: KOPANEW Копанев

Vorname: GRIGORIJ Григорий

Geburtstag und -ort: 27 II 1911 d. S-Markowo g. Kiow

Religion: g.o. (г. о. м. п.)

Vorname des Vaters: KUSMA Кузьма

Familienname der Mutter: RUBLEWA.

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: Soldat

Truppenteil: 1069 in. Rg. 1069 ин

Komp. usw.:

Zivilberuf: Bauer.

Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 26 VIII 41. Ljubany

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gesund

Lichtbild

Чир ? Ріцн

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
170.	Blond.	

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

KOPONEWA PROSKOWJA.
d. S-Markow. bei Schestakowo
g. Kiow.

Wenden!

Копанева Прасковья
Кировская обл.
Т. Шестаковский р-н
с. С. Марково

56

Bezeichnung der Erkennungsmarke Nr. 31875 Lager: X-D (310) Name: KOPANEW

Bemerkungen:

4. Алеандров Василий Игоревич (Егорович)

Информация о военнопленном
Фамилия Алеандров
Имя Василий
Отчество Игоревич
Дата рождения/Возраст27.09.1912
Место рождения Питово
Лагерный номер 29151
Дата пленения 22.01.1943
Место пленения Тосно
Лагерь дулаг 375, шталаг XC
Воинское звание солдат (рядовой)
Фамилия на латинице Aleandrow
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977532
Номер дела источника информации 63

1. Name: ALEANDROW
Фамилия Александров Василий Егорович

2. Vornamen: Wassilij
Имя

3. Geburtstag: 27.9.12
День рождения

4. Geburtsort: Pitowo
Место рождения г. Питово

5. Lager: Am 26.7.44 aus Dilag 375
Лагер
nach Stalag XC versetzt

5a. Im Lager eingeliefert am: Сегодня
Доставлен в лагер (число)

6. Dienstgrad: Soldat
Чин

7. Truppenteil: Kraftfahrzeug
Воинская часть

Eingang 20.9.44

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
Номер военнопленного в германском лагере
29.151 / 375

Aleandrow

9. Vorname des Vaters: Igor
Имя отца

10. Name der Mutter: —
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen:
Адрес ближайших родственников

Vater: Igor

О-Егор. Pitowo

g. Питово

12. Beruf: Kraftfahrer
Профессия

13 Wann und wo gefangen: 22. 1. 43
Когда и где попал в плен

Torsno

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils: Matrikel-Nr.
Номер в собственной части

5. Гарбузов Антон Матвеевич

Фамилия Гарбузов
Имя Антон
Отчество Матвеевич
Дата рождения/Возраст__.__.1921
Место рождения Калининская обл., Идрицкий р-н, Красновармский с/с, дер. Затягино
Дата и место призыва Тосненский РВК, Ленинградская обл., Тосненский р-н
Последнее место службы 50 бао
Воинское звание красноармеец
Причина выбытия пропал без вести
Дата выбытия 29.08.1941
Место выбытия Ленинградская обл., Мгинский р-н, Лезьенский с/с, м. Лезье
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 18001
Номер дела источника информации 205

Информация о военнопленном
Фамилия Гарбузов
Имя Антон
Отчество Матвеевич
Дата рождения/Возраст__.__.1921
Место рождения Зачадино
Лагерный номер 120154
Дата пленения __.08.1941
Место пленения Тосно
Лагерь шталаг XI B
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти __.12.1943
Фамилия на латинице Garbusow
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977520
Номер дела источника информации 2753

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

R.S.A. 143831/43

stalag XI C Bergen ▪ Belsen

Personalkarte I: Personelle Angaben

Kriegsgefangenen-Stammlager: XIB 120154

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 120154 Lager: XIB

84

Name: CHERYSOB - GARBUZOW

Vorname: ANTON - ANT

Geburtstag und -ort: 1921 ZACADINA

Religion: ORT.

Vorname des Vaters: MACWJE

Familienname der Mutter: FAKCISTI

Staatsangehörigkeit: SUKR.

Dienstgrad: SOLDAT

Truppenteil: PIONIR Komp. usw.

Zivilberuf: MOLLER Berufs-Gr.

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 1-11-41 TOSNA

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: GESUND

Das Lichtbild des Kriegsgefangenen

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
165	BLOND	

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

KALINSKI OBLAST
IBRISKI REON
ZACADINA
GARBUZOW-IRINA RUSSLAND

Wenden!

Умер
в дет-аб 43 д Усгадина
г Арбузова Ирина

Gem. m. Schreib. v. 1/2-43 siehe-Vg. R. St. A 143831/43

stalag XI C Bergen ▪ Belsen

В персональной учетной карте произведены внесения
Вх. № 119296
1943

Bemerkungen:

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. Lager: Name:

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr.	Charaktereigenschaften u. a.	Besondere Fähigkeiten	Sprachkenntnisse	Führung
Lager:				

Strafen im Kr.-Gef.-Lager	Datum	Grund der Bestrafung	Strafmaß	Verbüßt, Datum

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen		
Pocken	Sonstige Impfungen (Ty.-Paraty., Ruhr, Cholera usw.)		Krankheit	Revier von bis	Lazarett — Krankenhaus von bis
am NOV 41	am NOV 41	am NOV 41			
Erfolg 1 POCKEN	gegen 1 TYPHUS	gegen 2 TYPHUS			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
	am	am			
	gegen	gegen			

Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehrdatum
15.11.41	TRANSPORT SERIE 6 PZGEGEN.	
12.41	VERSETZT NACH STAL IV BERGEN-BERGEN	

Form. W 1171 A. O. Deutsch. Haus für Kunstbedarf Hamburg 11, Brandstätte 1-5

6. Большаков Василий Яковлевич

Информация о военнопленном
Фамилия Большаков
Имя Василий
Отчество Яковлевич
Дата рождения/Возраст__.__.1912
Место рождения Ленинградская обл., Замостье
Лагерный номер 13991
Место пленения Шапки
Лагерь шталаг VI K (326)
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти 02.02.1942
Место захоронения Форелькруг/Зенне
Фамилия на латинице Bolschakow
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977521
Номер дела источника информации 2103

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag 326

Beschriftung der Erkennungsmarke: Nr. ~~13991~~ 9 Lager: Stalag 326

Des Kriegsgefangenen

Name: Bolwakow / Bobschakow

Vorname: Basilii / Wasili

Geburtstag und -ort: 1912 Leningrad

Religion: Orthodox. Same 4 [illegible]

Vorname des Vaters: Iwan

Familienname der Mutter: Bachtschedo

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: Soldaten

Truppenteil: 84 K.D. Komp. usw.:

Zivilberuf: Tischler Berufs-Gr.: Zimmer

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangenname (Ort und Datum): Wanku

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:

Lichtbild

Foto 2/II.42.

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe
165	blondin

Besondere Kennzeichen:

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

~~Wassiljewna~~ Ma.
Moroviskaja p-k
g. Samara
Bolwakow Iwan.

Wenden!

Chur –

102366 – 44

Bemerkungen:

Bestätigung der Erkennungsmarke Nr. ~~[illegible]~~ Lager: Stalag 326 Name: Bolschakow

7. Бушманов Владимир Семёнович

Информация о военнопленном
Фамилия Бушманов
Имя Владимир
Отчество Семенович
Дата рождения/Возраст05.07.1918
Место рождения Новосибирская обл.
Лагерный номер 14574
Дата пленения 09.09.1941
Место пленения Тосно
Лагерь шталаг VIII F (318)
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти 12.04.1942
Фамилия на латинице Buschmanow
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977520
Номер дела источника информации 2110

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben III D Berlin

Kriegsgefangenen-Stammlager: (Lamsdorf O/S.)

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 14594

Lager: Stalag 318

Für Kriegsgefangenen

Name: Busmanow Бушманов

Vorname: Wladimir Владимир

Geburtstag und -ort: 7.18 Sosum Зосим.

Religion: christl. семейный

Vorname des Vaters: Semën

Familienname der Mutter: A. Sidwito

Staatsangehörigkeit: Russe Россия

Dienstgrad: Soldat

Truppenteil: 50. Art. Reg. Komp. usw.: 50 art.

Zivilberuf: Bauer Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangenname (Ort und Datum): 9.9.41 Tesna

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gesund

Lichtbild

Умер 12. XII.

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe
180	blond

Zingerabdruck des rechten Zeigefingers

Besondere Kennzeichen: keine

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

Bu Kasqwikowa A. Sel. Sekawriasqina Sorunskij Rn. Novo Sibierskoja Obl.

Wenden!

Кашникова А. с. Новосибирская обл. Р.Н.?

санаврнашино.

№ 87

Bemerkungen:

Berichtigung der Erkennungsmarke Nr. Lager: Name:

8. Григорьев Алексей Кузьмич

Информация о военнопленном
Фамилия Григорьев
Имя Алексей
Отчество Кузьмич
Дата рождения/Возраст30.03.1923
Место рождения Вологодская обл., Чагодощенский р-н
Лагерный номер 24612
Дата пленения 19.10.1943
Место пленения Любань
Лагерь дулаг 154, дулаг 376, дулаг 375, Майданек
Судьба попал в плен
Воинское звание лейтенант
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 18002
Номер дела источника информации 1344

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben

Kriegsgefangenen-Stammlager: Durlag 3745 Lager: Fellin

Bescheinigung der Erkennungsmarke Nr. 94612

Offizier

Des Kriegsgefangenen

Name: Grigorjew

Vorname: Alexei

Geburtstag und -ort: 30.3.23; Wologda (RF)

Religion: Tschegodostinsoj (R)

Vorname des Vaters: Kusma

Familienname der Mutter:

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: Leutnant 3294

Truppenteil: 153 Sch. Rgt Komp. usw.:

Zivilberuf: Schüler Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 19.10.43; Lubaa.

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: verw.

Lichtbild	Nähere Personalbeschreibung		
Chi II	Größe	Hauptfarbe: Schw.	Besondere Kennzeichen:
	Fingerabdruck des rechten Zeigefingers		Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen: Vater; Adresse – sich oben.

Wenden!

Bemerkungen:

Bescheinigung der Erkennungsmarke Nr. Lager: Fellin Name:

Beschriftung der Erkennungsmarke	Charaktereigenschaften u. a.	Besondere Fähigkeiten	Sprachkenntnisse	Führung
Nr.				
Lager:				

Strafen im Kr.-Gef.-Lager	Datum	Grund der Bestrafung	Strafmaß	Verbüßt, Datum

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen		
Pocken	Sonstige Impfungen (Typ., Paraty., Ruhr, Cholera usw.)		Krankheit	Revier von bis	Lazarett — Krankenhaus von bis
am	am	am	Verwund. am li. Oberschen.		8.11.43 – 23.11.43
Erfolg	gegen	gegen	Schußwd. l.	mit Knochenbr.	
am	am	am	Oberschenkel	Kgf. K.H.	26.5.43
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
	am	am			
	gegen	gegen			

Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager
	16.5.43	Dulag 375	Dulag 375				

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehrdatum
8.11.43	Dulag 154	

9. Иванов Иван Прокофьевич

Фамилия Иванов
Имя Иван
Отчество Прокофьевич
Дата рождения/Возраст04.03.1915
Место рождения Калининская обл., Горицкий р-н, д. Квашенки
Лагерный номер 162795
Дата пленения 08.09.1941
Место пленения Тосно
Лагерь шталаг IV B
Судьба передан гестапо/СД
Последнее место службы 348 сп
Воинское звание лейтенант
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации Картотека военнопленных офицеров

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben

1016

Kriegsgefangenen-Stammlager : .....

Beschriftung der Erkennungsmarke

Nr. 162795

Lager : IV B

Des Kriegsgefangenen

Name : Iwanow z Иванов

Vorname : Iwan Иван Порфирьевич

Geburtstag und-ort : 4/3.-1915 г. Krasnenemo

Religion : Kalinin obl. r. K-Gorski K. Kalinjinskaja

Vorname des Vaters : Porfiri Sehovina

Familienname der Mutter : Sehovina

Staatsangehörigkeit : SSSR - Russ русс

Dienstgrad : Leitnant Л-нт

Truppenteil : 348 Inf Reg 348 сп.

Komp. usw. :

Zivilberuf : Elektriker Berufs-Gr. : Электрик

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates) : Тосно

Gefangennahme (Ort und Datum) : 8/9.-41, Тосно

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert : Gesund

Lichtbild

Nähere Personalbeschreibung S.W. 7 Згор

Grösse	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
175	Russ	St 336 w 12440

Fingerabdruck des rechten! Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

Iwanowa Elena Grigorjewna
Perspekt Lenina 108 kw 3.
Иванова Елена Григ. проспект Ленина 108 кв 3.
Иванова Елена.

Wenden!

10 Klassow – 10 классов

30.7.43
совершил побег
15.9.43 передан
гестапо

OKW-Befehl v. 10.1.40 bestätigt 24. JUN 1942

Bemerkungen :

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. ..... Lager: ..... Name:

Beschriftung der Erkennungsmarke	Charaktereigenschaften u. a.	Besondere Fähigkeiten	Sprachkenntnisse	Führung
Nr. [redacted]				
Lager :				

Strafen im Kr.-Gef.-Lager	Datum	Grund der Bestrafung	Strafmass	Verbüsst, Datum
	17.2.43	1. Nichtbeachtung der Sonntagsruhe	8 Tg. geb. Arrest 8 сут. ар ареста	17.2.-24.2.43 8ч

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen				
Pocken	Sonstige Impfungen (Ty. Paraty., Ruhr, Cholera usw.)		Krankheit	Revier von	Revier bis	Lazarett — Krankenhaus von	Lazarett — Krankenhaus bis
am 24 JAN 1943	am 17. FEB 1943	am					
Erfolg	gegen Ty	gegen					
am	am 11. FEB 1943	am					
Erfolg	gegen Ty	gegen					
am	am 21. FEB 1943	am					
Erfolg	gegen Ty	gegen					
	am	am					
	gegen	gegen					

Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager
	25.7.42	zu Stalag IV F abg.					
		перед в лаг IV Ф					

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehr-Datum
25-7-42	A.K. Penig-Schütz. / Арбейтскоманда в городе Пенигем лагерь Мильбек	PK O. Rochlitz
27.5.43	Penig Sonnbach	
12.6.43	Penig Schütz / Пенигем Шютц	ab Kandelhöfe
21.6.43	Rochlitz Gut Dobernay / Рохлиц Добернай лагерь Пирна	
23.6.43	Dobernay Gut Andress Bauer A. Sopplitz / Добернай лагерь Пирна	K O. Rochlitz ab Landsch.
16.7.43	Dobernay Gut Andress / " Mutter Anna Hänsel / Добернай лагерь Пирна	
30.7.43	geflohen — сбежал	ins Lager IV F zurück 13. AUG 1943
26. AUG 1943	S Lager Rippach Зал. Рипах	ins Lager IV F zurück 4. SEP. 1943

Am 15.9.43 gem. G.K.W. Befehl wieder Auslieferung an die Gestapo aus Kriegsgefangenschaft entlassen.

15.9.43г передан гестапо

Перевод

ст. лейт

4009 40 2 D

Dis 436 A

1017 Иванов Иван

Personalkarte III: Einsatz auf Arb.-Kommando

Kriegsgefangenenlager: IV B Mühlberg

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. ~~162 745~~ Lager: IV B

Buchstabe (Anfangsbuchstabe des Namens) IVA

Des Kriegsgefangenen

Name: IWANOW Иванов

Vorname: Iwan Иван

Geburtstag und -ort: 4.3.15 Kwadschinski ст. Квашинский

Religion:

Staatsangehörigkeit: Russe русск.

Dienstgrad: Leutnant лейтенант

Zivilberuf: Elektriker электрик Berufsgr.:

Grad der Arbeitsfähigkeit:

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehr-Datum
25.7.42	an Stalag IV F abg. A.K. Penig	
	убыл в лагерь IV F, работал колонна Пенин	
	Вернулся на Иван	

10. Мокрый Александр Максимович

Фамилия Мокрый
Имя Александр
Отчество Максимович
Дата рождения/Возраст__.__.1914
Место рождения Украинская ССР, Полтавская обл., Кременчугский р-н, с. Б.-Кохновка
Дата и место призыва 03.09.1941 Кременчугский ГВК, Украинская ССР, Полтавская обл., г. Кременчуг
Воинское звание мл.нач.состав
Причина выбытия погиб в плену
Дата выбытия 27.08.1944
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977522
Номер дела источника информации 436

Информация о военнопленном
Фамилия Мокрый
Имя Александр
Отчество Максимович
Дата рождения/Возраст21.10.1914
Место рождения Полтавская обл., Б. Кохновка
Лагерный номер 149441
Дата пленения 15.03.1942
Место пленения Любань
Лагерь шталаг X B
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти 27.08.1944
Место захоронения Рорзен
Могила могила 23
Фамилия на латинице Mokryj
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977521
Номер дела источника информации 1818

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben

Bezeichnung der Erkennungsmarke Nr. 149441.

Kriegsgefangenen-Stammlager: STALAG-XB

Lager: STALAG-XB

Name: Mokrij Мокрый

Vorname: Alexandr Александр

Geburtstag und -ort: 21.10.14 Kj. B-Kochnowka

Religion: Orth. Сим

Vorname des Vaters: Maxim

Familienname der Mutter: Gowolija

Staatsangehörigkeit: Ukraine

Dienstgrad: Soldat солдат

Truppenteil: Inf. Komp. usw.

Zivilberuf: Bauer Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 18.3.42 Lübeck

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gesund.

Kriegsgefangenen

Lichtbild

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
176	blond.	

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers: Yuen 24.8.44

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen: H. B. Kochnowka. gem. Krewentschny ~~gem~~ geb Pritowa Mokrij Marfe

Wendin!

Мокрая Марфа
Полтавская обл
Кременчугский р-н
д Б - Кохновка

Bemerkungen:

Verfärbung der Erkennungsmarke Nr. 149441 Lager: XB Name: Mokrij

Nr. 149441

Lager: XB

Charaktereigenschaften u. a.	Besondere Fähigkeiten	Sprachkenntnisse	Führung

Strafen im Kr.-Gef.-Lager

Datum	Grund der Bestrafung	Strafart	Verbüßt, Datum

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen		
Pocken	Sonstige Impfungen (Typ.-Paratyp., Ruhr, Cholera usw.)		Krankheit	Revier von bis	Lazarett — Krankenhaus von bis
am 19-8-43	am 19-8-43	am			
Erfolg Pocken	gegen Tif.	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
	am	am			
	gegen	gegen			

Versetzungen

Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager
12.9.43		Stalag XB			
29.9.43		Stalag XA			
11.2.44		Stalag XB			
22.3.44	n. XC versetzt				

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehr am
20.9.43	Neumünster Kr. - 30.9.43	
24.1.44	Lazarett Hitzhaken	
12.2.44	Lager	
22 MRZ. 1944	Laz-Rohrsen	
27.8.44	Gestorben. Grab-Nr. 23	
28.8.44	Krankheit Genickstarre	704 63
	VHH 6HV	

DRUCK 47 20

Dru 478 A 4

11. Петров Михаил Никитич

Информация о военнопленном
Фамилия Петров
Имя Михаил
Отчество Никитич
Дата рождения/Возраст27.09.1913
Место рождения Окуловка
Лагерный номер 48781
Дата пленения 25.02.1943
Место пленения Любань
Лагерь шталаг 336
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти 21.10.1944
Место захоронения Маутхаузен
Фамилия на латинице Petrow
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977521
Номер дела источника информации 1395

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben Stalag 336

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag 336

Beschriftung der Erkennungsmarke: Nr. 48781 681 Lager: 34

Des Kriegsgefangenen

Name: Petrow Петров

Vorname: Michael Михаил

Geburtstag und -ort: 29. 9. 1913, Chilowka

Religion: r. Christl. русск.

Vorname des Vaters: † Nikita Pjotr

Familienname der Mutter: † Hartschenko Jekaterina

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: Soldat рядовой Солдат

Truppenteil: 1. Ost. Bat. (russ.) Komp. usw.:

Zivilberuf: Buchhalter Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): Luban 25. 2. 43

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: 2 mal verwundet

Lichtbild	Nähere Personalbeschreibung		
	Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
	163	d. blond	Beide Unterärme Röt.
	Fingerabdruck des rechten Zeigefingers		Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen
Ушр 21 X 44 г.			Tochter: Vera Petrow Mutter: Chilowka Bez. Leningrad Мать: Jekaterina Petrowna Карченко Dep. Окуловка - Обл. Ленинград

Laut Entscheid des Ldr. d. Ostkruppen s. l. v. 711 vom: 3. 8. 43 wegen pol. Unzuverlässigkeit und Zersetzungsarbeit in ein Sonderlager eingeliefert und ausgeschlossen

Kriegsgef. Arb.-Lager Mauthausen-Gusen

Bestätigung der Erkennungsmarke Nr. Lager: Stamm:

Bemerkungen:

Beschriftung der Erkennungsmarke	Charaktereigenschaften u. a.	Besondere Fähigkeiten	Sprachkenntnisse	Führung
Nr.				
Lager:				

Strafen im Kr.-Gef.-Lager	Datum	Grund der Bestrafung	Strafmaß	Verbüßt, Datum

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen		
Pocken	Sonstige Impfungen (Ty.-Doxoty., Ruhr, Cr.-ria usw.)		Krankheit	Revier von bis	Lazarett — Krankenhaus von bis
am	am	am	Verstorben am 21. 10. 1944 - 2:00 Uhr		
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am	Todesursache: Kreislaufschwäche.		
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
	am	am			
	gegen	gegen			

Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager
	20.9.43		Mauthausen				

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehrdatum

© 1938 AS KD

Dia 476 A 4

12. Сперанский Ефим Михайлович

Информация о военнопленном
Фамилия Сперанский
Имя Ефим
Отчество Михайлович
Дата рождения/Возраст__.04.1912
Место рождения Ленинградская обл., Ладишино
Лагерный номер 14136
Дата пленения 15.09.1941
Место пленения Любань
Лагерь шталаг II H (302)
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти 27.01.1942
Место захоронения Гюстров
Фамилия на латинице Speranskij
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977521
Номер дела источника информации 1448

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Personalkarte I: Personelle Angaben

Bau u. Arb Batl. 102

Kriegsgefangenen-Stammlager: 302 Спиранский

Vorschriftung der Erkennungsmarke Nr. 014136

Lager:

Der Kriegsgefangene

Name: Spiranski

Vorname: Efim Михайлович

Geburtstag und -ort: 14.1.1912 d. Ladischino

Religion: orth

Vorname des Vaters: Michail

Familienname der Mutter: Unbek

Staatsangehörigkeit: Russ

Dienstgrad: Solt

Truppenteil: 486 Inf Reg

Zivilberuf: Kraftfahrer

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 1.5.44 st. Libani

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:

Lichtbild	Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
Gesund 22.1.42	157	d. Blond	keine

94

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

Leningradskaja obl. st. Borowitschi

d. Ladischino p-k Tschapajewa 8

Spiranski Maria Al.

Wenden!

Лен обл.

г Боровичи

д. Ладишино 8

Gem. m. Abg. Liste № 7.X.42.-17.X.42 Bau u. Arb. Batl. 102

Спиранский Мария

Ал.

В персональной учетной карт. ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕСЕНЫ

Вх. № 6920к

1946.

Bemerkungen:

Erkennungsmarke Nr. Lager: Name:

Beschriftung der Erkennungsmarke	Charaktereigenschaften u. a.	Besondere Fähigkeiten	Sprachkenntnisse	Zählung
Nr. 014136 Lager:				

Strafen im Kr.-Gef.-Lager	Datum	Grund der Bestrafung	Strafmaß	Verbüßt, Datum

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen		
Pocken	Sonstige Impfungen (Typ. Paraty., Rabt. Cholera usw.)		Krankheit	Revier von bis	Lazarett — Krankenhaus von bis
am	am 19.11.41.	am			
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
am	am	am			
Erfolg	gegen	gegen			
	am	am			
	gegen	gegen			

Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Versetzungen	Datum	Grund der Versetzung	Neues Kr.-Gef.-Lager
	1.12.41.	Transp. Kgf. Stam.-Abt. Stl.	12/41/2				

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehr
1.12.41.	Arbeitseinsatz Sinstrow-Primerwald	27.1.42. entlassen

13. Хаустов Евгений Алексеевич

Информация о военнопленном
Фамилия Хаустов
Имя Евгений
Отчество Алексеевич
Дата рождения/Возраст05.05.1916
Место рождения Алтайское
Лагерный номер 42641
Дата пленения 29.08.1941
Место пленения Саблино
Лагерь шталаг X D (310)
Судьба Погиб в плену
Воинское звание солдат (рядовой)
Дата смерти 24.03.1942
Место захоронения Витцендорф
Фамилия на латинице Chaustow
Название источника информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 977520
Номер дела источника информации 2525

1

Personalkarte I: Persönliche Angaben Stalag X D Wietzendorf

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag X D (310)

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 42641 Lager: Stalag X D (310) 87

Des Kriegsgefangenen

Name: CHAUSTOW Хаустов

Vorname: JEWGENIJ Алексей ALTAISKI KRAI

Geburtstag und -ort: 5-8-1916 i ALTAISKOE Алтайск

Religion: g.o. с. Алтайское

Vorname des Vaters: ALEXEJ

Familienname der Mutter: BOGATYREWA.

Staatsangehörigkeit: RUSSE

Dienstgrad: SOLDAT кр-ц

Truppenteil: 421 Inf. Rgt Komp. usw.:

Zivilberuf: RADIO TELEGRAF Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates):

Gefangennahme (Ort und Datum): 29-VIII-41 SABLINO

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: Gesund.

Lichtbild

умер 24.3.42

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
170	Grau	

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

CHAUSTOWA FEDOSIJA.
ST. BISK
NABERESNAJA 12
ALTAISKIJ KRAI.

Wenden!

Хаустова Федосия
Алтайск. кр
г. Бийск
Набережная 12

не он
№ 29494/165
463

Bemerkungen: Russe Gudolf Wiebrandt

Erläuterung der Erkennungsmarke Nr. 42641 Lager: X D (310) Name: Chaustow

Один из тех миллионов…

Он в плен попал не на коленях,
Он сдался не по доброй воле,
А потому, что отступленье
Таких, как он, бросало в поле.
К. Симонов

Читатель! Внимательно вглядись в это лицо. Этот юноша – Антон Гарбузов. Ему 20 лет. Он – один из тех миллионов советских солдат, что оказались волей обстоятельств в немецко-фашистском плену. О его судьбе нам известно немного, но всё-таки кое-что мы можем рассказать.

Антон Гарбузов родился в деревне Затягино Идрицкого района бывшей Калининской области (ныне этот район входит в состав Себежского района Псковской области). Мы можем только догадываться, какими ветрами занесло его с далёкой Псковщины на Тосненскую землю, но известно, что в 1941 году он приехал в посёлок Тосно и зарегистрировался по новому месту жительства.

22 июня стало чёрным днём для миллионов советских людей. Особенно страшным и непостижимым казался темп продвижения вражеских войск по нашей территории: группа армий «Север», наступая от Прибалтики к Ленинграду, двигалась со средней скоростью более 25 км в день. 9 июля она была уже во Пскове.

К этому времени в стране уже полным ходом шла мобилизация военнообязанных. Только за первые десять дней войны Ленинград и область послали в армию и на флот 659020 человек рядового и сержантского состава. Осуществлялась срочная мобилизация в ряды РККА и в Тосно. 25 июля Тосненским РВК были призваны 87 молодых людей в возрасте 19-20 лет. Эти ребята должны были пойти служить по призыву осенью 1941 года, но началась война, и в сложившихся обстоятельствах они были призваны досрочно. Можно представить, какой стон стоял по деревням и посёлкам, ведь призывались совсем ещё молодые люди, которым, возможно, предстояло в самое ближайшее время встретиться лицом к лицу с врагом. (К слову, о судьбе только 30-ти человек из этих 87 можно с большей или меньшей степенью достоверности сказать хотя бы то, что часть из них пропала без вести. Остальные же 57 так и сгинули в пожаре войны, не оставив о себе ничего в армейских документах той поры. Они нигде не числятся, их как бы и не было вовсе… Об этих ребятах помнят только потомки выживших в оккупации родственников да книга призывников Тосненского РВК 1941 года).

Но Антону Гарбузову в этом смысле повезло. Информация о нём сохранилась. Правда, источник её достаточно трагичен.

Он был призван в Красную армию 25 июля 1941 года в составе тех 87 новобранцев. Сначала, как и остальные, он попал в 78-й запасной стрелковый полк, формировавшийся в Ленинграде, но затем в группе не менее 13-ти тосненцев (более точное количество неизвестно) был переведён служить в 50-й БАО (батальон аэродромного обслуживания).

Надо сказать, что в 1940 году в нескольких километрах от Шапок (в направлении к ст. Мга) – в местечке Лезье (дер. Сологубовка) началось строительство военного аэродрома. Был он небольшим – всего 1 км на 1 км, поэтому работы завершились уже к осени того же года. Аэродром выполнял функцию аэродрома-подскока для истребителей. Охрану и обслуживание этого военного объекта и обеспечивало 50 БАО. Антон Гарбузов теперь служил в нём рядовым, стрелком 1-й роты.

А война, между тем, приближалась. 20 августа немцы захватили Чудово, тем самым перерезав железнодорожную линию между Москвой и Ленинградом. 25 августа – вошли в Любань. Теперь в планах немецкого командования стоял выход к железнодорожной станции Мга и далее – к Неве. Чтобы осуществить поставленную задачу, смертоносные щупальца наступающих войск протянулись сразу по нескольким направлениям: от Любани в сторону Шапок (и далее – на Мгу); от Любани, через Тосно в Шапки, а также из Тосно в Саблино (а от Саблино – к Ивановской, на Неву).

Приведём выдержки из «Хроники 20-й моторизованной дивизии вермахта», реализовывавшей эти планы:

«*28 августа 1941 года*

В 10.00 30-й мотоциклетный батальон, усиленный батареей 2-го дивизиона 20 артиллерийского полка, начал выдвижение через Тосно к Нурме, которая была занята в 14.00.

В 18.00 после короткого боя Шапки были взяты 20-м разведывательным батальоном и 3-м батальоном 76-го пехотного полка.

Положение к вечеру: передовые части дивизии у Надино.

29 августа 1941 года.

Из-за сильных дождей дороги большей частью непригодны для движения. Все батальоны 76 пехотного полка продвигаются пешим порядком. Частые остановки из-за разрозненных очагов сопротивления противника».

А в это время (28-29 августа) из Сологубовки в срочном порядке эвакуировались военные части. Среди последних – команда технического обслуживания аэродрома (50 БАО). Царила суета и полная неразбериха. Вместе с военными Сологубовку-Лезье пытались покинуть и мирные жители. Все, кто мог, бежал в сторону Мги. Отступавших осталась прикрывать военизированная охрана аэродрома. Среди них – и стрелок Антон Гарбузов. Вооружённые винтовками, в наспех вырытых, раскисших от дождя «ячейках», они приготовились держать оборону. Но бой был недолгим. Шансов победить в неравной схватке у них не было. Вот скупые строки «Хроники 20-й моторизованной дивизии» от 29 августа: «1-й батальон 76 пехотного полка овладел Сологубовкой после боя со слабыми силами противника у Лезье».

Судьба тех, кто защищал аэродром, сложилась по-разному. Кому-то повезло, и они пробились к своим. Остальные, скорее всего, попали в немецкий плен. Среди них оказался и Антон Гарбузов. Пленных красноармейцев сначала поместили в церковь (храм Успенья Божией Матери в Лезье), а затем погнали мимо Шапок в Тосно, в пересыльный лагерь, что располагался у железной дороги. Здесь Антон Гарбузов, судя по всему, пробыл до конца осени. 15 ноября он оказывается в местечке Погеген (ныне литовский Погегяй), в «офлаге»-53. Но пробыл он здесь недолго.

Следующая точка, куда попадает Антон Гарбузов (2 декабря 1941 года) – это лагерь для военнопленных на территории Нижней Саксонии: Берген-Бельзен – шталаг XIC (311). Это был страшный лагерь. Всю осень и начало зимы люди здесь находились под открытым небом. Сна-

чала они рыли себе в земле норы, затем им позволено было сделать шалаши. Когда стало слишком холодно, узникам выдали байковые одеяла – по одному на 4-5 человек. Питание осуществлялось из расчёта одна буханка хлеба на 10 человек в сутки, но и эта норма выдавалась не каждый день. Кроме того, наблюдалась массовая завшивленность заключённых.

А зимой 1941/1942 года из-за неприемлемых жилищных и гигиенических условий, катастрофически плохого питания и эпидемии тифа среди пленных началась повальная смертность. В день умирало по 200-400 человек. Страдания гибнущих людей усугублялись ещё и тем, что они находились под постоянным вниманием сотен зевак из числа окрестных жителей, воспринимавших советских солдат не как людей, а как животных. К весне из 20 тысяч советских пленных умерло 18 тысяч. Выжило 2097 заключённых. Среди них и Антон Гарбузов. Но это была лишь временная отсрочка. Свою смерть он принял в декабре 1943 года. Причина смерти не известна.

Вот и всё, что мы можем рассказать о рядовом 50-го БАО Антоне Матвеевиче Гарбузове – одном из почти 6-ти миллионов наших бойцов, прошедших скорбный путь фашистской неволи. Люди так устроены, что когда они слышат о каких-то абстрактных цифрах потерь, для них эти цифры – мало о чём говорящая статистика. Но вот разворачивается перед ними судьба конкретного человека – юноши, надеявшегося на счастливую жизнь, и вдруг становится не по себе, потому что до сознания доходит, сколько таких вот молодых жизней унесла проклятая война!

Простой деревенский паренёк. Взгляд по-юношески незащищённый, открытый. Лагерный номер – 120154. При поступлении в Берген-Бельзен пометка лагерного врача: «Здоров», то есть не разносит заразу и может стоять на ногах (пригоден для использования на тяжёлых работах). Имя матери (возможно) – Ирина, её девичья фамилия в лагерной карточке написана неразборчиво (немцы старались по девичьей фамилии матери определить, не является ли пленный боец евреем). Вероисповедание – православный. Рост 165 см, цвет волос – русый. Ещё – отпечаток пальца. Антон Гарбузов в ту минуту, когда его снимал фотограф, был ещё жив, но мы-то теперь знаем, что он уже уходил в вечность. Как знаем и то, что случилось с другими в этом фашистском аду. Об этом необходимо помнить, чтобы в судьбах наших соотечественников больше никогда не повторилось ничего подобного.

СОДЕРЖАНИЕ

«Их было слишком много!»....9
Запланированное преступление....12
Женевская конвенция....14
«Особая» война на Востоке....15
Генеральный план «Ост»....15
Расовая теория Гитлера....16
Мировоззренческая война – война нового типа....17
«Другой холокост»....18
Тосненский район в годы войны....20
Указ № 270....23
Психологическое состояние бойцов Красной армии в первые месяцы войны....24
Странная ситуация....32
Горькая правда....35
Концентрационные лагеря для советских военнопленных на территории Тосненского района по данным архивов....39
Тосно....41
Любань....42
Саблино (Ульяновка)....46
Никольское....49
Лисино-Корпус....51
Шапки (Староселье)....52
Строение....55
Покровское....56
Померанье....58
Другие населённые пункты....59
Что из себя представлял концлагерь под открытым небом....60
Этапирование до места назначения....62
Голод....64
«Умерщвление трудом»....68
Разминирование....70
Рабочие команды....71
«Комиссары и евреи – шаг вперёд!»....73
Практика расстрелов....75
Невыносимые условия жизни....77
Медицинская помощь....78
Конвейер смерти....83
Психологический шок в момент пленения....86
Моральное разложение....88
Оставаться человеком....90
Что такое «Лагерь смерти»....91
Можно ли было этому противостоять?....93
Военнопленные как рабочая сила в 1942-1945 годах....94

Военнопленные-коллаборационисты.....96
Судьба бывших военнопленных в СССР.....98
В Германии.....100
В России.....101
Попытка осмысления исторического опыта.....107
ПРИМЕЧАНИЯ.....113
ФОТОГРАФИИ.....122
ПРИЛОЖЕНИЕ.....125
Памяти земляка.....125
К вопросу об учётных документах советских военно-
пленных.....128
Карточки советских военнослужащих, попавших в плен
на территории Тосненского района.....131
Один из тех миллионов 168